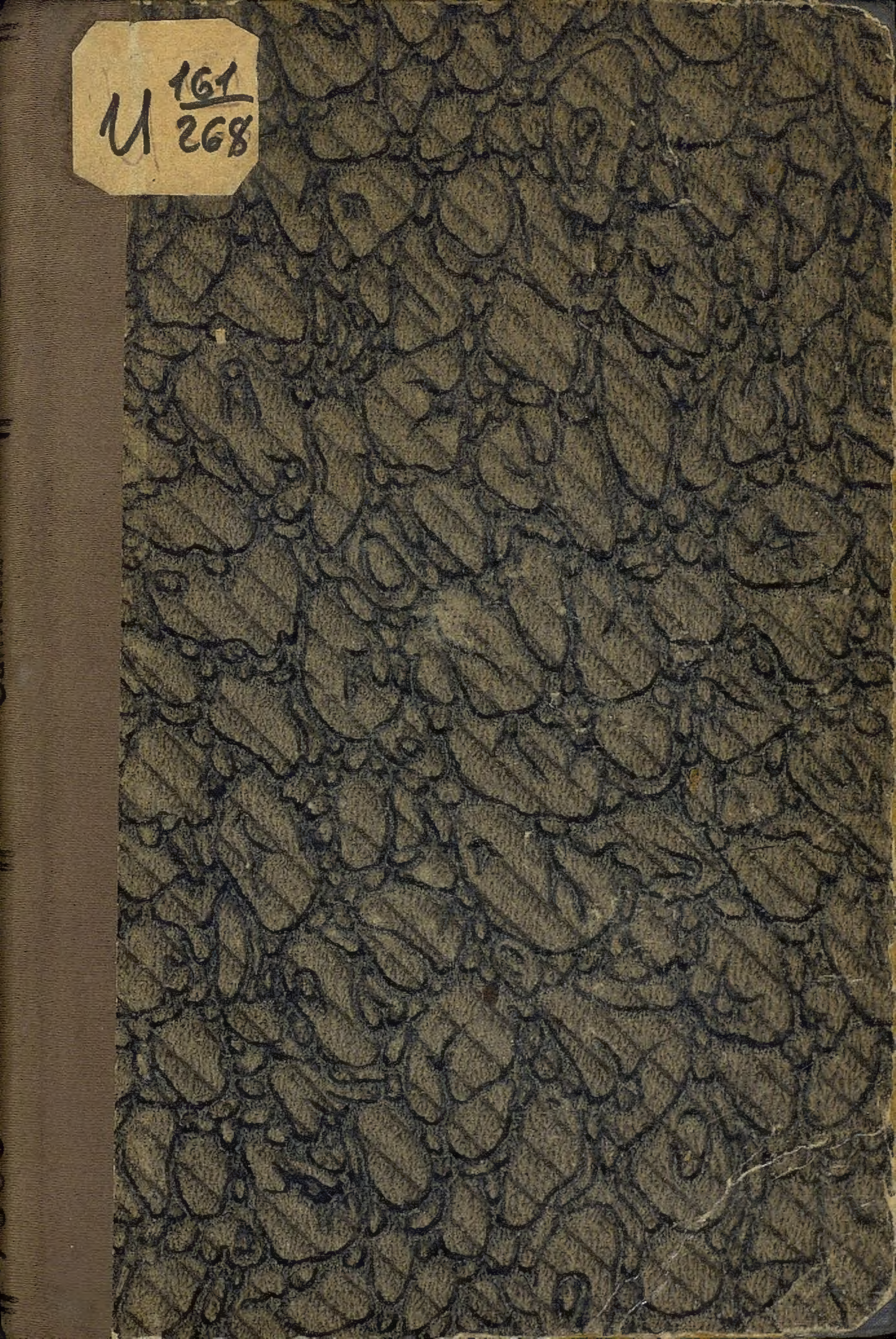

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА

ШИШКОВА.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

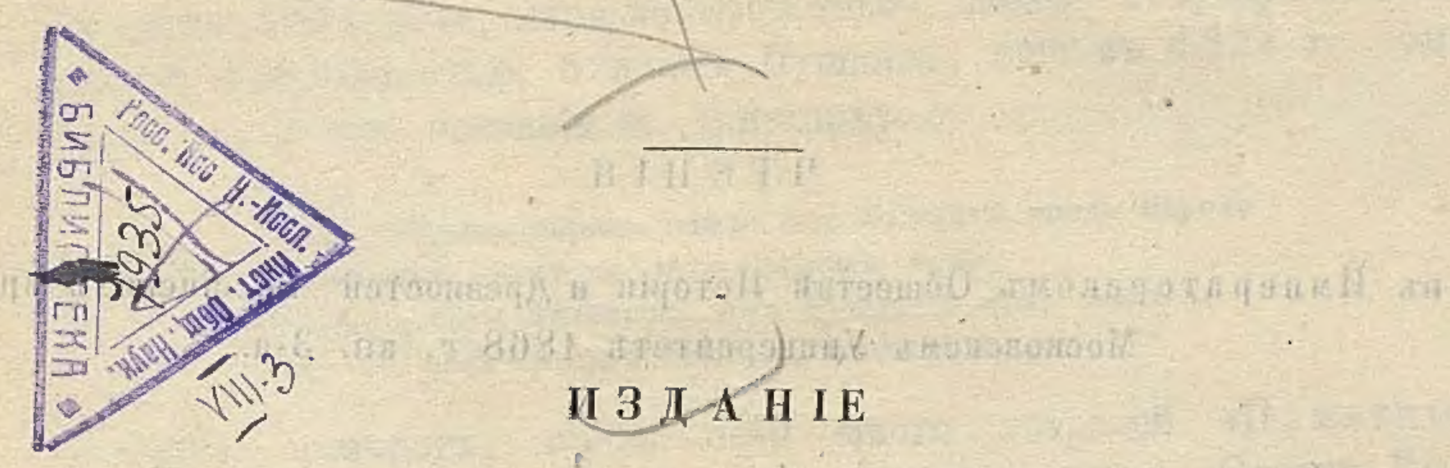
МОСКВА.
1869.

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА

ШИШКОВА.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1868 г. кн. 3-я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, скончавшійся 87 лѣтъ 1841 года, столько извѣстный своею Государственною и ученою дѣятельностью, о коемъ Пушкинъ, еще въ 1824 г., выразился, во 2-омъ посланіи къ Аристарху:

«Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ, среди Вельможъ, онъ Русскихъ музъ любилъ,
Ихъ не замѣченныхъ созвалъ, соединилъ...»

оставилъ, говорятъ, послѣ себя много тетрадей «Памятныхъ Записокъ»; о 15-ти изъ нихъ упоминается въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки 1852 года» (стр. 53), какъ о пріобрѣтеніи ея. Въ издаваемыхъ теперь мною «Запискахъ» онъ называетъ ихъ «Домашними Записками» (см. примѣч. стран. 112). Не извѣстно мнѣ, въ какомъ отношеніи находятся къ онымъ: «Краткія Записки А. Шишкова, веденныя во время пребыванія при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ 1-мъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну», изданныя въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 1831, и черезъ годъ (1832) во второй, въ Типографіи Россійской Академіи, въ 8-ку (12+299+2 стр.). Тогда же (1832 г.) были онѣ переведены на Нѣмецкій языкъ и напечатаны въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: «Memoiren des Admirals Chichkoff... aus dem Russischen von Karl Goldhammer» (въ 8 д. л.). Равнымъ образомъ не знаю я и отношенія къ «Памятнымъ или Домашнимъ Запискамъ» его предлагаемыхъ Записокъ, объемлющихъ, правда, всего только два года съ половиною (съ 15-го Мая, 1824-го, по 12-ое Декабря, 1826 г.), но за то какіе годы! Печа-

тая сіи Записки, я имѣлъ подъ рукою два полныхъ ихъ списка, и третій въ довольно обширномъ извлеченіи: всѣ три оказались буквально схожими, кромѣ небольшихъ, тамъ и сямъ, особенностей правописанія, принадлежащихъ, конечно, переписчикамъ. Говорятъ, существуетъ и печатное изданіе ихъ, на что, между прочимъ, указываютъ ссылки на него, которыя стали встрѣчаться съ недавняго времени въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ нашихъ (на примѣръ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Вѣстникѣ Европы и друг.). Но когда, гдѣ и кѣмъ онѣ изданы? За границей, сколько помнится, Записки этѣ не появлялись еще; стало быть, явились онѣ у насъ; но за чѣмъ же не для всѣхъ, а лишь для однихъ избранныхъ? Что въ нихъ запретнаго, такого, что дѣлало бы ихъ достояніемъ только немногихъ? Али, какъ говоритъ поэтъ:

«Что нужно Лондону, то рано для Москвы?»

О. Бодянскій.

17-го Ноября, 1868 г.
Москва.

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА А. С. ШИШКОВА.

Маія 15 дня, 1824 года, наименованъ я Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Того жъ мѣсяца 25 числа былъ въ первый разъ у Государя и читалъ ему слѣдующую записку:

«Прошу Высочайшаго позволенія:

1. Поручить мнѣ сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скорому потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось такъ, что если въ нынѣшнее время не обратить на него бдительнаго вниманія, не взять противъ него должныхъ мѣръ, и попустить ему еще нѣсколько возрастать, то уже силы его ни что не остановитъ.

2. Планъ сей буду я дѣлать медленно, осмотрительно, съ ясными на каждую статью доказательствами, сносясь и совѣтуясь тихо и подъ рукою съ благоразумными и благомыслящими людьми: по духовнымъ частямъ съ духовными, а по гражданскимъ съ гражданскими особами, преданными Государю и Отечеству. Все сіе, по мѣрѣ возрастанія сего плана, буду я по временамъ предварительно представлять на благоусмотрѣніе Вашего Величества.

3. Для обузданія разврата, разсѣеваемаго въ книгахъ тысячами различныхъ образовъ, не дожидаясь вышеозначеннаго

мною общаго плана, нужно какъ найскорѣе устроить Цензуру, которая до сего времени, можно сказать, не существовала. Сему цензурному постановленію надлежитъ немедленно и прежде всего сдѣлать особый планъ, которымъ, если угодно будетъ, я неукоснительно займусь и представлю Вашему Величеству. Потомъ въ дальнѣйшихъ на то подвигахъ да поможетъ мнѣ Господь и Государь!»

Его Императорское Величество, принявъ меня милостиво, одобрилъ сіе мое представленіе, и приказалъ мнѣ приступить къ начертанію сихъ плановъ. Послѣ чего подалъ я ему бумагу, прося его въ свободные часы прочитать оную. Бумага сія была слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій Государь!

Угодно было Монаршей волѣ Твоей, безъ всякаго у меня вопроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу Твоему въ 1812 году, когда врагъ Отечества шелъ съ оружіемъ на Россію. Съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ повинуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ Церкви и Престола. Но, Государь, могу ли я, утружденный бременемъ лѣтъ и болѣзнями, стать противу гидры, которую преодолѣть потребны Геркулесовы силы? Нравственный развратъ, подъ названіемъ духа времени, долго росъ и усиливался. Юноши, воспитанные въ немъ, возмужали, и весьма многіе больше или меньше впали въ сіе заблужденіе, подкрѣпляемое неопытностію и самолюбіемъ. Сіе ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія, умѣло вползать въ невинныя сердца и заражать ихъ ядомъ своимъ. Министерство Просвѣщенія, не знаю, по какимъ причинамъ, но явно и очевидно, попускало долгое время расти сему злу, и, мало сказать, попускало, но оказывало тому всякое покровительство и ободреніе. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ представленномъ отъ меня Государственному Совѣту мнѣніи моемъ о Цензурѣ, говорилъ и доказывалъ я то же, что говорю теперь. Восемь лѣтъ много времени! Тогда уже плоды сего разврата явно

оказывались, не въ тихихъ между собою бесѣдахъ и разговорахъ, но и въ печатныхъ книгахъ, издаваемыхъ отъ Правительства и разсылаемыхъ въ Училища для преподаванія по нимъ наставленія юношамъ. Нынѣ сему, долговременно продолжавшемуся, теченію обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, принесшихъ уже великіе успѣхи, дѣлается переломъ. Надлежитъ сей, широко разлившейся и быстрой, рѣкѣ поставить преграду. Сею преградою, симъ оплотомъ, Государь, повелеваешь ты быть мнѣ. Смѣю сказать (и Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтель), что въ ревности и усердіи моемъ исполнить толь священную волю Твою, ни кому я не уступлю: у насъ, старыхъ людей, по Богѣ—Царь. Но опять возвращаюсь къ прежнему: тѣлесныя силы мои слабѣютъ, а съ ними притупляется и зрѣніе и память. Съ сими ли недостатками могу я быть въ толь важномъ подвигѣ дѣятельнымъ воли твоей исполнителемъ? Чувствую, что самъ собою я слабъ, немощенъ, ничтоженъ. Слѣдовательно, при таковомъ чувствованіи моемъ надлежало бы мнѣ упасть къ стопамъ Твоимъ и просить о снятіи съ меня сего бремени, котораго я понести не въ силахъ. Но Ты, не спрося меня, слово свое изрекъ. Можетъ ли даже и самая старость и слабость моя, при гласѣ Благословеннаго Александра, не воспрянуть и не ободриться? Могу ли святость изреченія Твоего остановить моею неспособностію? Долгъ и благоговѣніе мое воспрещаетъ мнѣ и помыслить о томъ. И такъ, Государь, я повинуюсь Тебѣ, повинуюсь охотно, вседушно, всеусердно: пріемлю на себя возложенное тобою бремя. Въ сихъ трудныхъ для меня обстоятельствахъ, имѣю я единую надежду на Бога; но позволь мнѣ, Государь, имѣть и другую на Тебя. Поддержи меня могуществомъ Твоей руки, подкрѣпи меня твердостію Твоей воли, просвѣти меня силою Твоего свѣдѣнія и разума! Безъ сего я буду ничтоженъ, безполезенъ Тебѣ, ненуженъ Отечеству и самому себѣ вреденъ. Я знаю, что при семъ переломѣ тысячи очей обращены на меня и ожидаютъ, какое сдѣлать заключеніе изъ обращенія Твоего со мною; если примѣтятъ, что я недоступенъ до Тебя, не могу сообщать Тебѣ мыслей моихъ, не могу пользоваться и руководствоваться Твоими наставленіями, то противная благимъ правиламъ и намѣреніямъ сторона тотчасъ ободрится и станетъ обо мнѣ разглашать: ему ли, съ его малосиліемъ, удержать наше стремленіе? Она восторжествуетъ и содѣлается дерзновеннѣе

прежняго. Я подвергнусь ихъ пронырствамъ и посмѣянію, да и самые благомысленные люди станутъ укорять меня безпечностію, недѣятельностію и, можетъ быть, я потеряю имя усерднаго Царю и Отечеству слуги, имя, столь для меня драгоцѣнное и котораго я ни за какія золотыя горы не промѣняю, ни для какихъ угрожающихъ мнѣ бѣдствій не отступлюсь. Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, чистосердечное предъ Тобою чувствъ моихъ изліяніе. Не подумай, глава Церкви и Отечества, чтобъ я, не чувствуя важности Твоихъ занятій и драгоцѣнности Твоихъ часовъ, хотѣлъ обременять Тебя какими либо мелочными докладами, или маловажными представленіями, но не возбраняй мнѣ входа съ нужными дѣлами, не отнимай у меня смѣлости обнажать предъ Тобою всю глубину души моей, всѣ мои помышленія, и слышать изъ устъ Твоихъ изреченный на нихъ судъ Твой и волю! Злочестіе и дерзость да увидятъ во мнѣ подъятое на нихъ орудіе Твое, и усмирятся. Безъ сего я буду слабая трость и, не взирая на величайшую мою преданность и повиновеніе, принужденъ буду сказать: «Воля Твоя, Государь, нѣтъ моихъ силъ: сними съ меня наложенное выше способностей моихъ бремя!» Не подумай также, милосердый Монархъ, чтобъ я изъ какой либо корысти, или честолюбія, искалъ приблизиться къ Тебѣ. Я безъ нихъ прожилъ на свѣтѣ семдесятъ лѣтъ, которые прошли какъ одинъ мигъ. Остатокъ дней моихъ краток; онъ не возродитъ во мнѣ сихъ желаній. Я буду преданъ Тебѣ по гробъ мой, но собственно для меня надобенъ одинъ только Богъ. Прости великодушно сему чистосердечному объясненію моему, и да будетъ со мной Твоя Богомъ внушенная воля!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

А. Ш.»

Маія 22 дня, 1824 года.

Того жь мѣсяца 31 числа, въ 6 часовъ по полудни, на Каменномъ Острову былъ я у Государя съ докладами. Его Величество, принявъ меня, милостиво сказалъ мнѣ, что, по прочтеніи моей бумаги, всегдашнее уваженіе Его къ благороднымъ мыслямъ и чувствамъ моимъ, о которыхъ Онъ по опыту знаетъ, не только

не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось. Я просилъ у Него позволенія и впредь объясняться съ Нимъ на бумагѣ, по тому что, въ устныхъ разговорахъ часто, а особливо при моей устарѣлой уже памяти, могу я забывать, о чемъ доложить Ему хотѣлъ. Онъ похвалилъ меня за сіе и сказалъ, что это гораздо лучше. Тутъ же, въ слѣдствіе испрошеннаго мною позволенія о сочиненіи плановъ, читалъ я ему слѣдующую бумагу:

«О цензурѣ или разсматриваніи книгъ.

Цензуру полезно устроить на слѣдующемъ основаніи:

1. Просмотрѣть Цензурный Уставъ, нѣтъ ли чего въ немъ выпустить, или прибавить, и если найдутся какія излишества, или недостатки, то исправить, пополнить и вновь издать оный.

2. Цензурный Уставъ долженъ быть напечатанъ и во всякой типографіи хранимъ, дабы писатели могли заблаговременно знать, какими правилами должны они въ сочиненіяхъ своихъ руководствоваться и чего остерегаться.

3. Сей Уставъ долженъ быть таковъ, чтобъ, давая свободу и отнюдь не связывая ума и дарованій писателя, служилъ, однако жь, къ обузданію своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей, предписывая о наблюденіи, чтобъ издаваемыя сочиненія были въ правилахъ нравственности, въ правилахъ истиннаго просвѣщенія, никому необидны, всякому для чтенія полезны, или, по крайней мѣрѣ, забавны, но безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку.

4. По изданіи Цензурнаго Устава надлежитъ избрать шесть, или восемь, человѣкъ, искусныхъ въ Словесности, Цензоровъ, съ хорошимъ содержаніемъ, и поручить изъ нихъ одному философическія, другому историческія, третьему нравственныя книги, четвертому журналы, и такъ далѣе, съ обязанностію, чтобъ каждый изъ нихъ вступающія къ нему по его части книги прилежно отъ доски до доски прочитывалъ, и на всѣхъ сомнительныхъ ему, особливо же несходныхъ съ Уставомъ, мѣстахъ останавливался и замѣчалъ ихъ, для донесенія Министру Просвѣще-

нія, который самъ собою, или, въ случаѣ важности, по совѣту съ Верховнымъ Цензурнымъ Комитетомъ, приказывалъ бы пропустить, или не пропустить ихъ.

5. Верховный Цензурный Комитетъ долженъ состоять изъ шести, или, по крайней мѣрѣ, изъ пяти, особъ, а именно: изъ Митрополита, или ученаго Архіепископа, изъ Министра Просвѣщенія, Министра, Полиціи, Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министра Юстиціи. Можно къ симъ присовокупить и еще одного изъ Государственныхъ людей, имѣющаго достаточныя познанія.

6. Комитетъ сей долженъ требовать отъ Святѣйшаго Синода, нѣтъ ли какихъ изданныхъ въ свѣтъ противъ Православной нашей Церкви книгъ, и если таковыя книги найдутся и отъ него наименованы будутъ, то, по расмотрѣніи оныхъ въ Комитетѣ, представить Государю Императору, дабы повелѣно было истребить оныя.

7. Образъ сего истребленія долженъ быть слѣдующій: безъ большой огласки отобрать ихъ у всѣхъ книгопродавцевъ, заплатя имъ за оныя умѣренную цѣну и запретя впредь продавать и перепечатывать. Но какъ таковое отобраніе не можетъ простираться на частныхъ людей, заранѣе купившихъ оныя, то оставить сіе безъ отыскиванія; а дабы уменьшить вредъ, приносимый ими, то можно противъ оныхъ издавать другія книги, доказывающія, или осуждающія, или осмѣивающія нелѣпость и безправственность содержащихся въ нихъ умствованій и ученій.

8. Сверхъ наблюденія, чтобъ впредь худыя книги не были издаваемы и самыя вреднѣйшія изъ нихъ сколько можно истреблены, надлежитъ поручить Цензорамъ и всѣ изданныя до сего книги прочитать, съ тѣмъ, чтобъ попадающіяся въ нихъ худыя и безправственныя мѣста выписывать, указуя и книгу и страницу, на которой таковая мысль, или выраженіе, встрѣтится. Тогда, по собраніи сихъ выписокъ, Верховный Комитетъ разсмотритъ ихъ и рѣшитъ, чтобъ, при перепечатываніи сихъ книгъ, негодныя мѣста были изъ нихъ выкинуты, или же и вся книга осуждена не быть никогда возобновленною.

9. Верховный Цензурный Комитетъ имѣетъ право и обязанность призывать къ себѣ тѣхъ писателей, которые подобное что ни будь написали и въ печать издали, или издать хотятъ, и дѣлать имъ замѣчанія, что образъ мыслей ихъ худъ, и чтобъ они впредь отъ изъявленія онаго воздерживались.

10. Цензоръ, пропустившій какое либо худое мѣсто, не донеся о томъ Цензурному Комитету и не получа отъ него разрѣшенія, отвѣтствуетъ за оное и подвергается наказанію, смотря по важности пропущеннаго имъ мѣста.

11. То жь самое наблюдается при издаваніи, или перепечатываніи, здѣсь иностранныхъ книгъ.

12. Министръ Просвѣщенія приготовляетъ дѣла и назначаетъ день для общаго засѣданія Верховнаго Комитета, о мнѣніи и положеніяхъ коего доноситъ Государю Императору на утвержденіе.»

По прочтеніи сей бумаги, Его Величество одобрилъ оную во всемъ, и когда я предложилъ Ему оставить ее у Него, дабы вновь на свободѣ прочитать и просмотрѣть, не найдетъ ли чего убавить, прибавить, или замѣтить, тогда Онъ спросилъ у меня: оставилъ ли я у себя списокъ съ ней? И когда я отвѣчалъ: нѣтъ, то Онъ приказалъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ списать ее для себя, а подлинникъ, написанный моею рукою, отдалъ Ему при будущемъ докладѣ.

Іюня 7 числа, въ 6 часовъ по полудни, былъ я въ Царскомъ Селѣ съ докладами у Государя, и отдалъ Ему слѣдующую бумагу:

«Отъ Комитета Господъ Министровъ поручено было мнѣ и Министру Внутреннихъ Дѣлъ разсмотрѣть печатный переводъ Госнеровой книги. Разсмотрѣніе сіе внесено въ Комитетъ и читано сего Іюня 3-го числа, вмѣстѣ съ слѣдствіемъ отъ Полиціи, по сему дѣлу произведеннымъ. Не увлекаясь ни строгостію обвиненія, ни снисходительностію оправданія, но входя, чрезъ соображеніе одного мѣста съ другимъ, въ точный смыслъ и духъ сей книги, не возможно не признать цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ

томъ, чтобъ, подъ видомъ толкованія Евангельскихъ текстовъ, проповѣдывать низверженіе всякой Христіянской Вѣры, отвращеніе отъ Священныхъ писаній и позывъ на возстаніе противъ всѣхъ Первосвященниковъ, всѣхъ Вельможъ и Царей. Намѣреніе сей книги согласуется со многими другими, изданными уже въ свѣтъ, и со всѣми прочими, предпріятыми по сему различными способами и дѣйствіями. Въ вышезначенномъ слѣдствіи открывается, что Директоръ Министерства Просвѣщенія самъ поправлялъ ее собственными своими толкованіями въ томъ же точно духѣ, въ какомъ писана сія книга, и, по признаніи оной всѣми за безбожную и зловредную, не перестаетъ и послѣ сего утверждать ее благочестивою и благонамѣренною. Когда Министерство Просвѣщенія не только не отвращало подобныхъ возмутительныхъ ученій и предпріемлемыхъ мѣръ, но старалось даже съ отличнымъ рвеніемъ распространять ихъ; когда оно размножало таковыя правила посредствомъ нарочно выписываемыхъ для сего проповѣдниковъ и миссіонеровъ, какъ въ столицы, такъ и во внутренность Государства; когда, слѣдственно, при таковой системѣ своей, долженствовало твердыхъ въ Вѣрѣ и преданныхъ Государю и Отечеству благомыслящихъ людей тѣснить и отдалять, вводя ихъ въ подозрѣніе, дабы себя отъ подозрѣнія и уличенія избавить; когда все сіе дѣлалось и длилось не малое время, то нельзя ни какъ въ великости происшедшихъ отъ того успѣховъ сомнѣваться. Равнымъ образомъ и то не возможно, чтобъ сіи дѣйствія и успѣхи ихъ оставались сокрытыми отъ очей народныхъ: они, подобно горящему зданію, до тѣхъ поръ неявны, доколѣ малы; но чѣмъ болѣе возрастаютъ, тѣмъ и всякому виднѣе становятся, и тѣмъ сильнѣйшее обращается на нихъ вниманіе не только своего, но и чужихъ народовъ; видя домъ свой зажигаемымъ, трепещатъ отъ ужаса и чужіе народы; при распространеніи огня сего въ сильной, страшной для нихъ, Державѣ, радуются, ибо на разрушеніи силъ ея создаютъ надежду своего величія. Главнѣйшее и сильнѣйшее потрясеніе Царства производится стремленіями къ разрушенію господствующей въ немъ Вѣры. Струна сія чрезвычайной важности: она, какъ въ электрическомъ сооруженіи, не можетъ быть тронута безъ послѣдованія за симъ страшнаго удара. Тогда или разрушители Вѣры одерживаютъ верхъ, и Царство погибаетъ, или народъ, вступясь за Вѣру, вос-

паляется мщеніемъ и проливаетъ кровавые своихъ и чужихъ токи. Оба сіи случая суть бѣдственные и ужасные, и по тому заблаговременная прозорливость долженствуетъ всѣми способами не допускать до созрѣванія сего волненія умовъ и страстей, разрывающаго всѣ общественныя связи. По сіе время, видя явное въ Министерствѣ Просвѣщенія покровительство и стараніе о распространеніи противныхъ Вѣрѣ толковъ, гоненіе тѣмъ, кои защищали оную, и нѣкое господство надъ самимъ Синодомъ, благомыслящіе и твердые въ правилахъ люди, воздыхая, принуждены были молчать, а не твердые, побуждаясь корыстію и почестями, преклонялись на сторону (Просвѣщенія) Министерства; но когда сдѣлалась въ немъ неожидаемая ни кѣмъ перемѣна, тогда вниманіе всѣхъ обратилось на то, что, конечно, худость направленія умовъ открылась Верховной Власти, и она приняла мѣры къ обращенію всѣхъ на иной, противной сему, путь. Зловредность прежняго пути внезапною перемѣною сею обнаружилась яснѣе тѣмъ, что ропотъ на бывшее Министерство сдѣлался общій. Въ сихъ обстоятельствахъ, естественно, всѣ обрадовались, ожили и возложили на Тебя, Государь, несомнѣнную надежду, что Ты предпріялъ твердо истребить корни посѣяннаго зла и возстановить поколебленное спокойствіе. Я увѣренъ въ любви и преданности къ Тебѣ Россійскаго народа: онъ твердъ и незыблемъ въ ней, какъ непотрясаемая ни чѣмъ гора, но столько же и твердъ въ Вѣрѣ своей Православной, утвержденной вѣками. Одно только покушеніе противъ ней можетъ поколебать вѣрность его къ Тебѣ. Въ прошедшую войну съ Французами, или, лучше сказать, со всею Европою, Вѣра спасла и вознесла Тебя и насъ: да не будетъ Вѣра сія поругана и да не вознесетъ Православный на Православнаго и братъ на брата оружія своего! Боже да сохранитъ отъ сего и помилуетъ насъ!

Всемилостивѣйшій Государь, прости изліянію сихъ болѣзненныхъ чувствъ моихъ предъ Тобою! Время и обстоятельства исторгаютъ ихъ изъ души моей. Не настоитъ, конечно, ни какой еще опасности, но и отвращается оная не тогда, когда настанетъ, или усилится. Не ослаби единственной на Тебя надежды Твоихъ вѣрноподданныхъ! Малѣйшій видъ, что Ты попускаешь оставаться прежнимъ дѣйствіямъ и держишь надъ ними руку свою, приве-

детъ всѣхъ въ сомнѣніе о чистотѣ Твоихъ намѣреній и повергнетъ ихъ въ отчаяніе. Да не падетъ ни малѣйшая пылинка на священное имя Твое, — вотъ страхъ мой. Еще, умоляю Тебя, прости смѣлости моихъ рѣчей и дерзости совѣтовъ: сія смѣлость и сей страхъ не родились бы никогда во мнѣ, если бы я не о Твоей, всѣмъ нужной, но только о своей ничтожной пользѣ, помышлялъ.»

(Сію записку отдалъ я безъ подписанія имени моего, прося, какъ и прежде, прочитать ее безъ меня, и примолвя къ тому, что если найдетъ Онъ въ ней что либо не по мыслямъ своимъ, то простилъ бы моему чистосердечію. На сіе отвѣчалъ Онъ мнѣ, что Онъ находитъ разсужденія мои и мысли справедливыми, равно какъ и всѣ тѣ бумаги, которыя я въ прежнюю бытность мою при Немъ написалъ къ Нему. Предположеніе мое объ учрежденіи Цензуры и Верховнаго Цензурнаго Комитета оставилъ я у Него.)

Того жь мѣсяца 14-го числа ѣздилъ я на Каменный Островъ съ докладами, но не былъ принятъ.

Того жь мѣсяца 21-го числа тожь ѣздилъ я въ Царское Село съ докладами, но не былъ принятъ.

Того жь мѣсяца 28 числа Государь былъ отсутственъ.

Іюля 2-го числа писалъ я къ Государю слѣдующее: «Министръ Просвѣщенія Шишковъ, по приглашенію Графа Аракчеева, пріѣхать къ нему въ Грузино на 5 и 6 числа сего мѣсяца, проситъ позволенія въ субботу, т. е., 5 числа, отлучиться туда, послѣ, или прежде, доклада, какъ ему позволено будетъ.»

Сія записка прислана была ко мнѣ обратно съ слѣдующимъ отвѣтомъ, написаннымъ карандашемъ собственною Его Величества рукою: «Весьма согласенъ, и дабы удобнѣе вамъ ѣхать, я васъ приму въ субботу, въ 11-ть часовъ утра, въ Красномъ, Селѣ.» (Обыкновенно же докладывалъ я въ 6-ть часовъ по полудни.)

5-го числа того жь мѣсяца былъ я въ Красномъ Селѣ съ докладами. Государь Императоръ между прочимъ изъявилъ мнѣ

благоволеніе свое за оставленную у Него, Іюня 7 числа, записку мою, обѣщая волю свою о семъ сдѣлать гласною. Оттуда отправился я въ Грузино, и пробылъ тамъ до 8 числа.

10-го числа того жь мѣсяца послалъ я къ Государю Императору слѣдующую записку: «Министръ Просвѣщенія, не имѣя ни какихъ нужныхъ докладовъ, которые бы не терпѣли времени, а при томъ и опасаясь сдѣлать неблаговременный въ Красное Село пріѣздъ, осмѣливается, по данному ему отъ Вашего Величества позволенію, отложить докладъ свой до 19 числа сего мѣсяца. Впрочемъ, онъ былъ у Графа Алексѣя Андреевича, переговорилъ съ нимъ обо всемъ нужномъ, видѣлъ поселенія, и займется приготовленіемъ предположенныхъ бумагъ.»

11-го числа того жь мѣсяца послалъ я къ Графу Аракчееву слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Первымъ долгомъ поставляю принесть Вашему Сіятельству мою покорнѣйшую благодарность за пріятные часы, какіе препроводилъ я въ прекрасномъ вашемъ Грузинѣ, за угощеніе меня и показаніе мнѣ чудесныхъ красотъ поселенія. По изъявленіи сей моей особенной благодарности, позвольте поговорить съ откровенностію нѣчто о дѣлѣ общемъ. Ваше Сіятельство получили уже, или скоро получите, журналъ Комитета Господъ Министровъ о Госперской исторіи. Въ немъ, безъ сомнѣнія, усмотрѣть изволите, до какой степени простиралась дерзость проповѣдывать безвѣріе и революцію. Впрочемъ, не одна сія книга, но и многія, равно какъ и всѣ дѣйствія къ тому же клонились, такъ что, соображая всѣ обстоятельства, ни какимъ образомъ не можно отрицать, чтобъ не было въ томъ явнаго намѣренія. Вся Россія и даже чужія земли это знали и видѣли. Случай съ сею книгою, и послѣдовавшая изъ того перемѣна Министерства, естественно подали поводъ говорить и разсуждать о томъ гласно. Государь Императоръ изволилъ книгу, какъ злонамѣренную, прислать на разсмотрѣніе въ Комитетъ, который и нашелъ ее точно таковою, и сочинитель ея высланъ. За всѣмъ симъ бывшій Директоръ

Министерства Просвѣщенія, Г. Поповъ, изобличенный не только въ пропускѣ, но и въ поправленіи ея, находитъ и утверждаетъ письменно какъ книгу сію полезною, такъ и высланнаго сочинителя ея, Госнера, благонамѣреннымъ человѣкомъ: слѣдственно, оглашаетъ сей актъ Правительства несправедливымъ. Все сіе всему свѣту извѣстно; ибо дѣло подобной важности не можетъ быть сокрыто, и не можетъ не обращать на себя сильнаго всѣхъ вниманія. Рѣшеніе онаго подастъ поводъ къ заключенію, которая сторона поддерживается, а заключеніе обыкновенно поведетъ къ слѣдствію, къ которой сторонѣ лучше приставать? Хотя всѣ знаютъ Государя Императора кроткимъ и милосерднымъ, однако жь сдѣсь идетъ дѣло о первѣйшемъ преступленіи, т. е., о заговорѣ и о возстаніи противъ Алтаря и Престола, о возстаніи весьма ожесточенномъ и твердомъ, которое, не смотря на сужденіе Госнеровой книги самимъ Государемъ и Комитетомъ Министровъ, не хочетъ сознаться въ ея худости, ниже извиниться недоразумѣніемъ своимъ; а по тому оставить сего человѣка при прежнихъ его преимуществахъ не можетъ ни какимъ образомъ приписано быть кротости и милосердію, но нѣкоему особенному покровительству. Послѣ сего ни какія слова и повелѣнія къ остановленію успѣховъ зла не могутъ имѣть должной важности и силы; ибо въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно смотрятъ на дѣйствія, которыя всегда бываютъ сильнѣе словъ. Бумага, о которой Ваше Сіятельство говорить мнѣ изволили, не произведетъ послѣ сего ни какихъ плодовъ. Сверхъ сего, если бы кто послѣ сего оказался въ подобной же дерзости и преступленіи, то какимъ образомъ, спустя одному, можно будетъ, безъ нарушенія справедливости, наказать другого? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ хотя отнюдь не желаю я Г. Попову и никому ни малѣйшаго зла, и не имѣю ни какой причины желать, но какъ ненаказанность его бросаетъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на священное имя Государя Императора, то въ такомъ случаѣ не могу я щадить и ходатайствовать ни за кого, ни за брата моего, ниже за самаго себя. По крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, надлежитъ лишить его нынѣшняго мѣста и удалить хотя на нѣкоторое время.

Я счелъ за нужное и должное изъявить Вашему Сіятельству мои мысли и предать ихъ вамъ на судъ. Впрочемъ, рѣ-

шеніе и воля Государя Императора всегда будутъ для меня священны.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

12-го числа я съ докладами не ѣздилъ.

19-го числа ѣздилъ я съ докладами въ Царское Село, но Государя тутъ не нашелъ; Онъ возвратился уже поздно, и на другой день приказалъ мнѣ сказать, что Онъ и самъ имѣетъ нужду со мной поговорить, но, за отъѣздомъ въ Петергофъ, принять меня не можетъ, а увидится со мною тамъ.

21-го числа поѣхалъ я въ Петергофъ и велѣлъ доложить Государю, что я останусь сдѣсь и буду дожидаться, когда Ему угодно будетъ меня позвать. 24-го Великій Князь Николай Павловичъ съ супругою своею отправился въ море на караблѣ «Эмгейтенъ». Въ бытность мою въ Петергофѣ обѣдалъ я два раза у Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

26-го числа Государь прислалъ за мною, чтобъ я въ часъ по полудни пришелъ къ Нему съ докладами. По окончаніи дѣлъ разговоръ былъ о Грузинѣ и поселеніяхъ. А какъ въ бытность мою у Графа Аракчеева, объявилъ Онъ мнѣ, что записка моя, которую Іюня 7-го дня оставилъ я у Государя, прислана къ Нему, и что Его Величество полагаетъ содѣлать волю свою гласною тѣмъ, что при отъѣздѣ своемъ оставитъ на имя мое письменное повелѣніе и препоручаетъ мнѣ написать оное, то, въ слѣдствіе сего, приготовилъ и прочиталъ я бумагу слѣдующаго содержанія:

«Къ крайнему сожалѣнію Нашему примѣчаемъ Мы, что Министерство Просвѣщенія, отъ самаго начала учрежденія своего, различными дѣйствіями своими отъ часу болѣе уклонившимся отъ благотворныхъ за нравственностію наблюденій, не соотвѣтствовало распространенію тѣхъ пользъ, какихъ Мы отъ него желали

и ожидали. Истинное просвѣщеніе состоитъ въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости; въ утвержденіи себя въ Православной нашей Вѣрѣ, напояющее душу и сердце человѣческое благоговѣніемъ къ Богу, любовію къ ближнему и всѣми нужнымъ для блаженственнаго общежитія добродѣтелями, и наконецъ въ украшеніи ума своего науками, отверзающими путь къ обширнѣйшимъ познаніямъ, къ полезнымъ искуствамъ и художествамъ. Но всѣ сіи стремленія къ обогащенію себя всѣми нужными свѣдѣніями должны основаны быть на кротости и смиренномъ разумѣ, чуждомъ возбужденныхъ страстями буйныхъ умствованій, вовлекающихъ въ неистовыя строптивыя заблужденія. Возносчивый умъ, не сопровождаемый благостію души, мрачнѣе и вреднѣе всякой простоты. Гордымъ противится Богъ, говоритъ Божественное слово; но что иное высокопарныя мнимыхъ мудрецовъ мечтанія, какъ не безумная гордость сердца? Она ослѣпляетъ умъ, помрачаетъ разсудокъ и, погашая свѣтъ Вѣры и наукъ, ведетъ, подъ именами оныхъ, въ невѣжество и тьму. Сколько сіи ложныя умствованія, подъ пышнымъ именемъ любомудрія, произвели пагубныхъ для человѣческаго рода слѣдствій! Истинное любомудріе тамъ водворяется и свѣтъ онаго тамъ свѣтитъ, гдѣ люди руководствуются законами Вышняго и правилами Вѣры, пріобрѣтая, по словамъ ея, съ мудростію змѣи, беззлобіе голубя, а не тамъ, гдѣ ухищряются они ложными толкованіями превращать духъ кротости въ духъ кичeнія и любовь къ общему благоденствію въ любовь къ одному себѣ. Тамъ всегда тяготѣла надъ нимъ рука Господня. Такъ съ разрушеніемъ порядка и законовъ поднимало лютую главу свою звѣрское безначаліе, и до тѣхъ поръ всѣми ужасами и муками терзало тишину общежитія, доколѣ удрученные въ изнеможеніи народы, познавъ обманъ и прелесть лжеучителей, не обращались паки къ прежнему благочестію и благоустройству. Страшные примѣры сему, въ нѣкоторыхъ странахъ свирѣпствовавшіе, долженствовали бы обуздать и усмирить киченіе ума человѣческаго, но злочестіе столь надменно и злобно, что оно не перестаетъ покушаться разливать повсюду ядовитыя внушенія свои, основывая ихъ частію на жестокости сердецъ, частію же на простотѣ умовъ людскихъ. Хотя Богомъ ввѣренный Намъ народъ христолюбивый Россійскій всегда былъ чуждъ сихъ неистовыхъ мнѣній, всегда твердъ въ Православной

Вѣрѣ, всегда вѣренъ Престолу и Отечеству, и хотя Мы не имѣемъ ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія, но, желая предохранить даже и малую часть людей, а особливо юношей, могущихъ, по неопытности и незрѣлости разсудка, прельститься сими соблазнительными лжами, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе: не преподаются ли гдѣ въ Университетахъ, Гимназіяхъ, Народныхъ Училищахъ и Пансіонахъ, подъ видомъ наукъ, какія либо вредныя ученія, не разсѣяваются ли гдѣ въ свѣтской Словесности подобныя же мысли и сужденія; не выдаетъ ли кто себя за проповѣдника и учителя таковыхъ новизнъ? Однимъ словомъ, должны обратить вниманіе свое на всѣ подобныя дѣйствія, равно какъ и на книги, доселѣ изданныя и впредь издаваемыя, отвращая могущій происходить отъ нихъ вредъ всѣми возможными способами, а особливо изобличеніемъ лжемудрованія ихъ и замѣчаніемъ тѣхъ людей, кои подобное сему въ свѣтѣ выпускать, или какими иными средствами внушать и распространять, покушаются. Для сего представьте Намъ объ учрежденіи новой Цензуры, которая бы достаточна была имѣть надъ тѣмъ должный надзоръ. Въ Указѣ блаженной памяти Императрицы Екатерины II, данномъ въ Царскомъ Селѣ Іюля въ 27 день, 1787 г., и въ собственномъ Нашемъ, данномъ Правительствующему Сенату Февраля въ 9-й день, 1804 года, въ третьемъ пунктѣ изображено: «Что принадлежитъ до книгъ церковныхъ и вообще къ Вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи Указа 27 Іюля, 1787 года, коимъ воспрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церковныя, или къ Священному Писанію, Вѣрѣ, либо толкованію законовъ, святости относящіяся книги: таковыя должны быть печатаны въ Синодальной, или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Синода состоящихъ.» Въ Цензурномъ Уставѣ, конфирмованномъ Нами того жь года 9-го Іюля, въ 8 пунктѣ сказано: «Книги и сочиненія, до Вѣры относящіяся и подлежащія къ печатанію въ Духовныхъ типографіяхъ, должны быть разсматриваемы Духовною Цензурою, находящеюся подъ вѣдѣніемъ Св. Синода и Епархіальныхъ Архіереевъ.» Но нынѣ дошло до Нашего свѣдѣнія, что таковыя книги, сочиняемыя и переводимыя съ иностранныхъ языковъ, вопреки вышеупомянутыхъ повелѣній, разсматриваны были Свѣтскою Цензурою и печатались въ частныхъ типографіяхъ, по чему и повелѣваемъ вамъ обратить строгое на то

вниманіе и, по сношенію съ Синодомъ, взять противъ распространенія содержащагося въ нихъ разврата должныя мѣры.»

По прочтеніи сей бумаги, Государь Императоръ изволилъ сказать мнѣ, что она краснорѣчиво и въ хорошихъ правилахъ написана, но что Онъ хочетъ еще ее просмотрѣть, и по тому приказалъ оставить у себя. * Въ то жь время прочиталъ я еще слѣдующую отъ имени моего записку:

«Не извѣстно мнѣ, по чему Министерство Просвѣщенія, уклонясь отъ общаго постановленія о Министерствахъ, не имѣло у себя ни Канцеляріи, ни особаго при ней Директора, соединяя онаго въ одномъ лицѣ съ Директоромъ Департамента. На семъ основаніи дѣла не могли имѣть порядочнаго теченія и должной отвѣтственности; а по сему испрашиваю позволенія подробнѣе оное разсмотрѣть и впредь о томъ представить.»

На сіе Государь изъявилъ свое согласіе.

Августа 2-го дня я съ докладами не ѣздилъ.

7-го числа сообщилъ я Графу Аракчееву записку слѣдующаго содержанія:

«Доходятъ до меня слухи, повсюду, какъ кажется, распространившіеся, что будто Господамъ Губернаторамъ дано тайное повелѣніе: когда духовныя въ Епархіяхъ начальства будутъ требовать возвращенія Священниковъ, которые, измѣня своему сану и поругавъ алтари, укрываются между раскольниками, то, не возвращая ихъ, отвѣтствовать духовнымъ начальствамъ, что Священники сіи находятся тамъ, гдѣ имъ быть должно. О таковыхъ случаяхъ, сказываютъ, есть нѣсколько донесеній въ Синодѣ, оставленныхъ безъ вниманія. Не знаю, справедливы ли сіи слухи, но почитаю за нужное въ томъ удостовѣриться; ибо таковое предписаніе, буде оное подлинно дано Губернаторамъ, есть величайшій соблазнъ и одобреніе къ отпаденію отъ Вѣры и отъ Правительства.

---

* Бумага сія въ послѣдствіи времени осталась безъ всякаго употребленія.

На другой день Графъ Аракчеевъ объявилъ мнѣ, что онъ показывалъ записку мою Государю, и что о семъ дано уже повелѣніе, чтобъ предписаніе сіе уничтожить.

9-го числа былъ я съ докладомъ у Государя и между прочими дѣлами прочиталъ ему написанную мною слѣдующую бумагу:

«Статсъ-секретарь Кикинъ препроводилъ ко мнѣ сочиненную Евстаѳіемъ Станевичемъ книгу, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи Вѣры и Церкви», съ тѣмъ, чтобы я, по прочтеніи, доложилъ о ней Вашему Величеству. Книга сія, по разсмотрѣніи въ Духовной Цензурѣ Архимандритомъ Иннокентіемъ, напечатана въ 1818 году и поднесена покойному Митрополиту Михаилу съ слѣдующею надписью:

Преосвященнѣйшій намъ пастырь Михаилъ!
Колико Богъ мой духъ въ сей книгѣ просвѣтилъ,
Противу ересей писалъ въ такую мѣру,
Владыко, не на даръ воззри, на теплу вѣру!

Книга сія, по донесенію о ней Вашему Величеству, изображена была нечестивою и противною нашему Вѣроисповѣданію и Церкви, въ слѣдствіе чего сочинитель ея высланъ изъ города, а книга у всѣхъ отобрана и запрещена. По сіе донесеніе о ней, ни какимъ духовнымъ, ниже свѣтскимъ обществомъ, не разсмотрѣнное и не утвержденное, было совершенно несправедливо. Напротивъ, она содержитъ въ себѣ возраженія противу тѣхъ ложныхъ умствованій, которыя къ поколебанію Вѣры, Церкви и Престола разсѣялись тогда во многихъ сочиненіяхъ и переводимыхъ книгахъ. Сіи различныя ереси, преклоняющія къ отпаденію отъ всѣхъ Христіанскихъ добродѣтелей, изобличены въ ней ясно и убѣдительно, по чему, какъ думать должно, тѣмъ болѣе и подверглась она несправедливому о ней донесенію и сильному гоненію. Я нахожу ее таковою, но при всей моей увѣренности не желаю, чтобы Ваше Величество основались на одномъ моемъ мнѣніи, а по тому и осмѣливаюсь просить, не благоугодно ли будетъ приказать пре-

проводить ее къ какой-либо духовной особѣ, или въ Синодъ, для сдѣланія о ней точнаго заключенія.»

Государь Императоръ изволилъ на сіе согласиться. При прощаніи въ сей день со мною (ибо 16 числа сего мѣсяца назначенъ отъѣздъ его) благодарилъ Онъ меня за мои попеченія, а особливо за добрый духъ и справедливость. Въ слѣдствіе сего доклада на другой же день написалъ я Митрополиту (находившемуся въ сіе время въ Новгородѣ) и отправилъ съ нарочнымъ слѣдующаго содержанія письмо:

«Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь!

«Статсъ-секретарь Кикинъ прислалъ ко мнѣ препровождаемую при семъ книгу подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца» и проч., съ объявленіемъ Высочайшей воли, дабы я, по разсмотрѣніи сей книги, доложилъ о ней Его Императорскому Величеству. Въ силу сего повелѣнія имѣлъ я счастіе докладывать о томъ Государю Императору по запискѣ моей, которую здѣсь для свѣдѣнія вашего прилагаю. Его Императорское Величество, по выслушаніи сего доклада, повелѣлъ мнѣ, согласно съ желаніемъ моимъ, препроводить вышеозначенную книгу въ Духовное разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобъ оно, изъявивъ о ней свое мнѣніе, доставило оное ко мнѣ для представленія Его Величеству. Сообщая о сей Монаршей волѣ Вашему Высокопреосвященству и ожидая исполненія по оной, съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга А. Ш.

Августа 10-го дня, 1824 года, № 130.

P. S. Государь Императоръ изволилъ спрашивать меня: не можетъ ли Онъ сего мнѣнія имѣть прежде Своего отъѣзда, на что я отвѣтствовалъ Ему, что, по полученіи онаго, въ ту жь минуту доставлю Его Величеству.»

На конвертѣ написано: «Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ Серафиму, Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Нужное.»

17-го числа получилъ я отъ Графа Аракчеева слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь мой,

Александръ Семеновичъ!

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Дмитріевъ ходатайствуетъ, чрезъ посредство Статскаго Совѣтника Карамзина, о пожалованіи пенсіона 1,200 р. отставному Маіору Измайлову, что усмотрите изъ прилагаемой у сего записки.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ получить отъ Вашего Высокопревосходительства свѣдѣніе, извѣстенъ ли вамъ оный Г. Измайловъ и съ какой стороны, а равно заслуживаетъ ли онъ испрашиваемаго ему пенсіона?

Свѣдѣніе сіе покорно прошу васъ, Милостивый Государь мой, доставить ко мнѣ, съ возвращеніемъ прилагаемой записки, въ собственныя руки.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ,

Вашего Превосходительства

покорный слуга Графъ Аракчеевъ.

А равномѣрно доставить мнѣ свѣдѣніе, гдѣ онъ служитъ.»

Царское Село.
15-го Августа, 1824 года.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову.

«Записка.

По ходатайству И. И. Дмитріева, чрезъ Карамзина, 1,200 р. пенсіи отставному Маіору Владиміру Васильеву сыну Измай-

---

* То и другое мнѣніе, т. е., въ пользу и противъ этой книги, напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1861 г., кн. I и II, отд. V, стран. 201 и 202. *О. Б.*

лову (живущему въ Москвѣ), который сочиненіями и переводомъ хорошихъ книгъ пріобрѣлъ извѣстность въ нашей Словесности; человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности.»

Отвѣтъ мой на сіе письмо былъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

На письмо Вашего Сіятельства отъ 12-го сего мѣсяца имѣю честь отвѣтствовать: въ запискѣ объ оставномъ Маіорѣ Владимірѣ Васильевѣ сынѣ Измайловѣ, живущемъ въ Москвѣ, сказано: 1) что онъ сочиненіями и переводомъ хорошихъ книгъ пріобрѣлъ извѣстность въ нашей Словесности, и 2) что онъ человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности. Справедливость требуетъ, чтобъ я сіе одобреніе о немъ раздѣлилъ на двѣ части, и о первой изъ нихъ, прямо ко мнѣ относящейся, сказалъ, что хотя Г. Измайловъ и упражняется въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, но отнюдь не больше и не отличнѣе многихъ другихъ, а по тому дать ему пенсію было бы обидно для прочихъ. Въ подобныхъ случаяхъ, т. е., въ наградахъ по Словесности, нужно, чтобъ, кажется, для соблюденія порядка и безпристрастія, представленія о томъ не были дѣлаемы мимо меня, тѣмъ больше, что и самъ я иначе представлять не осмѣлюсь, какъ по оцѣнкѣ трудовъ писателя въ Россійской Академіи и въ Правленіи Училищъ. Инымъ образомъ (таковыя) награды могутъ, вмѣсто снисканія ихъ достоинствомъ, быть получаемы чрезъ выпрашиванія и угожденіе. Что жь принадлежитъ до второй части одобренія, а именно, что Г. Измайловъ человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности, то я, не зная его лично, ни утверждать, ни отрицать сего не могу; впрочемъ, какъ сіи качества не подлежатъ той разборчивости къ наградѣ, или къ вспоможенію, какой подлежитъ удостоеніе по Словесности, то я и не дерзаю далѣе о томъ распространяться. Ваше Сіятельство въ концѣ письма своего спрашиваете у меня, гдѣ онъ служилъ? Я не могъ о семъ нигдѣ справиться, но, по видимому, онъ служилъ или въ гвардіи, или въ армейскихъ полкахъ и давно уже отставленъ.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства, покорнѣйшій слуга А. Ш.

P. S. Записку при семъ возвращаю. 20 Августа. 1824 года.»

Письмо къ Государю Императору.

Sire!

«Quelque part que je porte la vue, je ne vois que des pierres d'achoppement et des piéges tendus. Les Neologues levant les têtes, et les ultra-mystiques demasqués—tous les deux ennemis jurés du sain et pur Lutheranisme,—viennent de se reconcilier pour plus facilement faire perdre les étriers à un pauvre evêque. On n'attend que le depart de Votre Majesté Impériale pour mettre en oeuvre les pratiques.

Sire!

«De grâce! n'abandonnez pas un serviteur zélé, qui ne se trouve ici que pour s'avoir donné à Votre Majesté par un devouement entier. Daignez me mettre à l'abri de la persecution, et ne cachez point Votre face de moi.

Je suis,

Sire,

avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale

Le plus soumis et le plus zélé serviteur

l'Evêque Evang. Escygneus.»

S.-Pétersbourg.
Le 12 Août, 1824.

Сіе письмо прислано было ко мнѣ съ изображеніемъ на немъ слѣдующихъ собственною Его Величества рукою написанныхъ словъ: «Скажите Епископу, что Я получилъ его письмо въ самую минуту отъѣзда, и по тому не былъ въ возможности его видѣть. По возвращеніи же Моемъ Я его непремѣнно приму, До того же времени, чтобы онъ откровенно съ вами объяснил-

ся, васъ же прошу дать ему всю надлежащую защиту. Онъ человѣкъ благомыслящій.»

Ромашкино.

Августа 16 числа, 1824 года. (Получено на третій день.)

Письмо къ графу Аракчееву.

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Почитая себя въ обязанности, по долгу вѣрноподданнаго, откровенно говорить Государю Императору, я то жь думаю и съ Вашимъ Сіятельствомъ, по уваженію моему къ вамъ. Я знаю, что вы Ему и Отечеству преданы. Ваше Сіятельство не безъизвѣстны о поданныхъ мною Его Величеству бумагахъ, въ которыхъ, между прочихъ, главнѣйше просилъ я: 1) объ учрежденіи Цензоровъ и верховнаго Цензурнаго Комитета, и 2) о рескриптѣ на мое имя, дабы, по изъявленной мнѣ волѣ Монаршей, могъ я имѣть твердый голосъ и свободу дѣйствовать соотвѣтственно возложенной на меня должности. Обѣ сіи вещи необходимо нужны, если хотѣть остановить и не дать далѣе распространяться долго укоренявшемуся и напослѣдокъ открывшемуся злу; ибо безъ того я буду связанъ, безсиленъ воспротивиться оному, и тогда все пойдетъ по прежнему. Въ доказательство тому препровождаю къ Вашему Сіятельству Московскія Вѣдомости, въ которыхъ изволите увидѣть подъ статьею Москва 27 Августа выписку изъ журнала засѣданія Московскаго Комитета Библейскаго Общества гдѣ успѣхи онаго превозносятся и, въ слѣдъ за сею статьею, возвѣщается о церковныхъ книгахъ, продаваемыхъ отъ Библейскаго Общества, на Славянскомъ, одномъ Русскомъ и Словено-Русскомъ языкѣ. Дѣлаются воззванія о семъ и, въ противность всякаго понятія о Старообрядцахъ, не терпящихъ ни малѣйшаго измѣненія въ Библейскихъ текстахъ, возглашается, что они съ радостію раскупаютъ и читаютъ Новый Завѣтъ на Русскомъ языкѣ, и сей языкъ какъ будто бы нѣкій особый, названъ ихъ природнымъ! Таковая,

преимущественная предъ настоящими Христіанами, похвала Старообрядцамъ, то есть, Раскольникамъ, и увѣреніе, что Русскій языкъ имъ особенно природенъ, есть явная и совершенная ложь, очевидно, для того только проповѣдываемая, чтобъ возвысить расколы и уничижить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе. Сіи статьи печатаются въ Московскихъ Вѣдомостяхъ спустя три мѣсяца послѣ перемѣны Народнаго Просвѣщенія, и тогда, когда въ С.-Петербургѣ ни чего о Библейскихъ Обществахъ не упоминается. Возможно ли Московскому Архіепископу не знать о сихъ расположеніяхъ и безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія обнаруживающихъ. На второмъ, приложенномъ при семъ, листкѣ Московскихъ Вѣдомостей, Ваше Сіятельство усмотрите публичную продажу книгъ, изъ которыхъ главную часть, яко противныхъ всякой Христіанской Вѣрѣ и возмутительныхъ противъ Правительствъ, надлежало бы истребить. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже запрещены, но опять появились. Такъ пронырливое злонамѣреніе будетъ всегда стараться возставать и вновь усиливаться, если твердою рукою отъ покушеній своихъ не удержится! Мнѣ поручено Министерство Просвѣщенія, но какъ просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется Вѣра? Если Библейскія Общества будутъ по прежнему существовать и, проповѣдуя пользу и распространеніе въ Христіанскомъ Государствѣ Христіанства, въ самомъ дѣлѣ умножать только ереси и расколы; если церковныя книги для того, чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародный языкъ, какимъ мы говоримъ между собою и на театрѣ; если, при распространеніи таковыхъ переводовъ (развѣ для того только нужныхъ, чтобъ со временемъ не разумѣть церковной службы, или чтобъ и обѣдни служить на томъ языкѣ, на какомъ пишутся комедіи), еще, сверхъ того, съ иностранныхъ языковъ, вмѣсто нашихъ молитвъ и Евангельскихъ нравоученій, переводиться будутъ, такъ называемыя, духовно-философическія, а по настоящему ихъ смыслу, карбонарскія и революціонныя книги; если, говорю, все это будетъ продолжаться по прежнему, то я Министромъ Просвѣщенія быть не гожусь; ибо, по моему образу мыслей, просвѣщеніе, не основан-

ное на Вѣрѣ и вѣрности къ Государю и Отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе. Предположенія мои, какія имѣлъ я щастіе къ отвращенію сего представлять Государю Императору, всѣ одобрены были Его Величествомъ, но, вѣроятно, за отъѣздомъ Его не могли быть произведены въ дѣйство. Между тѣмъ, сѣющіе безвѣріе и развратъ, продолжаютъ перепечатываться и публично продаваться. Духовенство знаетъ объ нихъ, и не только молчитъ и не отвращаетъ сего зла, но многіе нововоспитанные священно-церковнослужители (кромѣ нѣкоторыхъ истинно усердныхъ благочестивыхъ), подъ личиною Вѣры, споспѣшествуютъ сему. Когда одинъ человѣкъ, произносящій на площади возмутительныя слова, вреденъ и опасенъ, то книги, распущенныя тысячами по улицамъ и по всему пространству Россіи, несравненно вреднѣе и опаснѣе. Долгъ мой и присяга требуютъ, чтобы я не давалъ возобновляться тому, что доселѣ потрясало всю нравственность и благочестіе; но я не разрѣшенъ на то гласною волею Государя, не имѣю повелѣнія употреблять всевозможные способы къ потушенію сего тлѣющаго огня, и, слѣдовательно, противъ совѣсти моей и нарушая, по моимъ понятіямъ, вѣрность къ Богу и Царю, долженъ, видя раздуваніе сихъ искръ, молчать и быть только по имени, а не по дѣйствію, Министромъ Просвѣщенія. Такое положеніе почиталъ я для себя хорошимъ, если бъ думалъ, что духъ времени взялъ силу, что головой стѣну не проломишь, что мнѣ остается не долго жить, что я бездѣтенъ, что на моемъ вѣку ни чего не случится, и что, между тѣмъ, покамѣстъ я поживу, могу попользоваться честію и преимуществами, сопряженными съ моимъ званіемъ. Но, что мнѣ дѣлать, когда я совсѣмъ не такъ думаю, когда совѣсть говоритъ мнѣ: помни, что ты обязанъ служить вѣрно Государю и Отечеству, что дашь въ томъ Богу отвѣтъ, и чѣмъ ты старѣе, тѣмъ меньше это забывай, и лучше навлеки на себя гнѣвъ за правду, нежели милость за неправду. Иногда я самъ себя испытую и думаю, не излишне ли я забочусь? не увеличиваю ли вещи? не хлопочу ли о какой излишней ненужной гласности, безъ которой можно обойтиться? Но вижу, что не одинъ я такъ думаю. Изъ приложеннаго при семъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ перевода изъ иностранныхъ Вѣдомостей, подъ статьею: Франкфуртъ отъ 25 Августа, Ваше Сіятельство усмотрите, какою важностію почитаетъ и съ

какою гласностію говоритъ о семъ Австрійскій Императоръ (тожъ и Прусскій Король). Между тѣмъ я не безъ основанія полагаю, что Германія, при тѣхъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣрахъ Правительства, какія въ ней оглашаются, должна меньше быть заражена тѣми духовными и политическими сектами, противъ которыхъ она вопіетъ и которыя у насъ отъ обуздыванія ихъ усиливаются. И такъ соображая всѣ сіи обстоятельства, я отнюдь не могу себя упрекнуть какими-либо въ словахъ и представленіяхъ моихъ необдуманностями. По сему смѣю ласкаться, что Ваше Сіятельство обратите на то свое вниманіе и не отречетесь въ томъ важномъ и затруднительномъ дѣлѣ подкрѣплять меня и подавать мнѣ руку помощи; ибо я самъ собою слабъ и бездѣйственность моя, продолжаясь далѣе, скоро, противною правиламъ моимъ стороною, сочтена будетъ за невозможность поставить ей оплотъ и обращена мнѣ въ посмѣяніе. Тогда, не сдѣлавъ ни чего полезнаго, лишусь я и того добраго имени, которое долговременностію моей жизни и службы пріобрѣсть могъ. Я счелъ за нужное обо всемъ ономъ Вашему Сіятельству сообщить и предать на собственный Вашъ судъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Ш.»

13 Сентября, 1824 года.

Письмо къ нему же.

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Въ слѣдъ за донесеніемъ моимъ о Библейскихъ Обществахъ, превозносимыхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, почитаю долгомъ увѣдомить Ваше Сіятельство о присланныхъ сюда отъ Госнера на Нѣмецкомъ языкѣ стихахъ съ нотами для распѣванія оныхъ. Прилагаю при семъ сдѣланный при семъ переводъ, изъ котораго можно усмотрѣть, съ какимъ неслыханнымъ злочестіемъ, твердя о Христѣ Спасителѣ, разумѣетъ онъ подъ нимъ своего христа, или лучше сказать антихриста, и, соединяя въ себѣ предательство Іудино съ хитростію змія, прельстившаго Адама, думаетъ, что для единомышленниковъ своихъ говоритъ онъ до-

вольно ясно, а другихъ, не совершенно еще обращенныхъ, или истинно вѣрующихъ, прикроетъ смысломъ словъ своихъ, отводящихъ отъ Православной Вѣры употребленіемъ имени Іисуса Христа. Скрывая такимъ образомъ настоящую свою цѣль, превращаетъ имена, сектаторовъ своихъ называетъ Христіанами, а истинныхъ Христіанъ врагами Божіими. Вся стихотворная пѣсня его состоитъ въ сей хитрости. Въ семъ смыслѣ, подразумѣвая изгнаніе свое изъ Россіи, называетъ онъ малое стадо свое (т. е., отторженное уже ложными его поученіями отъ истиннаго Вѣроисповѣданія), осиротѣлымъ, а себя, пастыря ихъ, пораженнымъ. Но, продолжая утѣшать и ободрять къ терпѣнію и вѣрности, говоритъ: «Іисусъ Христосъ да благословитъ тя, о малое стадо! каждое сердце да стремится достигнуть вящей твердости!» Потомъ, презирая актъ Правительства, изгнавшій его отселѣ, и надѣясь на оставшихся къ нему приверженцевъ, съ дерзостію возглашаетъ: «Сатана хотя и великимъ исполненъ гнѣвомъ, но силы его малы.» И поощряя ихъ къ тому, чтобъ не покидали своей секты, прибавляетъ: «Знаете ли, что есть лучшее для стадъ осиротѣлыхъ? то, что, вопреки козни вражіей, они пребываютъ цѣлы.» А дабы, отдѣляя ихъ отъ истинныхъ Христіанъ именемъ немногихъ, подать имъ надежду, что они вскорѣ умножатся, проповѣдуетъ имъ: «Малая церковь Іакова радуйся! Онъ (то есть, ихъ Христосъ) тебя избралъ и вѣчно о тебѣ промышляетъ, чтобы тебѣ ни въ чемъ не было скудости. Вѣруй только несомнѣнно, что онъ тебя знаетъ, о малое осиротѣлое стадо, и что онъ тебя своимъ называетъ, блаженное собраніе вѣрныхъ! Сердечному благоволенію того, который милліоны сердецъ объемлетъ своимъ сердцемъ, поручилъ я тебя, а ты—награда его болѣзней!» Впрочемъ, чтобъ утѣшить ихъ въ своемъ отсутствіи и обнадежить въ возвращеніи, говоритъ: «Приходитъ мнѣ иногда на мысль, когда бы можно намъ опять быть съ вами. Прежде нежели думаете, будемъ васъ привѣтствовать. Тогда будемъ мы въ соединеніи, и въ немъ вѣчно останемся; ибо туда не смѣетъ проникнуть врагъ, который бы могъ насъ выгнать.» Здѣсь уже безъ всякаго иносказанія и загадокъ сочинитель явно мысль свою обнаруживаетъ, и наконецъ присовокупляетъ, что онъ всего имъ

описать не можетъ, а предоставляетъ чувствовать,» и заключаетъ подкидное посланіе свое слѣдующими словами: «За симъ, любезные, прощайте! Живите въ спокойствіи и мирѣ, въ веселіи и радости, хотя мы и разлучены съ вами!» Господинъ Оберъ-Полицмейстеръ, сообщившій мнѣ сіи стихи съ нотами (полученные мною потомъ и отъ Графа Милорадовича), сказывалъ, что ихъ привезено до сорока экземляровъ. Попеченіе его о семъ дѣлаетъ ему великую честь; но ежели открыты будутъ ворота къ привозу сихъ вещей, то не достанетъ у него силъ къ открытію и остановленію сихъ умысловъ и покушеній. Сверхъ того Военный Генералъ-Губернаторъ сообщилъ мнѣ извѣщеніе о нѣкоторой Финской сектѣ, здѣсь въ столицѣ и въ окрестностяхъ ея издавна распространившейся и нынѣ продолжающей свои сходки для отправленія своихъ сумазбродныхъ обрядовъ, вредныхъ толковъ и соблазнительныхъ дѣйствій. Все сіе вмѣстѣ и множество другихъ, тотъ же духъ показывающихъ, обстоятельствъ, хотя не прямо относится къ моему званію, но имѣетъ съ нимъ тѣсную связь; ибо гдѣ сѣется развратъ, тамъ ни какія сѣмена просвѣщенія не прозябнутъ; кромѣ того преданность моя къ Государю и Отечеству не позволяютъ мнѣ, видя размноженіе стремящихся къ разрушенію спокойствія замысловъ, молчать и не помышлять о способахъ къ ихъ пресѣченію. Вотъ причина, по которой я письмами моими Васъ утруждаю, оставаясь всегда при тѣхъ мысляхъ, что пора принять противъ нихъ рѣшительныя, твердыя, гласныя мѣры, и что одно свѣдѣніе объ нихъ, безъ изъявленія строгаго къ исторженію ихъ ополченія, послужитъ только къ одобренію и умноженію ихъ дерзостей, которыя если заблаговременно не уймутся, то и унять ихъ будетъ трудно. Впрочемъ, я разумѣю подъ рѣшительными мѣрами не преслѣдованіе и наказаніе тѣхъ лицъ, кои могутъ открываться виновными (ибо сіе также, по множеству ихъ, можетъ быть неудобно), но, предавая прошедшее забвенію, дать знать, что впредь малѣйшія къ тому поползновенія будутъ подвергаться законному сужденію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Ш.»

19 Сентября, 1824 года.

Отвѣтъ Графа Аракчеева на первое мое письмо.

«Милостивый Государь,

Александръ Семеновичъ!

Я спѣшу принесть Вашему Высокопревосходительству * за письмо Ваше, писанное 13 сентября, изъ коего я вижу вашу ко мнѣ довѣренность, которую я буду стараться поддержать. Всѣ вами изъясняемыя въ письмѣ разсужденія я нахожу весьма справедливыми и дѣльными, совершенно съ ними согласенъ. Какимъ же образомъ по оному дѣйствовать, то объ ономъ нужно намъ лично переговорить по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, куда я располагаюсь пріѣхать въ началѣ Октября мѣсяца.

Примите истинное мое почтеніе навсегда, съ коимъ я неизмѣнно пребуду

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.»

Округа поселенія гренад. Его Величества Короля Прусскаго полка.

18 Сентября, 1824 года.

«РАЗБОРЪ КНИГИ ПАСТОРА ГОСНЕРА,

представленный мною въ Комитетъ Гг. Министровъ. **

Разсмотрѣніе книги на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: ‹Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi, in Betrach-

* Пропущены, кажется, слова: «мою благодарность.»

** См. Записки Іюня подъ 7 числомъ.

tungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Matthäus und Marcus,» а въ переводѣ на Русскомъ языкѣ (безъ заглавнаго листа): «О Евангеліи отъ Матфѣя.» Подлинникъ печатанъ въ С. Петербургѣ у Карла Края, въ Малой Морской (№ 104) въ 1824 году, а въ переводѣ мѣсто печатанія не показано, на листкахъ же показано: «Брискорнъ.»

По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги оказывается, что въ толкованіи Евангельскихъ текстовъ вездѣ, подъ видомъ наставленія въ Вѣрѣ, внушаются противныя ей правила, основанныя на ложныхъ умствованіяхъ, смѣшанныхъ, однако жь, съ истинными и скрытыхъ подъ оными, дабы сею хитростію омрачить умъ читателя, или слушателя, и по немногу отводить его отъ Вѣры своей, отъ должностей мирнаго гражданина и отъ всѣхъ обязанностей къ небесному и земному Царю. Изъ разсмотрѣнія всей книги можно бы ясно сіе вывесть, но, для убѣжденія себя въ томъ, довольно и того, чтобъ токмо нѣкоторыя мѣста изъ оной выписать.

Подъ словами: «Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля (глав. 1, стр. 4) сказано: «Въ семъ родословіи встрѣчается столь много именъ извѣстныхъ и великихъ грѣшниковъ, ибо и большая часть Царей были люди злые, что и въ самомъ началѣ исторіи Іисуса исполнилось пророчество: «онъ сопричтенъ будетъ къ преступникамъ.» Не извѣстно, отколѣ сіе пророчество почерпнуто: если изъ словъ: «со беззаконными вмѣнися,» то сіе сказано не о родословіи Христовомъ, но объ осужденіи его на крестную смерть и распятіи между двумя разбойниками. И такъ вотъ уже при самомъ началѣ, безъ всякой нужды, бросается нѣкоторая чернота на имена Царей, и при томъ съ немалымъ отъ себя прибавленіемъ и увеличеніемъ; ибо на страницѣ 6-ой возобновляетъ говорить о томъ же: «Здѣсь наименованы по порядку всѣ прародители Іисуса, по истиннѣ не ради заслугъ своихъ; ибо они почти всѣ, исключая двухъ, или трехъ, не были достойны имѣть такого потомка.»

По приведеніи текста (стр. 11): «Іосифъ же, мужъ ея, праведенъ сый и не хотя ея обличити, восхотѣ тай пу-

стити ю,»—сочинитель разсуждаетъ: «Благочестивый мужъ не хотѣлъ ни увеличивать, ни уменьшать сего обстоятельства, а желалъ прикрыть проступки ближняго покровомъ любви, и лучше уступить нѣсколько своего права. Онъ могъ бы ясно ее обличить, какъ въ другихъ случаяхъ требовала бы того и строгость правосудія, но онъ не хотѣлъ также оставить у себя, поелику не былъ довольно увѣренъ въ ея невинности.»

Іосифъ могъ такъ думать, не будучи еще извѣщенъ отъ Ангела; но по чему проповѣдникъ, извѣстный уже о семъ, называетъ это проступкомъ, и по какой пристойности говоритъ, что Іосифъ желалъ лучше уступить нѣсколько своего права? Что такое въ семъ случаѣ уступить нѣсколько? Какую иную мысль могутъ порождать слова сіи, какъ не ту, что раздѣлить право свое съ другимъ? И эту развратную, нечестивую мысль почерпаетъ проповѣдникъ изъ священнаго текста и сообщаетъ ее своимъ слушателямъ и читателямъ! Онъ даже даетъ мужьямъ совѣтъ терпѣть невѣрность женъ своихъ, продолжая дѣлать слѣдующія, едва ли въ романахъ позволительныя, разсужденія: «Истинная любовь умѣетъ находить средину между ревностію и нечувствительностію. Праведный умѣетъ сохранить сію честь ближняго чрезъ открытіе его проступковъ. Легковѣріе и ложное рвеніе къ соблюденію закона часто нарушаютъ самый законъ, когда обращаютъ вниманіе только на мщеніе и строгость, допускаемыя, какъ кажется, закономъ. Но благоразумная любовь и истинное благочестіе умѣютъ находить кротость въ законѣ, не принуждающемъ ни кого быть доносителемъ на свою супругу.»

По приведеніи текста (ст. 13): «Родитъ же сына, и наречетъ имя ему Іисусъ, той бо спасетъ люди своя отъ грѣха ихъ,» сочинитель, разсуждая объ имени Іисусъ, между прочимъ говоритъ: «по сей самой причинѣ и Ангелъ свидѣтельствуетъ, что Спаситель избавитъ народъ свой отъ грѣховъ мученія и власти.»

Отъ грѣховъ—такъ, но отъ какой власти и отъ какого мученія? Темнота выраженія сего смѣшиваетъ адское мученіе и

дьявольскую власть съ законною властію земныхъ правителей и съ происходящимъ иногда отъ злоупотребленія оной терпѣніемъ, или мученіемъ, народнымъ. Но темнота сія находится только въ Русскомъ переводѣ, въ подлинникѣ нѣтъ ея. Тамъ сказано: «Dass der Heiland sein Volk von der Noth, Tyranney und Gewalt der Sünde erlösen werde, т. е., что Спаситель избавитъ народъ свой отъ тягости, мучительства и насилія грѣха.»

Далѣе сочинитель, продолжая толковать имя Іисусъ, говоритъ: «Нынѣшніе Христіане именуютъ Его устами, но на опытѣ Его не знаютъ и не испытали въ сердцахъ своихъ силы сего имени, по сему именуютъ они Его безъ почтенія, безъ благоговѣнія, легкомысленно и по привычкѣ, когда бываютъ въ ужасѣ, или въ удивленіи.» Что такое нынѣшніе Христіане? По чему сочинитель полагаетъ всѣхъ вообще нынѣшнихъ Христіанъ чуждыми благочестія, и хочетъ ученіями своими произвесть новыхъ, небывалыхъ Христіанъ? Въ сей гордости его, въ семъ общемъ обвиненіи всѣхъ, кромѣ себя, не видно Христіанской любви и кротости.

Онъ продолжаетъ (стр. 17): «Но кому открылась десница Господня, имя Господне? Кто нынѣ вѣритъ, что таковое могущество, содѣлать блаженными и избавить отъ грѣховъ, заключается въ Его имени и въ Его лицѣ?» Что значатъ его слова: «кому открылась десница Господня, имя Господне?» Что значитъ сей вопросъ: «кто нынѣ вѣритъ?» Вопросъ, изъ котораго непремѣнно слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что нѣкогда вѣрили и потомъ перестали, или что по какой ни будь общей причинѣ никто не сталъ вѣрить. Да и чему не стали вѣрить? «Тому, что блаженство и избавленіе грѣховъ заключается въ имени Господни.» Кто пойметъ сіи слова? Проповѣдникъ продолжаетъ: «Они говорятъ, что не могутъ дѣлать инаково, что должны грѣшитъ. Они не вѣрятъ, что Господь можетъ и хочетъ освободить ихъ отъ грѣховъ.» Кто такіе они, кто не вѣритъ, и какъ сему не вѣрить? Подобныя загадки по видимому пишутся не для общаго разумѣнія, но только для тѣхъ, кому онѣ понятны.

Далѣе (на стр. 20) проповѣдникъ говоритъ: «Христіанинъ ищетъ и обрѣтаетъ во всемъ и повсюду токмо своего Христа. Онъ для него есть всяческая во всѣхъ. Въ немъ соединяется все, что разсѣяно въ милліонахъ, и ни въ комъ другомъ не можетъ быть обрѣтено такъ, какъ въ немъ.» Кто пойметъ смыслъ сихъ словъ? Научится ли новый Христіанинъ изъ нихъ быть благочестивымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ? Какой благоразумный проповѣдникъ облекаетъ ясное и утѣшительное Христово нравоученіе въ такой мракъ и непостижимость? Далѣе (на стр. 21) говоритъ онъ: «Теперь Іисусъ Еммануилъ у насъ. Если Богъ во Христѣ намъ явился, намъ дарованъ и данъ такъ, что Онъ, яко Богъ, хочетъ быть съ нами и въ насъ, чего жь нѣтъ у насъ? чего намъ недостаетъ? Какую мы сами по себѣ имѣемъ крѣпость, какую силу? И чего не можемъ преодолѣть въ Немъ, съ Нимъ и чрезъ Него? Осмѣлимся ли мы извиниться слабостію своею? Развѣ Іисусъ Еммануилъ не тотъ, который стеръ главу змія, который уничтожилъ всѣ козни лукаваго, силу и коварство искусителя?» Для чего жь тоже то самое не сказать простымъ и яснымъ образомъ, не дѣлая изъ того, о чемъ говорится, ни какой загадки, на примѣръ: «Призывая съ вѣрою на помощь Христа Бога, мы можемъ находить въ себѣ довольно твердости преодолѣвать наши страсти, влекущія насъ въ пороки и прегрѣшенія.» На что мыслію затмѣвать и облекать ее въ такіе вопросы, которые похожи больше на нѣкое пылкое воззваніе, нежели на спокойное разсужденіе: «Чего намъ недостаетъ? Осмѣлимся ли извиниться своею слабостію? Развѣ мы сами собою не крѣпки, не сильны? Развѣ съ именемъ Христа не можемъ преодолѣть и стереть главу змія?» Кто сей змій, противъ котораго крѣпки мы сами собою? Такой скрытной языкъ, умышленно ли онъ, или нѣтъ, не подаетъ ли поводъ злонамѣреннымъ людямъ почерпать изъ сего двусмысленнаго иносказанія совсѣмъ иное заключеніе?

По приведеніи текста (стр. 22): «Воставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори, яко же повелѣ ему Ангелъ Господенъ, и пріятъ жену свою,» сочинитель говоритъ: «Кто любитъ Бога, тотъ довольствуется тѣмъ, что знаетъ волю Господню, дабы оную мгновенно исполнять, хотя не усматриваетъ тому причины

Возможно ли извлекать изъ Евангелія, изъ сей Божественной книги, толь ложныя и развратныя поученія? Какимъ образомъ случай съ Іосифомъ распространять на всѣ случаи? Какимъ образомъ изъ того, что Іосифъ. по благовѣствованію Ангела, принялъ опять жену свою, выводить, что если бы кому помыслилось, или привидѣлось во снѣ, или кто его научилъ совершить какое ни будь злодѣяніе, то онъ, хотя бы и не усматривалъ тому причины, долженъ безъ всякаго размышленія, потушая въ себѣ гласъ совѣсти, гласъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, повѣрить, что это воля Божія и мгновенно ее исполнять? Не по такимъ ли постановленіямъ обуянный Равальякъ убилъ Генриха IV, и то жь самое въ недавныя времена Зандъ сдѣлалъ съ Коцебу? И это называется любить Бога! Какой преступникъ и злодѣй по симъ правиламъ не найдетъ себѣ оправданія, подобно Прусскому солдату, который, будучи обличенъ въ обобраніи въ церкви оклада съ образа Богоматери, предъ судомъ сказалъ, что сама она ему явилась во снѣ и приказала это сдѣлать?

Послѣ текста (стр. 24): «и не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца, и нарече имя ему Іисусъ,» сочинитель, утверждая, что Матѳей справедливо его назвалъ первенцемъ, какъ единороднаго сына Божія, присовокупляетъ къ тому: «А кто хочетъ выводить дальнѣйшія къ тому слѣдствія, на примѣръ, что Іосифъ послѣ позналъ ее, и она еще многихъ дѣтей рождала, тотъ уже слишкомъ много выводитъ заключеній изъ того изреченія.» Пристойно ли проповѣднику произносить и печатать сіи слова, отъ которыхъ всякой благочестивый человѣкъ долженъ заграждать слухъ свой, дабы не слышать ихъ? Въ защиту ему скажутъ: да онъ для того приводитъ ихъ, чтобъ послѣ опровергнуть. Но развѣ злонамѣреніе не такія же употребляетъ хитрости, когда хочетъ сѣять развратъ? Оно знаетъ, что такимъ изреченіемъ подобнаго богохуленія больше посѣетъ зла и соблазна, нежели возраженіемъ противъ того принесетъ добра и пользы. Но посмотримъ еще, какимъ образомъ онъ опровергаетъ сіе. Вотъ какимъ: «Богъ обѣщалъ Іакову не оставлять его дотолѣ, когда исполнится все обѣтованіе. Итакъ оставилъ ли его онъ послѣ? Слѣдовательно, онъ тогда остается

такъ же первенецъ, хотя бы и никого не было рожденнаго послѣ него. При всемъ томъ по истинѣ приличествуетъ Іисусу, что онъ былъ единымъ сыномъ матери, которая въ дѣвствѣ зачала его отъ Святаго Духа, и что сіе чрево, столь чисто его зачавшее, носившее и родившее послѣ него, ни какихъ уже дѣтей не зачинало и не рождало. Какъ онъ есть единородный отъ Бога, такъ онъ единородный и отъ дѣвы. Но если Марія и рождала еще и другихъ дѣтей, то мы при всемъ томъ не менѣе будемъ любить Іисуса. Онъ остается навсегда несравненный, единый, высочайшій и преблагій.» Изъ подобныхъ сему выраженій: «хотя и никого рожденнаго не было послѣ него» (слѣдовательно, думаетъ, что можетъ быть и было); по истинѣ приличествуетъ Іисусу, что онъ былъ единымъ сыномъ матери (слово приличествуетъ скорѣе отрицаетъ, нежели утверждаетъ сущность дѣла); но если Марія рождала и другихъ дѣтей, то мы не меньше будемъ любить Іисуса;» не ясно ли, что проповѣдникъ самъ соглашается на опровергаемое имъ мнѣніе, и выводитъ изъ того ни съ чѣмъ не сообразное заключеніе, что будто бы мы, разруша въ себѣ вѣру и, слѣдственно, не вѣря болѣе въ Іисуса, не меньше будемъ его любить! Подобныя, говорю, возраженія не больше ли противурѣчіемъ своимъ показываютъ сомнѣнія, нежели вѣры? И такъ когда проповѣдникъ, толкуя Евангеліе, приводитъ изъ него яко бы кроющуюся въ немъ нелѣпую, богохульную, никому на умъ не вспадавшую мысль, то по какой надобности приводитъ онъ сіе? Буде для опроверженія, чтобъ никто изъ слушателей его тому не вѣрилъ, то они безъ того никогда тому не вѣрили, и, можетъ быть, всякъ изъ нихъ впервые о такихъ злочестивыхъ мысляхъ отъ него услышалъ. И какъ же отвращаетъ онъ ихъ отъ вѣрованія тому? Возраженіемъ противъ сего, но въ возраженіи оказывается самъ сомнѣвающимся! Чему же онъ научаетъ ихъ, правовѣрію, или невѣрію?

На страницѣ 26 сочинитель говоритъ: «Предубѣжденіе объ особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ не рѣдко совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямаго пути, и помрачаетъ его зрѣніе такъ, что онъ не видитъ уже болѣе яснаго свѣта Евангелія!» Что такое предубѣжденіе къ нѣ-

которымъ лицамъ и мѣстамъ? Зачѣмъ говорить вездѣ такими скрытными и двусмысленными словами? Кто такія сіи лица? Не угодники ли Божіи, которыхъ мы за добродѣтели ихъ почитаемъ? Не земныя ли власти, которымъ мы, для соблюденія общаго спокойствія и порядка, повинуемся и уважаемъ ихъ? По чему же должное къ нимъ уваженіе есть предубѣжденіе, не совмѣстное съ Христіанствомъ? По чему помрачаетъ оно зрѣніе наше и закрываетъ отъ насъ свѣтъ Евангелія? Подобная мысль была бы самая гнусная клевета на Вѣру и Священное Писаніе. Сочинитель продолжаетъ: «Человѣкъ весьма охотно бросается на что либо важное, имѣющее величественный видъ и блескъ. Такъ стремятся нѣкоторые за красными и лицемѣрно священными словами, или мыслями; другіе же мнятъ будто можно найти Христа въ большихъ почестяхъ и преизобиліи, между тѣмъ какъ онъ всего вѣрнѣе и точнѣе обрѣтается въ Виѳлеемѣ въ ясляхъ, въ бѣдности, въ поруганіи, въ гоненіяхъ и страданіяхъ. Не во храмѣ Іерусалимскомъ, который содѣлался вертепомъ разбойниковъ, не при дворѣ Ирода, не въ пышномъ и блистательномъ состояніи, но въ простомъ, тихомъ и чистомъ быту, въ униженіи и простотѣ, рождается и обрѣтается Христосъ, дабы человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не увлекался наружностію, но обрѣлъ его самого. Сколь многія души чувствами своими и съ любопытствомъ повсюду озираются, и гдѣ усмотрятъ что либо блистательное, знаменитое и ученое, въ томъ мнятъ обрѣсти свое спасеніе, между тѣмъ какъ никогда не достигаютъ увѣренія и спокойствія.» Что такое проповѣдникъ хочетъ здѣсь сказать? Ежели напомнить и повторить извѣстную всѣмъ, какъ по Евангельскому ученію, такъ и по самой кратковременности нашей жизни, истину, что не должно уповать на земныя блага, то за чѣмъ простую и ясную мысль сію облекаетъ такими околичностями, такими удаленными отъ ней умствованіями, что она въ нихъ совсѣмъ теряется и представляетъ нѣчто другое? Что такое: нѣкоторые стремятся за красными и лицемѣрно священными словами, или мыслями? Что такое: надобно искать Христа не въ большихъ почестяхъ и преизобиліи, но въ ясляхъ, въ бѣдности, въ поруганіи, въ гоненіи и страданіяхъ: не во храмѣ Іерусалимскомъ, который сдѣлался вертепомъ разбойниковъ, не при дворѣ у Ирода,

не въ пышномъ и блистательномъ состояніи, но въ униженіи, въ простомъ быту? Что значатъ сіи выраженія? Чему поучаетъ насъ проповѣдникъ? Не уже ли тому, чтобы мы оставили храмы Божіи, почитая ихъ вертепами разбойниковъ? Не уже ли тому, чтобы оставили Дворъ, всѣ обязанности гражданскія и пошли искать Христа въ ясляхъ, въ униженномъ быту? Къ чему сіе новое, нигдѣ въ Священномъ Писаніи не употребляемое, выраженіе искать Христа? Словно какъ будто и мы нынѣ, какъ въ тѣ времена Волхвы, ходимъ и ищемъ Христа въ какомъ либо мѣстѣ, или сословіи людей; ибо знаетъ гдѣ онъ, что такое онъ, какъ избавилъ его и что предписываетъ къ его спасенію, вѣруетъ въ него и послѣдуетъ его ученію,—вотъ обязанности Христіанскія. Что жь такое искать Христа? За чѣмъ чистоту и ясность нравоученія облекать въ хитрости, въ загадки и двумысліе? Наконецъ что такое: многія души чувствами своими и съ любопытствомъ повсюду озираются, и гдѣ усмотрятъ что либо блистательное, знаменитое и ученое, въ томъ мнятъ обрѣсти спасеніе, между тѣмъ какъ никогда не достигаютъ увѣренія и спокойствія? Ни какая душа чувствами своими не озирается, никто въ блистательномъ, знаменитомъ и ученомъ не мнитъ обрѣсти спасенія, и никогда симъ образомъ не думаетъ достигнуть увѣренія и спокойствія. Въ сихъ темныхъ словахъ ни чего не видно, кромѣ желанія очернить знаменитость и ученіе. Когда благочестивые проповѣдники Слова Божія: Василій Великій, Іоанны Дамаскины, Златоусты, Өеофаны и проч. говорили такимъ таинственнымъ, не вразумительнымъ языкомъ?

Послѣ текста, въ которомъ пришедшіе во дни Ирода Царя въ Іерусалимъ Волхвы вопрошаютъ: «гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій? Видѣхомъ звѣзду его на Востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися ему,» проповѣдникъ (на стр. 28), дѣлая довольно странные вопросы, таковы какъ: «по чему солнце не озаряетъ своимъ свѣтомъ тѣхъ, которые сидятъ въ темныхъ покояхъ?» приступаетъ опять къ загадкамъ: «свѣтъ (говоритъ онъ)—звѣзда Евангелія Іисусъ Христова, свѣтитъ и освѣщаетъ какъ солнце, но по чему не всѣ онаго объемлютъ, тому всякъ самъ долженъ знать причину.» И послѣ сей загадки продолжаетъ:

«Христосъ имѣетъ все, что имѣютъ и земные Вельможи, даже и звѣзду; но все, что онъ имѣетъ, есть божественное, небесное и безконечно большое. Его звѣзды не можно было носить на одеждѣ, она была на небесахъ.» Какой проповѣдникъ станетъ увѣрять слушателей своихъ въ томъ, что небесныхъ звѣздъ не носятъ на одеждѣ? Хуже ли они знаютъ это, и кому придетъ въ голову свѣтъ Евангельскаго откровенія сравнивать съ кавалерскою звѣздою? Вся цѣль уподобленія сихъ звѣздъ не можетъ быть иная, какъ та, чтобъ внушить нѣкоторыя неуваженіе и презрѣніе къ звѣздамъ на платьяхъ. Сообразно съ симъ проповѣдникъ вездѣ располагаетъ ученія и толкованія свои такъ, чтобъ онѣ были двусмысленны, т. е., чтобъ вдавшемуся уже въ революціонныя мысли были ясны, а Христіанину, твердому еще въ Вѣрѣ своей, казались Христіанскими, и только по немногу смущали его и отвлекали отъ оной. Такимъ образомъ, толкуя о внутренней звѣздѣ, внутреннемъ чувствованіи, взываетъ онъ (стр. 30): «мужественная и непоколебимая Вѣра волхвовъ служитъ намъ примѣромъ, приводящимъ насъ въ стыдъ: послушаніе и простота ихъ скрывали отъ нихъ опасности, въ которыя они ввергались, но Богъ бдѣлъ надъ ними и зналъ какъ ихъ спасти. И такъ будь ты только послушенъ Богу,—Онъ уже защититъ тебя. Послѣдуй только звѣздѣ слова Божія, —и не бойся ни чего: живъ еще Богъ тѣхъ волхвовъ.» Ежели бъ какой революціонный проповѣдникъ осмѣлился явно, снявъ съ себя маску Вѣры, побуждать людей къ безначалію, то бы онъ, выпустя только имена Бога и Евангелія, сталъ говорить то же: ступайте съ нами искать того, кто насъ освободитъ, не бойтесь ни какихъ опасностей, онъ надъ вами бдитъ и спасетъ васъ; послѣдуйте только ему и убѣдитесь въ томъ внутренними чувствами! Хитрость мыслей его, прикрытая священными текстами, ясно открывается, какъ скоро попрележнѣе вникнемъ въ нихъ и сблизимъ, разсѣянныя между двусмысленными мѣстами, тѣ мѣста, въ которыхъ уже давно обнаруживается и намѣреніе и взываніе. Нижеслѣдующія выписки очевиднымъ образомъ намъ то покажутъ.

Послѣ текста: «слышавъ же Иродъ Царь смутися, и весь Іерусалимъ съ нимъ,» проповѣдникъ говоритъ: «Інсусъ

есть всегда утѣшеніемъ благочестивыхъ и ужасомъ безбожныхъ. Ни землетрясеніе, ни тысячи ударовъ, не могли бы днесь навести такого ужаса и распространить такого страха, какой произведенъ былъ гласомъ: «Грядетъ женихъ, Господь!» Какъ бы тамъ задрожало, затряслось отъ ужаса, все великое сборище Христіанъ, носящихъ только имя сіе? Какъ бы вострепетали многіе, такъ называемые, благочестивые люди!» Гдѣ тамъ? И по чему относить укоризну сію на такое общее лице: все великое сборище Христіанъ? Впрочемъ, мы видѣли ужасы сіи во время Французской революціи: подлинно вострепетали тогда истинные Христіане и благочестивые люди! Да и быть сіе иначе не можетъ, когда сила перейдетъ на сторону буйства и безначалія, котораго ярость обращается тотчасъ на Вѣру, благочестіе и законныя власти.

Проповѣдникъ продолжаетъ (ст. 31): «Подобно тому, какъ Иродъ и Іерусалимъ не познали тогда Христа и страшились его, такъ и днесь еще великіе и малые люди, ложное Христіанство и главы онаго, страшатся и не познаютъ его.» Вездѣ, вмѣсто нѣкоторыхъ во всякомъ состояніи грѣшниковъ, проповѣдникъ говоритъ всегда на общее лицо: ложное Христіанство и главы онаго. Не открывается ли изъ сего, что онъ, въ отношеніи къ какому-то своему Христіанству, называетъ наше ложнымъ, и подъ главами сего послѣдняго разумѣетъ духовныя и гражданскія власти? Продолжая такимъ образомъ говорить двусмысленно, не пропускаетъ, однако жь, мысль свою въ иныхъ мѣстахъ яснѣе открывать. Такъ, на примѣръ, стараясь посѣять въ сердца читателей своихъ неуваженіе къ ученымъ людямъ, духовенству и властямъ гражданскимъ (стр. 33), говоритъ: «всю честь свою поставляютъ они (ученые) только въ знаніи и изслѣдованіи, думая, что довольно для нихъ, когда найдутъ Христа въ книгахъ, въ строкахъ, на бумагѣ, когда могутъ производить споры и доказывать; но въ Виѳлеемѣ, на самомъ дѣлѣ и по истинѣ въ ясляхъ, въ сердцѣ, въ житіи и бытіи своемъ, имѣть его не хотятъ.» Проповѣдникъ, по видимому, запрещаетъ ученымъ искать Христа въ книгахъ, то есть, въ Священномъ Писаніи; что тамъ не о томъ Христѣ говорится, о которомъ онъ думаетъ, для того не велитъ имъ спорить и доказывать, что доказательствъ ихъ

не можно опровергнуть. Что жь такое велитъ онъ имъ и всѣмъ прочимъ людямъ? Велитъ искать Христа въ ясляхъ! Какъ будто онъ и нынѣ, по прошествіи осмнадцати вѣковъ отъ смерти и воскресенія его, находится еще во плоти младенцемъ, и намъ, какъ Волхвамъ, еще не знающимъ о немъ, надлежитъ искать его, имѣя предъ собою звѣзду. которая бы насъ вела къ нему! Не ясно ли изъ сего видѣть можно, что онъ подъ именемъ Христа и Евангелія разумѣетъ не того Христа, въ котораго мы вѣруемъ, но другого, ибо велитъ еще искать его въ книгахъ; а какія книги, какъ не Евангеліе, возвѣщаютъ о немъ? Онъ велитъ каждому возжигать внутри себя звѣзду, не изъ чтенія священныхъ книгъ, не изъ Евангельскаго откровенія и правоученія, не изъ гласа разума и совѣсти, но изъ собственнаго своего побужденія, не смотря на Вѣру, на законъ и на данное намъ отъ Бога познаніе о добрѣ и злѣ. Вотъ какую звѣзду велитъ онъ намъ возжигать въ себѣ! И, укоряя насъ привязанностію къ книгамъ и пребываніемъ въ покоѣ и мирномъ вѣроисповѣданіи, тутъ же взываетъ: «книжная пыль имѣетъ что-то весьма привлекательнаго, что она прилѣпляетъ ученыхъ къ буквамъ и содѣлываетъ ихъ какъ бы лишенными движенія, когда надобно возстать и искать Господа.» Кто изъ сего выше означеннаго не почувствуетъ, что значатъ слова: возстать и искать Господа? Проповѣдникъ продолжаетъ: «О, вы бѣдные ослѣпленные книжники, служащіе одному только Ироду; бѣдные ослѣпленные, льстивые богословы, испытующіе Священное Писаніе только тогда, когда Дворъ и знать вопрошаютъ о Христѣ, и вопрошаютъ объ немъ для того только, чтобы истребить его, а не для того, чтобы ему поклониться!» О какомъ Христѣ Дворы и знать вопрошаютъ книжниковъ и богослововъ для истребленія его? Иродъ помышлялъ сіе; но по чему же, указуя на тѣ времена, говоритъ такъ, какъ будто бы нынѣшніе Цари были Ироды? Для чего всѣхъ ученыхъ богослововъ называетъ ослѣпленными льстецами, служащими одному только Ироду? Да и при самомъ Иродѣ Іоаннъ Креститель обращалъ его къ вѣроисповѣданію во Христа.

На стр. 36-й проповѣдникъ разсуждаетъ: «они (т. е., богословы) вопрошаютъ о времени явленія звѣзды, о пришествіи и

будущности Іисуса, хотятъ проникнуть тайну и глубину Библіи, но не слѣдуютъ той звѣздѣ, которую обрѣли Кто чистосердечно и тщательно ищетъ свѣтъ Христа, тотъ найдетъ его и узритъ такъ, какъ Волхвы ......» (Сужденіе, съ истиною вещей не сообразное: Волхвы видѣли его тѣлесными очами во плоти,—мы, въ наше время, ни найти, ни видѣть его такимъ образомъ не можемъ). «Иродъ желалъ также видѣть тотъ свѣтъ, и желаніе его было искреннее. Онъ велѣлъ умертвить многія тысячи дѣтей, искомаго же младенца, однако жь не нашелъ; ибо тотъ младенецъ отъ него устранился: чѣмъ болѣе онъ объ немъ развѣдывалъ, тѣмъ больше младенецъ отъ него удалялся...........
......» (Какимъ же образомъ желаніе Ирода найти и узрѣть Христа было искреннее, когда онъ искалъ убить его?). «Иродъ (продолжаетъ проповѣдникъ) представляетъ здѣсь образъ тѣхъ людей, которымъ свѣтъ не всходитъ, сколько бы они его ни искали. Но по какой причинѣ? Вѣдь они вопрошаютъ объ ономъ и желаютъ оный имѣть: по чему же Богъ попускаетъ ихъ впадать въ заблужденіе? По чему могуществомъ его не проповѣдуется Евангеліе всѣмъ людямъ, и звѣзда истины имъ не восходитъ?—«Для того, чтобы они не сдѣлались дьяволами и врагами Божіями, подобно Ироду».—Когда Христіанскіе проповѣдники говаривали такимъ безбожнымъ и даже безразсуднымъ языкомъ? Богъ попускаетъ людямъ впадать въ заблужденія, для того, чтобы они не сдѣлались ему врагами! Да если бъ и о человѣкѣ сказать, что онъ попускаетъ другому упадать въ яму, опасаясь, чтобъ онъ не сдѣлался ему непріятелемъ, то и человѣка сего нельзя назвать добрымъ; а проповѣдникъ говоритъ это о Богѣ, о всемогущемъ и всеблагомъ существѣ. Да и какимъ образомъ человѣкъ въ заблужденіи не есть врагъ Богу, а выведенный изъ заблужденія сдѣлается таковымъ? И Богъ его опасается, и для того попускаетъ впадать въ заблужденія! Нельзя не удивляться слабости ума того слушателя, кто, не бывши въ единомысліи съ проповѣдникомъ, пріемлетъ толь явныя нелѣпости его за нѣкую сокрытую въ нихъ мудрость. * Далѣе проповѣдникъ даетъ читателямъ своимъ слѣдующіе со-

---

* Извѣстно, что проповѣдникъ привлекалъ къ себѣ многихъ слушателей, изъ которыхъ многіе плѣнялись его проповѣдями.

вѣты: «Удались только охотно изъ высокаго Святаго Іерусалима, гдѣ господствуетъ гордость и пышное великолѣпіе, книжная мудрость и властолюбіе, и бѣги въ униженный и презрѣнный Виѳлеемъ; не останавливайся въ мірѣ и у Князей мірскихъ, дабы они не запутали тебя въ свои сѣти величіемъ и знатностію, почестями и свѣтскими обѣщаніями!» Изобразя такими красками всѣ Дворы и Князей мірскихъ, и приказывая всякому бѣжать и удаляться отъ нихъ, какъ отъ нѣкакой заразы, проповѣдникъ, остерегая своихъ слушателей и читателей отъ притворной ласки ихъ и благосклонности, продолжаетъ свои совѣты: «Не будьте слишкомъ довѣрчивы, возлюбленные мои! Тогда-то и оружіе всего нужнѣе, поелику тогда настоитъ величайшая опасность. Когда міръ, или люди мыслящіе по мірскому, пріемлютъ видъ смиренія и святости, то не имѣютъ они по истинѣ другого намѣренія, кромѣ подобнаго Иродову, а именно: цѣлятъ умертвить въ сердцахъ вѣрующихъ силу и жизнь Іисуса Христа, или, развѣдавъ о расположеніи сердецъ, предать ихъ врагамъ. Они пресмыкаются въ слѣдъ за младенцемъ, также подъ видомъ поклоненія ему, въ самомъ же дѣлѣ они управляются и внушены Княземъ міра сего, который старается погубить младенца, опасаясь, чтобъ оный не взросъ и не лишилъ его царства и престола.» Какая опасность настоитъ и по какой недовѣрчивости проповѣдникъ велитъ готовиться къ оружію? Ни кто изъ Князей мірскихъ не возстаетъ на разрушеніе Вѣры, ни кто изъ Христіанскихъ Государей не думаетъ, что Христосъ возрастаетъ и придетъ у него отнять царство и престолъ. Какъ возрасти тому, кто давно уже возросъ, умеръ и воскресъ? По какому приличію дѣла и мысли Ирода относить на нынѣшнихъ Царей? Не явно ли и здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, открывается хитрость проповѣдника, что онъ, подъ именемъ младенца Христа, разумѣетъ революцію, то есть, разрушеніе Православныхъ церквей и престоловъ? О ней говоритъ, что Князья мірскіе, развѣдавъ о расположеніи сердецъ, стараются потушить ее, не дать возрасти младенцу, и что, не смотря на ихъ кротость и смиреніе, не надобно довѣрять имъ, а должно готовить противъ нихъ оружіе.

На страницахъ 41 и 42 въ такомъ же смыслѣ продолжаетъ онъ: «Когда мы надолго остаемся съ мертвыми и холодными

учеными въ большомъ градѣ сего міра, или съ вельможами и царедворцами, на нихъ смотримъ и у нихъ спрашиваемъ, тогда теряемъ мы звѣзду; но если мы, оставя все то, пойдемъ путемъ, ведущимъ къ Іисусу, то найдемъ опять звѣзду истиннаго свѣта.» По чему проповѣдникъ почитаетъ самыми худыми людьми всѣхъ безъ изъятія ученыхъ, всѣхъ вельможъ и царедворцевъ? По чему безпрестанно о томъ твердитъ? По чему ихъ всѣхъ называетъ мертвыми и холодными? Да онъ, живой и горячій, къ какому классу людей принадлежитъ? Для чего не позволяетъ намъ смотрѣть на почтенныхъ вельможъ и царедворцевъ? Для чего не позволяетъ намъ спрашивать и поучаться закону Божію у благочестивыхъ священнослужителей? Какую звѣзду потеряемъ мы чрезъ то, и по чему тогда найдемъ ее опять, когда ихъ оставимъ? Что жь бы еще возмутительнѣе и развратнѣе сего могъ сказать и самъ посланный изъ преисподняго царства? Мудрено ли послѣ сего видѣть, къ какому Іисусу хочетъ онъ звѣздою своею вести тѣхъ, кои его послушаютъ? Онъ продолжаетъ: «Если ты найдешь гдѣ только буквальное или притворное Христіанство, то не долженъ тамъ останавливаться, но искать Христа живаго?» Что такое буквальное Христіанство? Кто не догадается, что подъ этимъ разумѣются книги Священнаго Писанія? Что такое искать Христа живаго? Какой Христіанинъ почитаетъ Христа Бога мертвымъ? Слѣдовательно, проповѣдникъ говоритъ о какомъ-то своемъ Христѣ, который, по его мнѣнію, еще живъ и во плоти. Онъ продолжаетъ: «Они (Волхвы) мнили, что должны найти Іисуса во Іерусалимѣ, во св. градѣ; и гдѣ жь иначе, если не тамъ? Тамъ храмъ, тамъ святыня, тамъ первосвященство, богослуженіе и проч.» Вотъ съ какою насмѣшкою проповѣдникъ говоритъ о храмахъ, первосвященникахъ, богослуженіи; вотъ что называетъ мертвою ученостію, ложнымъ буквальнымъ Христіанствомъ? И потомъ продолжаетъ: «но, при всемъ добромъ ихъ мнѣніи, потеряли они звѣзду, и не узрѣли оной прежде, какъ вышедши изъ сего, такъ называемаго, святаго града. Разумѣющій да разумѣетъ.» Вотъ какъ проповѣдникъ обнаруживаетъ себя, что онъ не о той Вѣрѣ говоритъ, въ которой всякъ наставленъ и читаетъ въ молитвахъ, или слышитъ во храмахъ Божіихъ, но о другой тайной, ему только, съ обращенными уже въ нее, извѣстной, въ которой всякое начальство и богослуженіе

опровергается; и какъ такое ученіе еще опасно явно проповѣдывать, то онъ иногда, закрывая себя личиною истиннаго Вѣроисповѣданія, иногда выглядывая изъ подъ ней и показываясь въ собственномъ своемъ видѣ, говоритъ разумѣющій да разумѣетъ.

Сколько ни станемъ мы разсматривать сію книгу, нигдѣ не найдемъ въ ней ни чего Евангельскаго, ни чего правоучительнаго, но вездѣ твердится только злоязычная хула и поруганіе всему тому, что мы почитать привыкли. Такъ, на стр. 50-й учитъ онъ своего слушателя: «Старую дорогу долженъ ты оставить на всегда и на вѣки, если не хочешь попасть въ руки Ироду, книжникамъ и первосвященникамъ, кои Христа или умерщвляютъ, или опровергаютъ, или предаютъ проклятію»..... (Дерзкая и безстыдная ложь! Когда и гдѣ первосвященники предавали Христа проклятію?). Такъ, на стр. 52-й говоритъ: «Кто его (Христа) любитъ, тотъ не захочетъ нигдѣ быть въ нѣгѣ и къ мѣсту своему не прилѣпляется такъ, чтобы не быть готовымъ, ради Христа, вырваться изъ объятій нѣжнѣйшихъ своихъ друзей и послѣдовать обязанности своего званія и исполненію дѣла Божія. Христіанинъ не желаетъ имѣть инаго отечества, кромѣ обширнаго шара земнаго, принадлежащаго Господу.» Не разврату ли, не сущу ли разрушенію всѣхъ добродѣтелей учитъ насъ здѣсь проповѣдникъ? Священное Писаніе говоритъ намъ: не любя своего ближняго, ты не можешь любить Бога, а проповѣдникъ велитъ намъ вырываться изъ объятій и нѣжнѣйшихъ друзей нашихъ, не велитъ имѣть отечества, слѣдовательно, ни алтаря, ни Государя, ни отца, ни брата, и, потушая въ насъ любовь ко всему священнѣйшему, называетъ это обязанностію нашего званія и исполненіемъ дѣла Божія! Перо падаетъ изъ рукъ моихъ, гнушаясь описывать столь пагубныя и злочестивыя внушенія.

На стр. 62 говоритъ онъ: «Ожидай только, возлюбленная душа, вверженная Иродомъ въ Египетъ, въ жалостное положеніе, ожидай еще нѣсколько, и твой Иродъ умретъ, и твое гоненіе кончится, и ты возвратишься опять въ землю Израильскую.» Проповѣдникъ это говоритъ самому себѣ и своимъ слу-

шателямъ; въ какомъ же они, или души ихъ, находятся гоненіи? Кто ввергъ ихъ въ жалостное положеніе? Чего велитъ онъ подождать еще нѣсколько? Кого разумѣетъ подъ именемъ Ирода, и по чему пророчитъ ему скорую смерть? Темныя загадки! Но кто просвѣщенъ истиннымъ свѣтомъ Евангелія, чья душа чиста и незлокозненна, тому не трудно отгадать ихъ и отъ нихъ содрогнуться.

Въ иномъ мѣстѣ (стр. 74), укоряя тѣхъ, которые почитаютъ себя рожденными въ истинной Вѣрѣ, говоритъ: «Рожденіе ваше (т. е., рожденіе въ Христіанскомъ законѣ), имя (т. е., Христіанинъ), мечтанія (т. е., богопочитаніе и вѣроисповѣданіе), не содѣлаютъ васъ блаженными. Надобно быть учениками Христовыми (т. е., того мнимаго существа, которое проповѣдникъ называетъ Христомъ), и послѣдовать его ученію (т. е., тому ученію, какое онъ и единомышленники его въ книгахъ своихъ распространяютъ), надобно принести истинное покаяніе (т. е., раскаяться въ томъ, что былъ Христіанинъ), обратиться и уподобиться дѣтямъ (т. е., слѣпо разсуждая, подобно ребенку, вступить въ ихъ секту), со Іисусомъ тѣсно соединиться, какъ виноградныя кисти соединены съ лозою; все прочее (т. е., всѣ догматы Вѣры) есть обманъ и саморазвращеніе. Будьте вы какими ни были и называйтесь какъ хотите, Богъ къ вамъ не привязанъ; онъ можетъ изъ камней произвесть чадъ Аврааму, изъ каменныхъ сердецъ и изъ совершенно закоснѣлыхъ грѣшниковъ содѣлать чадъ Божіихъ, между тѣмъ какъ вы, состоя въ Православной Церкви, при всей тщетной славѣ и ложномъ упованіи на вашу устную вѣру и наружно честное житіе, останетесь чадами діавола и ада.» Ясны ли сіи слова? Нужно ли послѣ сего еще выводить, что проповѣдникъ учитъ не чрезъ Церковь соединяться съ Христомъ, но мимо ее итти къ нему, и, слѣдовательно, не къ тому Христу, который есть глава Церкви, но къ другому, подъ симъ именемъ разумѣемому. Сей Христосъ его, по настоящему имени Антихристъ, или народное буйство, отпадшее отъ Вѣры вездѣ, имъ и сообщниками его проповѣдуется; за него-то ходатайствуя, старается онъ очернить и Церковь, и первосвященниковъ, и Царей, и вельможъ, словомъ, всѣ духовныя и гражданскія власти, и говоритъ, что, оставаясь въ той Вѣрѣ, какая нынѣ всѣми

Христіанами исповѣдуется, мы становимся чадами діавола и ада, которыхъ слуги (присовокупляетъ онъ на страницѣ 94) именуются Князьями, Властелинами и Господами міра сего.

Почитая излишнимъ, при толь ясныхъ и очевидныхъ злонамѣреніяхъ, разсматривать далѣе книгу сію, наполненную далѣе вездѣ злочестивыми и возмутительными мыслями, обязаны мы, по долгу вѣрноподданнаго къ Государю и по любви къ Отечеству, обратить вниманіе Правительства и на другія, подобныя и столь же вредныя, книги, въ разныя времена изданныя и къ одной и той же цѣли стремящіяся, то есть, къ возмущенію народа противъ Православія и Престоловъ подъ видомъ таинственныхъ ученій и темныхъ толкованій Библіи. Неоднократно открывалось уже сіе, но; оставаясь въ прежнемъ положеніи, умножалось, росло, усиливалось въ дерзости и достигаетъ до великихъ успѣховъ. Высылка и наказаніе частныхъ лицъ не могутъ сего пресѣчь и отвратить. Одинъ подобный проповѣдникъ будетъ высланъ,—другой на мѣсто его явится, и прежде нежели распространяемая имъ ересь дойдетъ до свѣдѣнія, принесетъ уже много зла, да и по высылкѣ его, онъ уѣдетъ, а сѣмена посѣяннаго имъ разврата остаются созрѣвать и приносить плоды. Частное наказаніе Цензора за проступокъ сей, и другихъ, подобныхъ же книгъ, также ни чего не пособитъ; ибо Цензоръ, во первыхъ, можетъ не имѣть достаточнаго проницанія во вредъ, прикрытый въ нихъ мнимою пользою наставленія въ Вѣрѣ и просвѣщеніи; во вторыхъ, публичное проповѣдываніе и печатаніе книгъ сихъ въ здѣшней столицѣ отвлекаетъ Цензора отъ сомнѣнія въ пропускѣ перевода съ оныхъ, и если бы и увидѣлъ онъ что либо сомнительное, то опасается изъявить свое сомнѣніе, при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ. И такъ зло сіе, отчасу больше усиливающееся, не можетъ иначе быть отвращено, какъ пресѣченіемъ покровительства оному и удержаніемъ его въ самомъ началѣ, срывая съ него, подъ какимъ бы видомъ оно ни явилось, личину лжеученія. Для сего нужно имѣть многихъ избранныхъ и благомысліемъ своимъ извѣстныхъ Цензоровъ, надъ коими должно учредить Высшій Цензурный Комитетъ, который бы состоялъ не изъ одного, но изъ пяти, или, по крайней мѣрѣ,

четырехъ Духовныхъ и Государственныхъ особъ, къ коимъ бы Цензоры, въ случаѣ сомнѣній своихъ, могли относиться.

Подъ вѣдѣніемъ сего Комитета должны состоять не только всѣ, издаваемыя на Россійскомъ языкѣ, книги, но и всѣ иностранныя, привозимыя сюда, или здѣсь печатаемыя; также и образъ ученія, преподаваемый во всѣхъ Университетахъ, Гимназіяхъ и Училищахъ, за которыми надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ Профессоры и Учители преподавали науки по извѣстнымъ книгамъ, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но собственнымъ своимъ, правиламъ и мыслямъ. Всѣ другія мѣры окажутся недостаточными къ удержанію и отвращенію сего, подъ видомъ просвѣщенія и толкованія Священныхъ Писаній, распространившагося зла, требующаго, для общаго спокойствія и спасенія отъ него, яко отъ заразительнаго недуга, дѣятельныхъ мѣръ и неусыпнаго надзора.

Надзоръ сей долженъ состоять не въ одномъ обращеніи вниманія своего на прекращеніе подобными книгами и внушеніями распространять духъ дерзости и ослѣпленія, но въ дѣятельномъ и строгомъ изслѣдованіи всѣхъ, происшедшихъ отъ того, золъ и успѣховъ, не въ однѣхъ столицахъ и училищахъ, но внутри и въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи.

Мы читаемъ въ иностранныхъ Вѣдомостяхъ (Journal de Francfort № 119, 28 Avril, 1824, de Pétersbourg): «M. le docteur Ignace Fessler, Surintendant du Consistoire Évangélique de Saratow, qui compte plus de 600,000 colons aisés et Industrieux, a fait tout recement un voyage d'inspection de plus de 6,000 werstes dans les nouveaux Gouvernements, soumis à son diocese.» Таковыя обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, изгнаннымъ изъ ихъ отечества, или, по крайней мѣрѣ, признаваемымъ за людей худыхъ правилъ и, можетъ быть, нарочно посылаемыхъ къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо долженствовали, какъ и слышно, произвесть не малые плоды посѣяніемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства. Великость сихъ успѣховъ, разными средствами произведенныхъ, требуетъ строжайшаго и неукоснительнаго обращенія къ потушенію

сего огня, безпрестанно поджигаемаго иностранцами, и который, при малѣйшихъ еще попущеніяхъ, легко можетъ сдѣлаться неугасимымъ.»

(Разборъ сей читанъ мною въ Комитетѣ Гг. Министровъ 20 Маія, 1824 года.)

---

30 числа Октября (1824) былъ я у Графа Аракчеева и читалъ ему нѣкоторыя бумаги, съ которыми онъ согласился и обѣщалъ мнѣ во всѣхъ намѣреніяхъ моихъ содѣйствовать. На третій день, извѣстясь о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ, писалъ я къ нему слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Въ прежнихъ письмахъ моихъ имѣлъ я честь объяснить Вашему Сіятельству о продолжающихся и нынѣ покушеніяхъ и стараніяхъ продолжать собранія Библейскихъ Обществъ и распространять не переводы, а, такъ сказать, перекладку Священныхъ Писаній съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе: два сильнѣйшія орудія революціонныхъ замысловъ. Теперь почитаю себя въ необходимой обязанности препроводить къ вамъ новѣйшія тому свидѣтельства, а именно: ежемѣсячно издаваемую книжку подъ названіемъ: «Извѣстія о сихъ Обществахъ,» гдѣ ихъ дѣла до небесъ превозносятся, и другую: «Краткій Катихизисъ,» здѣсь, въ Синодальной Типографіи, недавно въ числѣ, какъ слышно, осмнадцати тысячъ экземпляровъ, напечатанную. Я имѣю причины (о которыхъ въ свое время не оставлю подробнѣе донести) просить Ваше Сіятельство доложить о семъ Государю Императору и принять неукоснительныя мѣры, чтобъ издаваніе первой изъ сихъ книжекъ и разсылки второй теперь же, по крайнѣй мѣрѣ, до ближайшаго разсмотрѣнія оной, остановить; ибо если сія послѣдняя повсюду разойдется, то уже дѣйствія, ею произведеннаго, отвратить будетъ не можно. Не разсуждая уже о нѣкоторыхъ, введенныхъ въ нее, не совсѣмъ со-

гласныхъ съ ученіемъ нашей Церкви правилахъ, одно только то, что въ ней главнѣйшія молитвы, составляющія духовное наше воспитаніе и которымъ каждый отецъ пріучаетъ едва начинающаго еще лепетать своего сына, молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ Отче нашъ, и Вѣрую во единаго Бога, также и Заповѣди Господни, переложены на простой языкъ, переиначены и нарочно, для сильнѣйшаго впечатлѣнія сей важной перемѣны, напечатаны Церковными буквами; одно только сіе показываетъ уже, съ какимъ намѣреніемъ тиснуто оной огромное количество. Слѣдуя долгу званія моего, надлежало бы мнѣ тотчасъ во всѣ Училища разослать приказаніе, чтобъ нигдѣ помянутыхъ книжекъ не принимали, но, поставленный въ затрудненіе дѣйствовать во благо Церкви, Государя и Отечества, я буду ожидать или разрѣшенія на то, или увольненія меня отъ таковаго званія, въ которомъ не могу быть полезенъ, и долженъ, попуская возрастать и усиливаться прежнимъ стараніямъ и работамъ, съ укореніемъ совѣсти моей видѣть себя содѣйствующимъ въ томъ, что, по моимъ понятіямъ, можетъ принести крайній вредъ Благочестію, правамъ и, слѣдовательно, Государству и человѣчеству.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть

Вашего Сіятельства

покорный слуга А. Ш.»

Ноября 3 числа увидѣлся я съ Графомъ Аракчеевымъ въ Комитетѣ Гг. Министровъ. Онъ показалъ мнѣ мои, прежде писанныя къ нему, два письма, съ подчеркнутыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строками, сказавъ: «Государь Императоръ приказалъ у васъ спросить, для чего же вы по этому не дѣйствуете?» Я при семъ случаѣ сдѣлалъ ему свой вопросъ: «Развѣ вы послѣдняго письма моего къ вамъ Ему не читали.» Онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, а покажу завтра.» Тутъ мы разстались. На другой день по утру пріѣхалъ онъ ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что Его Величеству угодно, чтобъ мы вмѣстѣ съѣздили къ Митрополиту, и съ нимъ, какъ о ежемѣсячномъ издаваніи «Извѣстій о Библейскихъ Обще-

ствахъ,» такъ и о «Краткомъ Катихизисѣ» объяснились. Того жь числа, въ 6 часовъ по полудни, отправились мы къ Митрополиту. Я началъ говорить, что хотя ни какихъ гласныхъ повелѣній о прекращеніи Библейскихъ Обществъ не дано, однако жь съ самой перемѣны Министерства Просвѣщенія намѣреніе склонилось уже къ тому, чтобъ нигдѣ объ нихъ не упоминать. Какимъ же образомъ здѣсь въ Петербургѣ, подъ его начальствомъ, продолжаютъ издавать объ нихъ извѣстія, и превозносить ихъ похвалами, тогда какъ въ цѣли и распространеніи оныхъ открывается явный вредъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что какъ за этотъ годъ собраны уже подписки на сей журналъ, то онъ велѣлъ продолжать его до истеченія года, а съ будущаго Генваря оный прекратится. На сіе возразилъ я: гдѣ идетъ дѣло о вредѣ, наносимомъ Вѣрѣ и нравственности, и который и такъ уже сильно распространился, можно ли тамъ попускать еще болѣе распространяться и утверждаться оному для сбора нѣкотораго числа денегъ? Сверхъ того, съ перемѣною Министерства всѣ благомыслящіе люди ожидали и перемѣны направленія умовъ отъ прежней худой въ хорошую сторону; но когда чрезъ полгода, или болѣе, увидятъ то жь самое, что было доселѣ, то какое изъ того родится ободреніе и торжество для тѣхъ, которые всѣми силами и хитростями стараются не дать сдѣлаться сему перелому? Послѣ сего сужденіе обращено было на выше означенный «Краткій Катихизисъ,» Архіереемъ Филаретомъ написанный и Синодомъ утвержденный. Митрополитъ защищалъ въ немъ переводъ молитвъ, и вообще всѣ переводы Священнаго Писанія съ Славенскаго (какъ всѣ, не знающіе языка своего, журналисты говорятъ) на Русской языкъ, утверждая, что многіе Славенскаго языка не разумѣютъ. Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія. Какъ! сказалъ я съ жаромъ, кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? Развѣ тотъ одинъ, кто, отрекшись отъ отечества своего, забылъ и языкъ свой! Можно ли съ разсудкомъ повѣрить, что: «Вѣрую во единаго Бога» мы не понимаемъ, а «Вѣрую въ одного Бога,» понимаемъ? Что «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,» есть чуждый намъ Славенскій, а Отче нашъ, сущій на небесахъ» собственный нашъ Русскій языкъ? И нужно ли на семъ, да позволено сказать, толь неосновательномъ мнѣніи основывать надобность раздѣленія языка Церкви съ языкомъ

народнымъ? И можетъ ли мнимая надобность сія, уронивъ важность Священныхъ Писаній, произвесть иное, какъ не ереси и расколы? Митрополитъ подтверждалъ еще мнѣніе свое слѣдующими словами: «Да куда жь дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ?» Тутъ едва удержался я въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія. Графъ Аракчеевъ также не вытерпѣлъ и сказалъ: «Не о деньгахъ дѣло идетъ: пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло.» Напослѣдокъ, по долгомъ прѣніи, общее заключеніе было такое, что Библейскія Общества должно прекратить, переводъ Священныхъ Писаній на простое нарѣчіе не выпускать и «Краткій Катихизисъ» остановить.

По пріѣздѣ сюда Государя Императора былъ я у него съ поздравленіемъ. Онъ принялъ меня милостиво, разсказывалъ о путешествіи своемъ и, отпуская меня, сказалъ: «Въ субботу увидимся.»

7 числа (въ пятницу) было несчастное наводненіе, причинившее столько бѣдствій и вреда всему городу и всѣмъ его окрестностямъ.

8 числа получилъ я записку, что Государь Императоръ въ сей день принять меня не можетъ, а приказываетъ мнѣ быть къ Нему съ докладами завтра, въ 7 часовъ по полудни.

9 числа, въ назначенное время, явился я къ Нему. Онъ долго съ сокрушеннымъ сердцемъ разговаривалъ со мною о случившихся несчастіяхъ, о многихъ погибшихъ людяхъ, и о повсемѣстномъ разореніи. Наконецъ приказалъ читать бумаги. Я предупредилъ его слѣдующею рѣчью: «Государь! Вы столько всегда были ко мнѣ милостивы, что пріучили меня говорить Вамъ откровенно, и по тому все, что Вы въ разныхъ бумагахъ моихъ слышать будете, есть безо всякаго опасенія и утайки совершенное чувствъ моихъ изліяніе. Я иду прямою дорогою, могу обманываться, но хитростей и уловокъ ни какихъ не знаю.» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я люблю откровенность, и благодарю тебя за то; Мнѣ надоѣли тѣ лицемѣрія и увертки, въ которыхъ нель-

зя распознать правду съ ложью. Впрочемъ, мы всѣ люди, и обманываться всякъ можетъ. Читай!» Послѣ сего началъ я читать слѣдующія моей рукою писанныя бамаги:

«Въ 1818 году издана была, сочиненная на Россійскомъ языкѣ, одобренная Духовною Цензурою, книга подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души.» О книгѣ сей, тотчасъ по изданіи ея, донесено было Вашему Величеству, яко бы оная содержала въ себѣ зловредныя и противныя нашему Вѣроисповѣданію правила; въ слѣдствіе чего книга сія запрещена и у всѣхъ отобрана; сочинитель ея, Станевичъ, высланъ изъ столицы, а Цензору, пропустившему ее, покойному Архимандриту Иннокентію, сдѣланъ строжайшій выговоръ. Нынѣ же, въ прошедшемъ Августѣ мѣсяцѣ, книга сія, оставшаяся въ одномъ только экземплярѣ у покойнаго Митрополита Михаила, препровождена была ко мнѣ чрезъ Статсъ-Секретаря Кикина, съ тѣмъ, чтобъ я, по разсмотрѣніи ея, донесъ о ней Вашему Величеству. Исполняя повелѣніе сіе, я въ мнѣніи моемъ сказалъ, что прежнее донесеніе о ней было несправедливо, что, напротивъ того, она, защищая Церковь и Вѣру, опровергаетъ тѣ ложныя понятія, которыя къ вреду Благочестія и Правительства во многихъ книгахъ разсѣяны; но, вмѣстѣ съ симъ, просилъ, чтобъ, не полагаясь на одно мое мнѣніе, повелѣно было книгу сію разсмотрѣть духовнымъ особамъ. По соизволеніи на то Вашего Величества отослалъ я оную къ здѣшнему Митрополиту Серафиму, который нынѣ, при письмѣ своемъ ко мнѣ, прислалъ поданный ему объ оной слѣдующаго содержанія рапортъ:

Рапортъ Митрополиту.

«Сего 1824 года, Сентября 12 дня, благоугодно было Вашему Высокопреосвященству, приказомъ предписать намъ приложенную при немъ книгу, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» пересмотрѣть тщательнѣйшимъ образомъ и о достоинствахъ ея представить съ мнѣніемъ своимъ. Въ исполненіе сего приказа мы разсматривали оную книгу и, по разсмотрѣніи, сдѣлали о ней такое заключеніе, что книга сія по духу своему совершенно сообразна съ ученіемъ Вѣры и на-

шей Православной Церкви, и даже есть плодъ сильной ревности по Вѣрѣ и пламеннаго усердія къ Церкви. Сочинитель ея, разсуждая о безсмертіи души, обращаетъ свое вниманіе на тѣ пагубныя мудрованія, которыя у насъ съ нѣкотораго времени во многихъ книгахъ разсѣваются, и которыхъ распространители, проповѣдуя мечтательное благочестіе и мнимодуховную свободу, и свое лжеученіе подтверждая словами Священнаго Писанія, превратно изъясняемыми, стараются обольщать сердца, способныя увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, истреблять въ нихъ покорность Вѣрѣ и Церкви, унижать священныя дѣйствія богослуженія, и внушать неуваженія къ служителямъ Алтаря, и, такимъ образомъ, потрясая основанія Церкви и развращая нравственность народную, угрожаютъ опасностію благоустройству и благоденствію Государства, которыя всегда неразлучны съ благосостояніемъ Вѣры и Церкви. Сіи пагубныя мудрованія сочинитель «Бесѣды о безсмертіи души» раскрываетъ, обличаетъ и опровергаетъ съ такою ревностію и съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какія свойственны усердному сыну Церкви и Отечества. По сему мы полагаемъ, что книга сія можетъ производить весьма полезныя дѣйствія въ сердцахъ читателей: однихъ предостерегая отъ вводящихъ раздѣленія и соблазны противъ ученія, которому научаетъ Святая Церковь, а другимъ открывая глаза на тѣ заблужденія, въ которыя они по невѣдѣнію могли быть вовлечены злыми дѣлателями, кои ласковыми и красивыми словами обольщаютъ сердца простодушныхъ. О таковомъ исполненіи приказа Вашего Высокопреосвященства симъ покорнѣйше рапортуемъ.»

На подлинномъ подписано:

«Протоіерей Тимоѳей Вещезѣровъ.

Профессоръ Академіи, Священникъ Іоакимъ Кочетовъ.»

Октября 1-го дня,
1824 года.

Сей рапортъ присланъ ко мнѣ при слѣдующемъ отъ Митрополита письмѣ:

«Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь!

Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго Вашего Высокопревосходительства, отъ 10 прошедшаго Августа, отношенія, при которомъ изволили Вы, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, препроводить ко мнѣ на разсмотрѣніе книгу, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» препоручилъ я ее разсмотрѣть Протоіерею Спасосѣнновской церкви, Тимоѳею Вещезѣрову, и здѣшней Духовной Академіи Профессору, Священнику Іоакиму Кочетову, и какое получилъ отъ нихъ о достоинствѣ книги сей мнѣніе, оное въ подлинникѣ прилагаю при семъ, съ таковымъ, съ моей стороны, заключеніемъ, что я, прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ книгу сію, нашелъ въ ней всѣ тѣ достоинства, каковыя прописаны во мнѣніи Протоіерея Вещезѣрова и Священника Кочетова. Возвращая помянутую книгу, честь имѣю быть, и проч.»

На подлинномъ подписано:

«Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.»

6 Октября, 1824 года.

Здѣсь нужно замѣтить, что въ томъ же году, тотчасъ по запрещеніи сей книги, дано было циркулярное предписаніе слѣдующаго содержанія:

«Чтобъ Цензурные Комитеты, при разсматриваніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ печатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдали строжайше, дабы несоотвѣтствующія настоящимъ видамъ Правительства мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ противный Религіи Христіанской, обнаруживающія или вольнодумство, безбожничество, невѣріе и неблагочестіе, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорочиваніе догматовъ Православной Церкви, и тому подобное, были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ книгахъ прежде находилось.»

Предписаніе сіе дано было тотчасъ по запрещеніи помянутой книги; «Бесѣда на гробѣ младенца;» слѣдовательно, какъ по донесенію объ ней, такъ и по сему, неукоснительно за тѣмъ воспослѣдовавшему, предписанію, очевидно явствуетъ, что она была поводомъ сего, и что къ ней относится выраженіе «не соотвѣтствующей настоящимъ видамъ Правительства.» Вскорѣ за симъ, по опредѣленію Духовныхъ Училищъ, какъ бы для показанія, въ чемъ состоятъ настоящіе виды Правительства, не только не въ маломъ количествѣ выпущены, но съ назначеніемъ цѣны разосланы для чтенія книги таковыя, какъ: «Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіи Св. Духа въ душахъ», «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», и многія другія. прямо противныя догматамъ нашей Вѣры, и тѣмъ правиламъ, какія въ помянутомъ предписаніи означены. Изъ сего ясно открывается, что книги, писанныя въ духѣ Вѣры и въ защиту благочестія, выдавались за зловредныя, и не только не были терпимы, но тщательно истреблялись, а сочинители ихъ подвергались гоненію. Отсюда не меньше ясно и то, что когда съ подобными книгами поступаемо было такимъ образомъ, то сіе не могло быть для инаго намѣренія, какъ для того, дабы не препятствовали онѣ внушать и распространять противныя имъ ложныя ученія и наставленія. Если обратить вниманіе на все то, что въ семъ намѣреніи напечатано и нарочно разсылаемо было для чтенія въ народѣ и по Училищамъ, если взглянуть при томъ и на другія разныя средства, къ размноженію сего употребленныя, и если исчислить успѣхи, чрезъ не малое время въ прельщеніи умовъ и въ воспитаніи юношества произведенные, то ужасная истина сія откроется во всей своей очевидности. Сія борьба своевольства съ законами появилась сперва въ хитрыхъ словахъ и тайныхъ шепотахъ; но скоро, возвыся голосъ, стала вопіять громче, яснѣе и дерзновеннѣе. Подъ личиною новой набожности и новаго просвѣщенія, она произвела новыя понятія, поколебала и раздѣлила мнѣніе людей о самоважнѣйшихъ для благоденствія народнаго предметахъ: о Вѣрѣ и Правительствѣ, требующихъ непремѣнно одинаковыхъ мыслей и единодушія. Усилясь въ дерзкой надеждѣ своей, стала она тайный образъ свой превращать въ явный, сдѣлалась всякому извѣстною, и подала поводъ къ небывалымъ прежде и непозволеннымъ

умствованіямъ и сужденіямъ. А по тому, если противъ сего распространившагося зла не взять нынѣ дѣятельныхъ и гласныхъ мѣръ, то оно еще болѣе умножится и возрастетъ; ибо духъ благомыслящихъ людей, и такъ уже упадшій, совершенно уронитъ, и вознесетъ надежду тѣхъ, которые, по злонамѣренію, или по соблазну, или по легковѣрію, или по видамъ корысти, хотятъ, чтобы заблужденіе господствовало и торжествовало. Для обузданія сего вреднаго духа, почитаю я крайне нужнымъ, чтобъ гласная и рѣшительная воля Вашего Императорскаго Величества изъявлена была даннымъ на мое имя рескриптомъ, которому, если мнѣніе мое удостоится одобренія, прилагаю при семъ проектъ:

Проектъ рескрипта.

«Въ Указѣ Нашемъ, данномъ Правительствующему Сенату Февраля въ 9-й день, 1802 года, между прочими постановленіями о разсматриваніи и печатаніи книгъ, во второмъ пунктѣ объяснено: «чтобъ не было ни чего въ нихъ, противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ,» и того жь Указа въ третьемъ пунктѣ изображено: «что принадлежитъ до книгъ Церковныхъ и вообще къ Вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи Указа 27 Іюля, 1787 года.» Нынѣ, по случаю препровожденной къ Новгородскому и С.-Петербургскому Митрополиту на разсмотрѣніе книги, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» изъ донесеній его усмотрѣно Мною, что, въ противность помянутымъ Указамъ, многія къ Вѣрѣ относящіяся книги, часто содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о Священномъ Писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго Синодскаго разсмотрѣнія, и что, напротивъ того, книги, въ духѣ Православной нашей Вѣры написанныя, подвергались строгому запрещенію. Такимъ образомъ помянутая книга, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца» (по несправедливому о ней донесенію), (1) была запрещена и отобрана, дабы не препятствовала распространяться духу другихъ, къ соблазну Вѣры выпускаемыхъ книгъ. (Правительствующій Синодъ, вопреки обязанности своей и данныхъ ему предписаній, не обратилъ на

то своего вниманія и умолчалъ о семъ) (2). Въ слѣдствіе сихъ отступленій отъ выше помянутыхъ, данныхъ Нами, Указовъ и воспослѣдовавшаго отселѣ вреднаго просвѣщенію и нравственности направленія, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по Училищамъ наукъ ни чего колеблющаго Вѣру и благонравіе не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и по тому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить за симъ неусыпный надзоръ, истребляя и обличая всякія разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія, и не допуская ни въ какомъ видѣ вновь появляться онымъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ вы не оставите доводить сіе до Нашего свѣдѣнія. Выше означенную книгу: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» (по несправедливому о ней донесенію) (3) запрещенную и нынѣ Митрополитомъ разсмотрѣнную и одобренную, повелѣваемъ вновь на казенный счетъ * напечатать **.»

(Сію бумагу Государь изволилъ оставить у Себя.)

Рескриптъ сей, спустя нѣсколько времени, наконецъ былъ подписанъ Государемъ и присланъ былъ ко мнѣ. Я велѣлъ оный тотчасъ напечатать и разослать повсюду. Въ немъ сдѣланы были нѣкоторыя перемѣны; а именно: слова, заключенныя въ скобкахъ подъ числомъ 1, 2, 3.

Сверхъ сихъ читаны были мною еще слѣдующія бумаги:

Первая.

О переводѣ Священныхъ Писаній.

«Переводы Священнаго Писанія съ высокаго языка (называемаго Славенскимъ) на простой, въ общежитіи употребляемый

*** Выпущены, и кромѣ того подъ знакомъ *, вмѣсто означенной скобками выпущенной рѣчи, прибавлено слово дозволить, и подъ знаками ** прибавлено и продавать.

языкъ (называемый русскимъ), подъ предлогомъ лучшаго разумѣнія церковныхъ книгъ * придуманы для уменьшенія ихъ важности и поколебанія Вѣры. Можно было бы изъ многихъ примѣровъ ясно сіе доказать, но довольно и нѣсколькихъ мѣстъ для нѣкотораго въ томъ усмотрѣнія. И такъ сократимъ, сколько можемъ, разсужденіе о немъ самыми малыми примѣчаніями:

«Въ Краткомъ Катихизисѣ, недавно изданномъ, первая заповѣдь: «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене,» изложена слѣдующимъ образомъ: Я Господь Богъ твой, да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ моимъ.» Замѣтимъ первое, что заповѣди сіи называемъ мы Господними, и, слѣдовательно, почитаемъ ихъ Божескими изреченіями. Благоговѣніе къ Богу и древность запечатлѣла въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ каждое въ нихъ слово. Когда древнія дѣла рукъ человѣческихъ, какъ, на примѣръ, одѣяніе, или сосуды, сохраняются неприкосновенными, дабы, по превращеніи ихъ въ новый видъ, не потеряли они своего достоинства, то какъ же дерзнуть на перемѣну словъ, почитаемыхъ исшедшими изъ устъ Божіихъ?

Второе, для чего дѣлать сію перемѣну? Какая въ томъ надобность? Если скажемъ, что многія слова вышли изъ употреб-

---

* Мнѣніе сіе, родившееся отъ незнанія силы языка и недостатка здраваго разсудка, заразившее не только новѣйшихъ свѣтскихъ писателей, но даже и самое духовенство, простерлось до такой степени, что въ отчетахъ Библейскихъ Обществъ сіе искаженіе Священныхъ Писаній называютъ переводомъ на природный Русскій языкъ, словно, какъ бы тотъ былъ для насъ чужой; отселѣ презрѣніе къ кореннымъ, самымъ знаменательнѣйшимъ, словамъ, отселѣ несвойственность многихъ выраженій, отселѣ неразумѣніе сильнаго краткаго слога и введеніе, на мѣсто онаго, почерпнутой изъ чужихъ языковъ безтолковщины. Мнѣніе сіе такъ усилилось, что нѣкто—не журналистъ, не самоучка-стихотворецъ, не Барыня, забывшая языкъ свой въ Парижѣ,—но одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ пастырей, защищая надобность перевода Священныхъ Писаній, яко бы для лучшаго разумѣнія оныхъ, въ доказательство тому сказалъ: «При мнѣ одного Дьячка спросили, что значитъ слово ради, въ выраженіи: «насъ ради распятаго», и онъ не умѣлъ отвѣчать.» Тутъ одинъ изъ слушателей не могъ удержаться отъ смѣха и, захохотавъ, сказалъ: «Хороши наши Дьячки, когда не знаютъ даже и такихъ словъ, которыя всѣ нищіе, ходя по улицамъ, кричаніемъ своимъ: «Подай ради Христа!» безпрестанно повторяютъ.

ленія и никто ихъ не понимаетъ, такъ это неправда: они употребляются въ Священныхъ Писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокихъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. Не знать ихъ есть утверждать отпаденіе свое отъ Вѣры, отъ языка и отъ наукъ; есть признавать, что мы ни молитвъ не читаемъ, ни въ церковь не ходимъ, и словомъ—ни чего, кромѣ простыхъ другъ съ другомъ разговоровъ не знаемъ. Подобная мысль поведетъ насъ къ заключеніямъ, что и всю церковную службу должно переложить на простонародный языкъ; ибо когда я дома стану читать переиначенное Евангеліе, то изъ того непремѣнно уже послѣдуетъ, что я читаемаго въ церкви Евангелія или не буду разумѣть, или слыша въ немъ иной языкъ и складъ, не буду имѣть должнаго къ нему уваженія. Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи, чтобъ языкъ воспитанія отдѣлить отъ языка Церкви, подумать безъ ужаса?

Третіе, языкъ у насъ Славенскій и Русскій одинъ и тотъ же. Онъ различается только (больше, нежели всякой другой языкъ) на высокой и простой. Высокимъ написаны Священныя книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, комедіи, романы и проч. Но сіе различіе такъ велико, что слова, имѣющія одно и то же знаніе, приличны въ одномъ и неприличны въ другомъ случаѣ: воззрѣть очами и взглянуть глазами суть два выраженія, не смотря на одинакое значеніе словъ, весьма между собою различныя. Когда поютъ: «Се женихъ грядетъ въ полунощи,» я вижу Христа; но когда то жь самое скажутъ: «Вонъ женихъ идетъ въ полночь,» то я отнюдь не вижу тутъ Христа, а просто какого ни будь жениха. Сколько смѣшно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ Славенскимъ слогомъ, столько же странно и дико употреблять простой языкъ въ Священномъ Писаніи. Не всякъ ли бы по неволѣ разсмѣялся, если бы въ Псалтирѣ, вмѣсто: «Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Бога,» стали говорить: «Дуракъ говоритъ, нѣтъ Бога?» Между тѣмъ смыслъ въ сихъ двухъ выраженіяхъ есть одинъ и тотъ же. Сколько подобнаго повстрѣчается, если весь подлинникъ сличить съ переводомъ? Въ выше приведенной нами первой заповѣди мѣстоименіе «Азъ» перемѣнено въ «Я»; здѣсь, вмѣсто: «Азъ есмь Господь Богъ твой,» столько же

странно сказать: «Я Богъ твой,» сколько въ какой ни будь простой рѣчи, на примѣръ, вмѣсто: «Я ѣду въ гости,» сказать: «Азъ ѣдувъ гости;» при томъ же если «Азъ» перемѣню въ «Я» для того, что первое изъ сихъ мѣстоименій неупотребительно, то и слово «Господь» въ просторѣчіи также неупотребительно, и, слѣдовательно, когда одному позволено перемѣнить «Азъ» въ «Я,» по неупотребительности мѣстоименія «Азъ,» то другой, по той же самой причинѣ, перемѣнитъ слово «Господь» въ «Господина,» и, вмѣсто: «Азъ есмь Господь Богъ твой,» напишетъ: «Я Господинъ Богъ твой.» Не показываетъ ли одинъ сей примѣръ, до какой степени уронится важность Священныхъ Писаній? Послѣдняя въ сей заповѣди рѣчь: «да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене,» въ переводѣ сказана: «да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ моимъ.» За чѣмъ ясную рѣчь «развѣ мене» (въ обыкновенныхъ разговорахъ «кромѣ меня») перемѣнять совсѣмъ въ иную и весьма неясную—«предъ лицемъ моимъ?» Гордость какого ни будь монаха, или хвастуна ученаго, скажетъ: такъ по Еврейски! Да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу Еврейскаго, толь мало извѣстнаго, языка, на которомъ писано сіе въ толь отдаленные вѣки? Кто меня увѣритъ, что онъ такой знатокъ, какого не бывало? И могу ли я согласиться дать ему переправлять не пѣсенку, не сказочку какую, но изреченія Священнаго Писанія, въ которомъ даже и къ самымъ темнымъ для меня выраженіямъ привыкъ я имѣть благоговѣніе? Но здѣсь и того нѣтъ, а напротивъ ясный смыслъ перемѣненъ въ темный; ибо: «не имѣй инаго Бога кромѣ меня» сказано и ясно и чисто, но: «не имѣй другихъ боговъ предъ лицемъ моимъ,» есть нѣчто двусмысленное, подвергающее сомнѣнію, въ чемъ состоитъ требованіе: въ томъ ли, чтобъ не имѣть другого Бога, или въ томъ, чтобы предъ лицемъ его (то есть, изображеніемъ) не ставить изображеній другихъ боговъ? Наконецъ въ томъ Катихизисѣ, вмѣсто: «Вѣрую во единаго Бога,» сказано: «Вѣрую въ одного Бога.» На что это? Не уже ли есть такіе люди, которые «во единаго» не понимаютъ, а «въ одного» понимаютъ? Ежели такъ, то за чѣмъ же оставлено «вѣрую?» ибо мы въ простыхъ разговорахъ не говоримъ «вѣрую,» «а вѣрю.» Трудно доказать надобность, но не трудно сыскать причину сихъ переводовъ, очевидно состоящую въ томъ, чтобъ, согласно съ намѣреніемъ Библейскихъ Об-

ществъ, исказить и привесть въ неуваженіе Священныя книги, измѣняя въ нихъ языкъ Церкви въ языкъ театра. Я безъ всякой прибавки скажу, что сколько разъ ни случалось мнѣ, въ разныхъ мѣстахъ, слышать чтеніе сего перевода, вездѣ, вмѣсто благоговѣнія, самыхъ набожныхъ людей невольно преклонялъ онъ къ смѣху. Вотъ плоды, и могутъ ли они быть полезны Вѣрѣ и нравственности?»

Вторая.

Примѣчанія на нѣкоторыя книги.

«Въ 1822 году издана здѣсь, въ Петербургѣ, книга подъ названіемъ: «Краткій и легчайшій способъ молиться.» Оставляя всякія другія изъ сей книги выписки, изъ которыхъ ясно бы можно было увидѣть проповѣдываемое ею, подъ именемъ Вѣры, безвѣріе и злочестіе, скажемъ объ одномъ только данномъ ей заглавіи. Можетъ ли что быть страннѣе и неприличнѣе онаго? Обыкновенно говорится: краткій и легчайшій способъ красить сукна, или мочить пеньку, или дѣлать что ни будь подобное; но слыхано ли, чтобъ былъ краткій и легчайшій способъ молиться? Можно ли молитву уподоблять какому ни будь ремеслу, къ обученію котораго предлагается краткій и легчайшій способъ? Не есть ли это—насмѣхаться надъ человѣческими о молитвѣ понятіями? И еще просто сказано: молиться, не говоря, кому, Богу, или дьяволу; ибо можно и сему послѣднему молиться. Нужно ли по одному заглавію сему разсуждать о сей книгѣ еще далѣе?

Въ книгѣ, называемой «Божественною философіею» (напечатанной въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, 1818 года), въ предисловіи говорится о какомъ-то мученикѣ Духа Святаго. Можетъ ли что быть безбожнѣе и злочестивѣе сего выраженія: мученикъ Духа Святаго! Обыкновенно о человѣкѣ, одержимомъ бѣшенствомъ, или какими либо иными зловредными страстями, говорится: дьяволъ мучитъ его; но чтобъ Духъ Святой могъ кого мучить,—такой злочестивой мысли никому въ голову не входило. Мученикъ сей, продолжаетъ переводчикъ, сначала осыпанъ благодатію (выраженіе не меньше странное), а потомъ

благодать отъ него сокрылась и онъ въ отчаяніи схватилъ бритву и хотѣлъ себя зарѣзать, но какой-то гласъ остановилъ его; тогда озарился онъ свѣтомъ, и свѣтъ сей былъ такъ силенъ, что онъ, для разгнанія его, нерѣдко долженъ былъ мѣшать карты! (стр. 7). Вопрошается: приличенъ ли такой низкой, пустой, безумный разсказъ книгѣ, называемой Божественною философіею? Неизвѣстный переводчикъ о неизвѣстномъ сочинителѣ сей философіи говоритъ (ибо, не взирая на всю свою наглость, сочинители и переводчики стыдились при таковыхъ книгахъ ставить свои имена), что онъ два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, среди которыхъ писалъ сію книгу (какъ провелъ на крестѣ? Не уже ли распятъ былъ и на немъ вися писалъ? Какія чудеса! Нѣтъ, господинъ лгунъ, мученія на крестѣ, которыя претерпѣлъ Спаситель нашъ, не могли и нѣсколько часовъ продолжаться, стало быть, твое двухлѣтнее, среди котораго ты могъ писать, было не такое),—что и умеръ на крестѣ, сказавъ своимъ друзьямъ: «Я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ, за то я умру задохнувшись» (стр. 10). Можно ли, не насмѣхаясь надъ читателями, начинать какую ни будь книгу такою гилью: два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, пилъ шоколадъ, сочинялъ, и передъ смертью сказалъ своимъ друзьямъ какой-то глупый каламбуръ? И это боговдохновенный человѣкъ, избранный Богомъ, возвѣщалъ его премудрость! И это переводится на Русскій языкъ и печатается въ Университетской типографіи! (Послѣ сего помѣщенъ еще третій подобный же разсказъ о нѣкоторой знатной особѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которая умерла въ Лозаннѣ, что тѣло ея, прежде нежели землѣ было предано, вынесено было въ церковь....) Вотъ какую новость сказалъ! Да кто жь не знаетъ того, что мертвыхъ никогда, послѣ преданія землѣ, не выносятъ въ церковь. Въ нѣкоторой комедіи хозяинъ дома, представляя гостю жену и дочь свою, говоритъ: «Вотъ эта, которая постарѣе, жена моя, а эта, которая помоложе, дочь!» Такая шутка хороша въ комедіяхъ, и то писанныхъ съ тѣмъ, чтобъ смѣшить простой народъ; но говорить подобное нѣчто въ, такъ называемой, «Божественной философіи,» не смѣшно, а жалко. И удивительно, какъ могутъ таковыя книги находить переводчиковъ и читателей (тутъ какой-то Дютуа, взглянулъ на ея мертвое

тѣло, и возрыдалъ о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа, отъ него отлучившаяся (стр. 12). Да по чему онъ узналъ о состояніи ея души? Развѣ по тому, что покойница вмѣстѣ съ нимъ грѣшила? Но посмотримъ еще далѣе, чѣмъ это окончилось: онъ взялъ на себя ея грѣхи, Богъ три дни его его мучилъ неизобразимымъ страданіемъ, и потомъ удостовѣрилъ его, что душа покойницы вкусила Райскія сладости (тамъ же). Можно ли что ни будь придумать богохульнѣе, нелѣпѣе сего? Не перейдешь ли отъ безумія къ совершенному безвѣрію и развращенію всякой нравственности? Сочинитель, подъ видомъ возстанія противъ ересей и ложной философіи, выдаетъ собственную свою философію безбожную, всякихъ ересей и безвѣрія несравненно злѣйшую,—говоритъ: заблужденіе пріемлетъ за вѣру, за сей даръ Единаго Бога и Духа его (слѣдовательно, отвергаетъ Троицу),—простое убѣжденіе въ Евангеліи, мало полезное, не сильное исправлять страсти, и которое есть токмо плодъ разума, никогда ни кого Христіаниномъ не дѣлавшаго (стр. 19). Вотъ ученіе нынѣшнихъ толкователей о Вѣрѣ! У нихъ Евангеліе не есть Откровеніе, не есть божественное зерцало чистѣйшаго правоученія, но только простое убѣжденіе, и какое же еще? мало полезное, не сильное исправлять страсти. По мнѣнію ихъ оно есть токмо плодъ разума, никогда никого Христіаниномъ не дѣлавшаго! Да заградятся уста ваши, злочестивые богоотступники. Если Евангеліе не дѣлаетъ человѣка Христіаниномъ, то какое же существо разумѣете вы подъ именемъ Христіанина? Безъ сомнѣнія, злонравное, лютое, адское; ибо если мы представимъ кого ни будь, напитаннаго правилами, противными Евангельскимъ ученіямъ, то едва ли и въ самомъ діаволѣ можно найти больше пороковъ. Изъ сихъ краткихъ выписокъ можно уже почувствовать, какими мыслями наполнена книга сія, отвергающая Вѣру и Евангеліе, слѣдовательно, уничтожающая всякое Правительство и законы, и при всемъ томъ называющая себя божественною, по одной только весьма простой хитрости, чтобъ безвѣріе и самые гнуснѣйшіе пороки предлагать подъ именемъ Вѣры и добродѣтелей. Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распущено! Если бы извлечь изъ нихъ всѣ, въ разныхъ видахъ и смыслахъ, разсѣянныя лжеученія и привесть ихъ въ совокуп-

ность, то какой пагубной ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, открылся бы въ нихъ! Надлежитъ отдать справедливость Россійскому народу въ твердой вѣрности къ Богу и Государю, когда столько выпущенныхъ иностранцами книгъ, козней и соблазновъ не могли (о, дай Боже, да не возмогутъ) его поколебать.»

Третья.

«Въ отвѣтъ на полученную мною отъ Графа Аракчеева записку слѣдующаго содержанія: «По Высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству приложенную при семъ записку.» Въ запискѣ сей, ни кѣмъ не подписанной, но, вѣроятно, поданной Государю отъ Оберъ-Полицмейстера, содержалось донесеніе, что взято подъ стражу одиннадцать человѣкъ Финской секты раскольниковъ, дѣлающихъ между собою непозволенныя сборища; что люди сіи суть разные мастеровые—Финляндскіе урожденцы; что два изъ нихъ и прежде были за то же самое подъ стражею, но выпущены по увѣренія въ ихъ раскаяніи; что сіи 11 человѣкъ были призваны и увѣщеваемы дать письменное обязательство и обѣщаніе впредь не собираться, но что они на то не соглашаются, почитая сходбища свои богоугоднымъ дѣломъ. По прочтеніи сей записки написалъ я Государю слѣдующее:

«Вчерашній день получилъ я препровожденную ко мнѣ по Высочайшему повелѣнію записку о Финскихъ Раскольникахъ. Все, что я о семъ знаю и сказать могу, состоитъ въ томъ, что секта сія безумная и вредная, какъ всѣ другія секты, давно уже распространилась отсель въ Ропшу и по нѣкоторымъ окрестнымъ деревнямъ. Она и понынѣ существуетъ. Впрочемъ, секта сія не одна въ сей столицѣ. Присылаемые сюда иностранные миссіонеры, или, по просту сказать, зажигатели, а особливо Англійскіе. стараются всячески ихъ умножить. Какой-то Шведскій Пасторъ собираетъ къ себѣ въ домъ слушателей и говоритъ имъ проповѣди. Я поручилъ о семъ хорошенько развѣдать, хотя, впрочемъ, молитвенныя собранія по домамъ ни въ какомъ случаѣ не должны быть допускаемы: на это есть церковь

«Госнерово осиротѣлое стадо, какъ онъ самъ, въ присланной сюда пѣсенкѣ своей, пишетъ, продолжаетъ также свои собранія. Татаринова тожь по прежнему представляетъ жрицу между вакханками, и Поповъ, какъ слышу, всякой день у ней бываетъ. Если противъ сихъ сборищъ по домамъ не возьмутся строгія мѣры, то я не знаю, до какой степени онѣ распространятся. Отвсюду слышу, что Библейскія Общества, въ послѣдніе три, или четыре, года умножили въ разныхъ Губерніяхъ, а особливо въ Саратовской, до ста тысячъ самыхъ злыхъ Раскольниковъ, называемыхъ Молоканами, которыхъ секта состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть ни какой Вѣры и не признавать надъ собой ни какой власти. Я самъ отъ нѣкоторыхъ весьма добрыхъ и достаточныхъ Помѣщиковъ слышалъ, что они, видя крестьянъ своихъ, дѣлающихся Раскольниками, хотѣли ихъ отъ того воздерживать, но принуждены были замолчать, получа отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ: «Баринъ не можетъ намъ запрещать, и еще долженъ насъ похвалить за то, что мы, по внушеніямъ Правительства, собираемся и читаемъ Библію.» Нѣкто, въ письмѣ своемъ къ пріятелю, справедливо сказалъ: «Здѣшнимъ жителямъ доставленъ способъ за дешевую цѣну толковать криво Библію.» Обстоятельства сіи требуютъ обратить на нихъ вниманіе; ибо могущее изъ сего родиться зло, ужаснѣе всякаго пожара и потопа.»

По прочтеніи сихъ бумагъ Государь Императоръ изволилъ мнѣ сказать, что переводъ Библіи съ Славенскаго на Русскій языкъ Онъ самъ приказалъ сдѣлать, но что Его намѣреніе было только то, чтобъ переводъ печатали съ текстомъ, а послѣ того стали уже и безъ текста печатать оный.

16 числа былъ я у Государя Императора и, по окончаніи докладовъ, прочиталъ ему слѣдующую бумагу: «Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ ко мнѣ Митрополитъ и желалъ со мною увидѣться. Я принялъ его; онъ пробылъ у меня болѣе двухъ часовъ; по многихъ разговорахъ и сужденіяхъ онъ полагалъ за необходимо нужное (въ чемъ и я совершенно съ нимъ согласенъ) представить Вашему Величеству о слѣдующихъ обстоятельствахъ:

1. Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій Библейскихъ Обществъ (входя въ однѣ гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ), ясно и несомнѣнно открывается, что чтеніе Священныхъ Книгъ состоитъ въ томъ, чтобъ истребить Правовѣріе, возмутить отечество и произвесть въ немъ междоусобія и бунты. Хитрый и злодѣйскій планъ сей доведенъ до такой степени, что если не разрушить его скоро и до самаго основанія, то нельзя отвѣчать за пагубныя отъ того послѣдствія, могущія въ короткое время созрѣть и совершиться. Всѣ чувствуютъ сію опасность, ужаснѣйшую всякаго пожара и потопа, но немногіе смѣютъ о томъ говорить, по причинѣ пребывающаго въ цѣлости плана сего, и видя, что сіе змѣиное жало прикрыто благовидными цвѣтами. Въ сихъ обстоятельствахъ движимые духомъ преданности къ Церкви и Престолу, не можемъ мы иначе думать, какъ почитать за необходимо нужное, что надлежитъ, не упуская времени, всѣ Библейскія Общества сіи, подъ инымъ названіемъ «Масонскія ложи», повсемѣстно закрыть, и всѣ производимыя по онымъ дѣла и переписки, запечатавъ, прислать для храненія въ Синодъ.

2. Переводы Священныхъ Писаній на простое нарѣчіе и распространеніе ихъ въ неимовѣрномъ количествѣ экземпляровъ есть также одно изъ средствъ, придуманное въ Библейскихъ Обществахъ къ поколебанію Вѣры; ибо если языкъ домашняго воспитанія въ законѣ Божіемъ будетъ различенъ съ языкомъ служенія въ церкви, то изъ сего непремѣнно долженствуютъ произойти соблазны и расколы, произойти единственно отъ раздѣленія сихъ языковъ, не упоминая уже о томъ, что переводы сіи во многихъ мѣстахъ могутъ быть и невѣрны, и слабы, и произвольны. Слѣдовательно, подадутъ поводъ къ разнымъ толкамъ и волненіямъ умовъ и страстей. А по тому тожъ находили мы весьма нужнымъ остановить и не только не продолжать, но и стараться скромными мѣрами уменьшить число выпущенныхъ книгъ.

3. По причинѣ сильнаго втеченія сихъ заразительныхъ правилъ не въ однѣ свѣтскія, но даже и въ духовныя училища, непремѣнно нужно обратить ихъ къ истиннымъ и правовѣрнымъ

началамъ. Но какъ сіе требуетъ не мало труда и разсмотрѣнія, дабы очистить отъ худаго, положить доброе основаніе, то Митрополитъ желаетъ, чтобы на время призванъ былъ сюда Кіевскій Митрополитъ, Евгеній, котораго бы попеченію особенно поручено было устроить Духовныя Училища. На вопросъ мой: не будетъ ли призывъ Евгенія для него непріятенъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, что такое мнѣніе для него оскорбительно; что тамъ, гдѣ идетъ дѣло о благѣ Церкви, Государя и Отечества, ни санъ его, ни сердечныя чувства, не позволяютъ ему опасаться какого-либо несогласія, или соперничества: но что, напротивъ, онъ желаетъ и намѣренъ самъ просить Ваше Величество, чтобъ, при столь важныхъ обстоятельствахъ и при слабомъ его здоровьѣ было съ кѣмъ ему раздѣлять и труды и совѣты. Я также, съ своей стороны, хотѣлъ бы пользоваться совѣщаніями съ Евгеніемъ, какъ съ человѣкомъ ученымъ и благонамѣреннымъ.

4. Поелику Синодъ нынѣ состоитъ по большой части изъ лицъ, долго участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи, то, какъ по сему участвованію, такъ и по связямъ, ими сдѣланнымъ, могутъ они, въ разсмотрѣніи бывшихъ обстоятельствъ и въ сужденіи о нихъ, быть не совсѣмъ чужды пристрастія. По сей причинѣ и Митрополитъ полагаетъ, что Архіереевъ Тверскаго и Казанскаго надлежитъ перемѣнить другими. Извѣстно, что они оба были избраны по совѣту Архимандрита Ѳеофила, того самаго, который нынѣ удаленъ изъ Одесскаго Лицея и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ. Многія подобныя обстоятельства открываютъ, какимъ образомъ духовныя особы, по примѣченной въ нихъ податливости къ нововводимому образу мыслей, выбирались для заступленія важнѣйшихъ мѣстъ и въ члены Синода, дабы съ свѣтскими членами Библейскихъ Обществъ составить одинъ духъ и тѣло.

По изъявленіи Митрополитомъ о сихъ четырехъ важнѣйшихъ статьяхъ мнѣнія своего, съ которымъ я, по извѣстнымъ мнѣ и отчасу болѣе открывающимся доказательствамъ, не могъ не согласиться, я спросилъ у него, позволяетъ ли онъ мнѣ обо всемъ этомъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества? На что отвѣчалъ онъ, что не только позволяетъ, но проситъ, и

что, при первомъ случаѣ свиданія своего съ Вашимъ Величествомъ, самъ обо всемъ говорить не преминетъ.

Чрезъ нѣсколько потомъ дней ѣздилъ я къ нему, и нашелъ его въ томъ же самомъ расположеніи, подтверждающимъ новыми доводами необходимую надобность всего выше прописаннаго, безъ чего крайне умножившееся зло ни отвращено, ни остановлено быть не можетъ.

Записка, которую читалъ я Государю Императору, о сочиненіи князя Сергія Шихматова, Декабря 14 дня:

«Князь Шихматовъ, пять, или шесть, лѣтъ тому назадъ, написалъ стихотворное сочиненіе подъ названіемъ: Мысли о должностяхъ владыкъ земныхъ, почерпнутыя изъ Священнаго Писанія.» Сочиненіе сіе, нравоучительное и написанное превосходными стихами, находится у него и понынѣ въ рукописи. Оно не могло быть напечатано, не бывъ прежде доведено до свѣдѣнія Вашего Величества; но никто, по видимому, не хотѣлъ представить Вамъ онаго, предполагая, какъ думать должно, что оное не будетъ Вамъ угодно. Я, напротивъ, зная образъ мыслей Вашего Величества, по желанію сочинителя, подношу Вамъ оное надежно и смѣло, почитая даже, что если стихотвореніе сіе напечатано будетъ съ надписаніемъ: «По Высочайшему повелѣнію,» то сіе послужитъ къ чести и славѣ Вашей по слѣдующимъ причинамъ:

1. Всѣ разсужденія и наставленія въ нихъ почерпнуты изъ Священныхъ Писаній, съ указаніемъ мѣстъ, отколѣ взяты.

2. Сочинитель, въ началѣ сего стихотворенія, описываетъ, согласно съ стихами Псалтири и Премудрости Соломоновой, великость Царей предъ смертными и малость ихъ предъ Всемогущимъ Богомъ. Правда, онъ описываетъ сіе въ сильныхъ выраженіяхъ, и это, конечно, можетъ не понравиться гордымъ Царямъ, равняющимъ себя съ Богомъ, но въ Тебѣ, Государь, мы ежедневно видимъ и слышимъ смиреніе предъ Создателемъ Вселенной. *

* На сіе Государь Императоръ сказалъ мнѣ: «Сохрани Меня, Боже, отъ подобной мысли! Кто можетъ равнять себя съ Богомъ?»

3. Сочинитель говоритъ объ обязанностяхъ Царей къ народамъ и народа къ Царямъ съ великою истиною, всегда основываясь на словѣ Божіемъ.

4. Сочинитель, сходственно съ Священнымъ Писаніемъ, совѣтуетъ Царямъ: не воюйте для собственной своей славы, но защищайте Отечество, и когда одержите надъ врагами побѣду, не приписывайте оную сами себѣ, но Богу, даровавшему вамъ оную. Государь, всѣ Твои манифесты свидѣтельствуютъ сіе. *

5. Сочинитель говоритъ, что праведнаго Царя Богъ посреди брани сохранитъ. Не то ли самое было съ Тобою, Государь, въ прошедшую войну?

6. Наконецъ сочинитель описываетъ милость, изліянную отъ Бога на добрыхъ Царей Израильскихъ, и гнѣвъ, ниспосланный на тѣхъ, которые, отступя отъ Него, возмечтали себя быть равными Ему. Вотъ все содержаніе сочиненія, и я, по моему разумѣнію, не могу себѣ представить, чтобъ оное по чему либо могло Тебѣ быть неугодно.»

По прочтеніи сей записки, просилъ я дозволенія прочитать нѣкоторыя мѣста изъ сего сочиненія. Государь позволилъ и слушалъ со вниманіемъ. Послѣ чего я оставилъ у него книгу, и онъ сказалъ мнѣ, что современемъ всю ее прочитаетъ.

Вскорѣ послѣ сего отправилъ я въ Царское Село слѣдующаго содержанія письмо:

«Всемилостивѣйшій Государь!

Въ прошедшую бытность мою съ докладами, на представленіе мое о необходимой надобности закрыть Библейскія Общества, возразилъ Ты мнѣ, Государь, что Правительству надле-

---

* Здѣсь Государь изволилъ мнѣ сказать. «Да манифесты-то ты писалъ.» На сіе отвѣчалъ я, что ежели бы Онъ не утверждалъ ихъ, то бы они и не были ни кому извѣстны.

жить быть твердымъ въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости всегдашнею ихъ перемѣною.

Позволь мнѣ, всегда внимавшій словамъ моимъ съ благосклонностію, Государь, на сіе изреченіе Твое сдѣлать мои замѣчанія. Не дерзость спорить съ Тобою, не самонадѣянность на мой ничтожный умъ, управляютъ моимъ перомъ, но искренняя, не по одному долгу вѣрноподданнаго, но по личному къ Тебѣ уваженію, совершенная преданность. Могъ ли бы я свободно изливать предъ Тобою мои чувства, если бы не надѣялся, что Ты, хотя бы и нашелъ ихъ несходными съ Твоими, отвергнешь ихъ, но не отвергнешь въ нихъ усердіе къ Тебѣ? Сія моя надежда на Тебя, Государь, есть вѣрная Тебѣ порука за мое чистосердечіе, и такъ позволь мнѣ продолжать. Твердость Правительства, конечно, есть доброе и похвальное дѣло, но въ какомъ случаѣ? Когда нѣтъ ни какихъ причинъ къ перемѣнѣ постановленія, или когда оныя малы; но если Ты постановилъ что ни будь Твоимъ повелѣніемъ, и послѣ открылось, что постановленіе сіе приноситъ не пользу, а вредъ, тогда твердость Твоя будетъ непохвальна; ибо Царь, какой бы онъ ни былъ прозорливый, есть человѣкъ; онъ можетъ и обмануть, быть и самъ обманутымъ. Угождающій Тебѣ станетъ заглаживать Твою ошибку, уменьшать худость порожденныхъ отъ нея плодовъ, или еще украшать ихъ и скажетъ, что отмѣна Твоего повелѣнія подвергнетъ имя Твое нѣкоторой предосудительности. Но прямо любящій Тебя и славу Твою скажетъ: Государь, терпѣть вредныя послѣдствія сдѣланной ошибки, опасаясь, объявленіемъ оной, открыть свое непредусмотрѣніе, есть, по многимъ причинамъ, неправильное о славѣ Своей попеченіе: 1. симъ поступкомъ покажешь Ты, что уподобляешь себя Богу, не могущему погрѣшить, между тѣмъ какъ всякой знаетъ, что ни въ комъ изъ смертныхъ нѣтъ совершенства; 2. давать насажденному злу, къ общему всѣхъ вреду, укореняться и расти для того только, чтобъ не изобличить себя въ ошибкѣ, есть самолюбію своему жертвовать народнымъ благомъ; 3. всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сію ошибку, а по тому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, но только покажетъ, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо. Отселѣ непра-

вымъ путемъ идущіе люди, видя Тебя не препятствующаго ихъ намѣреніямъ, сдѣлаются дерзновеннѣе, а истинно преданные Тебѣ и Отечеству, охладѣютъ въ усердіи своемъ и съ печалію отъ Тебя уклонятся. Не могу воздержаться, чтобъ не подкрѣпить разсужденій моихъ случившимся примѣромъ: я думаю, Государь, Ты помнишь исторію Грузинскихъ Князей Эристовыхъ. Указомъ Твоимъ, тожь по ходатайству Библейскихъ Обществъ, о проповѣданіи яко бы Христіанства, повелѣлъ Ты отобрать у нихъ издревле принадлежащія имъ земли. Ртищевъ, начальствовавшій тогда въ Грузіи, по данной ему инструкціи, остановилъ Твой Указъ, донося, что принадлежность сихъ земель Князьямъ Эристовыхъ всему краю тому извѣстна. Комитетъ Министровъ представилъ Тебѣ, что отнять у Эристовыхъ собственность, безъ всякой ихъ вины, было бы несправедливо. Ты, Государь, далъ другой Указъ, отмѣняющій силу перваго. По возвращеніи сюда Ртищева, я спросилъ у него: какое дѣйствіе произвела въ томъ краю отмѣна перваго Указа? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Всеобщую радость и похвалу Государю. Сей поступокъ Его обратилъ всѣхъ сердца, всѣ въ одинъ голосъ прославляли Его справедливость, твердя между собою, что какъ скоро Онъ увидѣлъ неправость дѣла, то, не смотря на прежнее свое рѣшеніе, отмѣнилъ оное.» Вотъ истинная слава Царей! Вотъ путь къ пріобрѣтенію любви народной! Сколько разъ Петръ Великій отдавалъ самъ себя на судъ, и, осужденный, похвалялъ судей за правосудіе? Сюлли, видя Генриха IV, готоваго, къ предосужденію своему, склониться на слезы и рыданія женскія, взялъ его и вывелъ насильно изъ горницы. Никто не осудилъ ни подданнаго, ни Царя, но всѣ даже и понынѣ взираютъ съ удивленіемъ на сей образецъ величія души того и другого. Подобные поступки Царей не только не помрачаютъ ихъ именъ, но возбуждаютъ къ нимъ любовь и гремятъ въ потомствѣ. Обратимся теперь къ Библейскихъ Обществамъ. Съ начала могли они показаться въ благовидномъ образѣ, и тѣмъ скорѣе, Государь, уловить сердце Твое, что оно человѣколюбиво, благонамѣренно и богобоязливо; но теперь, когда, по долговременномъ опытѣ, открываются вѣрныя свидѣтельства, обнаруживающія умышленность зловреднаго ихъ плана, то не разсматривать ихъ цѣли и не взвѣшивать того существеннаго зла, какое отъ нихъ произо-

шло, было бы для нихъ торжество, а для насъ вредъ и поношеніе. Ты требуешь, Государь, доказательствъ: требованіе Твое справедливо, но изъ онаго видно, что Тебѣ не всѣ подробности сего лютѣйшаго заговора извѣстны, чему непремѣнно и быть надлежало; ибо Ты не могъ узнать о всѣхъ хитрыхъ замыслахъ, тщательно отъ Тебя скрываемыхъ и доводимыхъ до Твоего свѣдѣнія тогда только, когда можно было имъ дать видъ благонамѣренный. Во всѣхъ углахъ Россіи Общество сіе торжественно распространилось, всѣ бумаги и вѣдомости наполнены были похвалами и превозношеніемъ пользы онаго, многіе изъ самаго духовенства нашего сдѣлались въ немъ членами. Кто жь могъ пойти противъ него, не подвергаясь, за безплодную ревность свою, претерпѣть гоненія? Какимъ же образомъ истина могла до Тебя достигнуть и могъ ли гласъ быть услышанъ? Но нынѣ, когда намѣреніе и дѣянія сего Общества стали обнаруживаться; когда, Государь, позволилъ Ты преданнымъ Церкви и Тебѣ людямъ говорить правду; когда открылось не по вѣроятнымъ какимъ заключеніямъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, по книгамъ напечатаннымъ, обнародованнымъ и возвѣщающимъ, что Библейское Общество согласно съ ними, согласно съ иностранными, отъ него вызванными, проповѣдниками, дѣйствуетъ въ ихъ духѣ, въ ихъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ почитать Церковь нашу заблудшею, Первосвященниковъ нашихъ невѣрующими, всѣхъ Царей и Вельможъ угнетателями народовъ; когда все сіе прочитать въ ихъ книгахъ, и видѣть не токмо связи всѣхъ дѣйствій, но даже изъ самыхъ ясно сказанныхъ словъ, то какое остается въ томъ сомнѣніе? Какія еще нужны доказательства? Одно простое воззрѣніе на насъ показываетъ уже въ самомъ неблаговидномъ образѣ:

1. Отколѣ сіи Общества водворились къ намъ? Отъ Англійскихъ Методистовъ! Могутъ ли сіи люди, не токмо иновѣрцы съ нами, но и ни какой Вѣры не имѣющіе, учить насъ Христіанству? Развѣ мы какіе ни будь дикіе народы, безъ ихъ ученій обойтиться не могущіе? 2. Не странны ли, даже, смѣю сказать, не смѣшны ли въ Библейскихъ Обществахъ наши Митрополиты и Архіереи, засѣдающіе, въ противность Апостольскихъ постановленій, вмѣстѣ съ Лютеранами, Католиками, Кальвинами, Ква-

керами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они, съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ міряпами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по его названію, но въ самомъ дѣлѣ не такое). Гдѣ жь приличіе, гдѣ важность Священнослуженія? Гдѣ Цѣрковь? 3. Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастныя изображенія любовниковъ, и сіи собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, равняютъ съ церковною службою, и домъ безпрестольный, но священный, гдѣ въ прочіе дни пируютъ и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ! Не похоже ли это на Содомъ и Гоморъ?

При столь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣянія Библейскихъ Обществъ, посмотримъ, въ чемъ онѣ состоятъ: 1. Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую Республику и одну Религію: мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ, или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именами тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, новой философіи, а потомъ обнаруженное укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики, и тому подобныя; заразило многихъ, порабощаетъ Царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2. Въ напечатаніи столько Библій, чтобъ каждый въ Государствѣ человѣкъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ Отчетахъ). Что жь изъ этого послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило оберткою какихъ ни будь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3. Въ переводѣ Библій на всѣ языки, на Турецкій, Татарскій, и проч. На что это? Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ и кто будетъ ихъ читать? 4. Въ размноженіи обществъ, состоящихъ изъ членовъ, которые, слѣдовательно, отдѣляются отъ прочихъ Христіанъ; ибо какая нужда Христіанину, который, по самому званію сему, есть членъ Церкви,

быть членомъ Библейскаго Общества? Не знакъ ли это, что онъ отпадаетъ отъ той Церкви, на которой основана Вѣра, и предается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чему иному поведутъ сіи размноженныя Общества, какъ не къ тому, чтобъ собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библію по внушеніямъ какого ни будь еретика, или плута, подкупленнаго и посланнаго къ нимъ нарочно; чтобъ, объясняя Священное Писаніе криво и превратно, посѣять въ легковѣрныя сердца ихъ развратъ и неистовства, удобныя сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣе всякаго дикаря и язычника? Если обратить вниманіе на дѣйствія Библейскихъ Обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сіи, произведенные ими, пагубные плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза, окажутся, можетъ быть, страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій.

Наконецъ, не исчисляя всѣхъ ихъ козней, которыхъ исчислить нельзя, довольно изъ хода дѣлъ и отчетовъ сихъ Обществъ усматривается, о чемъ прилагаемо было подлинное попеченіе—о пользѣ ли и утвержденіи Православной нашей Вѣры, или о противномъ тому? Изъ однихъ обнародованныхъ актовъ, не говоря уже о тайныхъ сношеніяхъ, можно видѣть, какого духа иностранцы вызываемы были сюда, какое имѣли покровительство и ободреніе проповѣдывать по домамъ, какое было ихъ ученіе и какіе отъ того породились секты и расколы. Если Библейскія Общества стараются только о распространеніи благочестія, какъ они говорятъ, то для чего не соединенно съ Церковію нашею, но особо отъ ней дѣйствуютъ и не согласно съ нею? Если намѣреніе ихъ состоитъ въ преподаваніи Христіанскихъ ученій, то развѣ Церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? развѣ мы до Библейскихъ Обществъ не были Христіане? И какъ же они учатъ насъ тому? Призываютъ учителей иновѣрцевъ и распускаютъ книги, противныя Христіанству! Вмѣстѣ съ Библіями разсылаютъ воззванія ко всеобщему бунту! Мнѣ кажется, отъ нихъ-то Христосъ въ Евангеліи предостерегаетъ насъ сими словами: «Блюдитеся, да никто же васъ прельститъ. Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: Азъ есмь Христосъ, и многи прельстятъ. Чѣмъ больше соображаю я все, доселѣ

происходящее съ сими Евангельскими словами, тѣмъ больше нахожу ихъ какъ бы прямо на наши времена указующими. Когда, какъ не нынѣ, со введенія къ намъ Библейскихъ Обществъ, слыхали мы столько толковъ о Вѣрѣ? И какихъ же! Точно такихъ, о которыхъ Спаситель, въ томъ же Евангеліи, говоритъ: «Аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, не имите вѣры: узрите мерзость запустѣнія, стоящу на мѣстѣ святѣ.» Подлинно такъ мы видимъ это. Когда, какъ не нынѣ, мечтательными умствованіями, разрывающими союзъ Христіанскаго братства и любви, устремляются на потрясеніе единодушія и спокойствія народовъ?. Когда, какъ не нынѣ, стараясь истребить Вѣру во Христа, твердятъ о Немъ, нарушая заповѣдь: «да неріемлеши имени Господа Бога твоего всуе»? Когда, какъ не нынѣ, возстаютъ другъ на друга и, вмѣсто кротости и смиренія, предписуемаго намъ Вѣрою, внушаютъ въ сердца наши лютость и свирѣпство противу тѣхъ, кои, не пріемля новыхъ ученій, остаются при вѣрованіи своихъ отцевъ? Когда, какъ не нынѣ, оказывается столько прельщенныхъ, даже добрыхъ и невинныхъ, но которыхъ слухъ и сердце обворожены хитрыми дѣйствіями и словами? Когда, какъ не нынѣ, даются всему превратныя имена? Ложь называютъ правдою, буйство свободою, своеволіе естественнымъ правомъ, законы пустословіемъ, твердость въ Вѣрѣ пребываніемъ въ заблужденіи, преданность Государю и Отечеству загрубѣлою стариною, странные и чуждые всякой добродѣтели поступки и дѣянія святостію,—и что еще? даже самыя гнуснѣйшія страсти и преступленія свои выдаютъ за Божескія внушенія!

Всемилостивѣйшій Государь! Долгъ вѣрноподданнаго и преданность моя къ Тебѣ не позволяетъ мнѣ умалчивать мыслей моихъ предъ Тобою. Часто изъ благихъ намѣреній Твоихъ, чрезъ злоупотребленіе оныхъ, выводились не соотвѣтствующія онымъ слѣдствія. Такъ, на примѣръ, я имѣлъ счастіе изъ собственныхъ устъ Твоихъ слышать, что Ты, для уменьшенія числа Раскольниковъ, желалъ, дабы правовѣрный и благоразумный Священникъ, уволенный къ нимъ подъ скрытымъ именемъ, пріобрѣтя ихъ довѣренность, старался кроткимъ образомъ обращать ихъ на истинный путь. Такое Твое намѣреніе достойно благости

Твоего сердца. Но что жь изъ того послѣдовало? Не избранный отъ верховнаго духовенства, извѣстный благоправіемъ мужъ, посылался туда, но бѣглецъ, отступникъ отъ Вѣры, посрамившій санъ свой поруганіемъ Церкви, уходилъ къ нимъ, и о немъ-то, когда духовное начальство станетъ требовать его, для поступленія съ нимъ по законамъ, велѣно было отвѣчать: «Онъ тамъ, гдѣ ему быть должно.» Не совершенно ли это противоположно Твоимъ намѣреніямъ? Ты желалъ, чтобъ добрый въ стадѣ пастырь кроткими убѣжденіями уменьшилъ число заблудшихъ овецъ; а подъ этимъ видомъ защищаютъ и оставляютъ тамъ преступника, дабы совратить и тѣхъ, которые не поколебались еще въ Православіи! За книгу: «Бесѣда на гробѣ младенца» (благонамѣренную) сочинитель и цензоръ были наказаны, а за книгу: «Воззваніе къ человѣкамъ» (злонамѣренную) переводчикъ награжденъ. Могло ли происшествіе сіе, столь грозное для благоправныхъ, и столь одобрительное для злоправныхъ писателей, не подвергнуть священнаго имени Твоего нѣкоему сомнѣнію, которое сколько служило къ обузданію усердія первыхъ, столько же къ поощренію дерзости вторыхъ? Но можешь ли Ты, Государь, отъ подобныхъ неусмотрѣній избѣжать? Допустятъ ли Тебя безчисленныя Твои занятія и попеченія прочитывать всѣ выходящія книги, дабы узнать, которая изъ нихъ подлинно хороша, или подлинно худа? Въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ быть остановленъ Ты будешь мыслію, что отмѣнять единожды утвержденное Тобою, или съ Твоего позволенія сдѣланное, покажетъ нѣкоторый видъ Твоего непредусмотрѣнія; но, Государь, еще осмѣлюсь повторить, какой поступокъ принесетъ Тебѣ больше славы: тотъ ли, когда ты, открывъ злоупотребленіе, остановишь оное Твоимъ повелѣніемъ, или, когда, закрывая то, чего закрыть не возможно, попустишь существовать вреду, проистекшему отъ направленія добрыхъ Твоихъ намѣреній въ худую сторону? Я, конечно, могу обманываться въ моихъ размышленіяхъ, но могу также безтрепетно призвать самаго Бога въ свидѣтели, что сохраненіе имени Твоего отъ малѣйшей тѣни нареканія есть первѣйшее въ душѣ моей чувство.

Я прилагаю при семъ извлеченное, изъ печатныхъ актовъ, описаніе ежегоднаго хода Библейскихъ Обществъ, изъ котораго

можно видѣть какъ связь ихъ съ Англійскими Методистами, такъ и то жь самое намѣреніе о распространеніи книгъ, содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой Христіанской Вѣрѣ и всякому Правительству. Стараніе издавать таковыя книги вмѣстѣ съ Библіями показываетъ очевидное желаніе превратными толкованіями уронить Священное Писаніе и дать свободу страстямъ и своевольству. Дерзость предпріятія сего годъ отъ году постепенно возрастала. Плоды и успѣхи ея видны въ словахъ и писаніяхъ, недавно привезеннаго сюда съ Дону Есаула. * Кто знаетъ, до какой степени распространена сія зараза?

---

* Есаулъ сей схваченъ съ написанною имъ возмутительнаго противъ Вѣры и Правительства содержанія книгою, основанною на правилахъ изданной въ свѣтъ, переведенной съ иностраннаго языка, книги, подъ названіемъ: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова.» Онъ призванъ былъ къ Графу Аракчееву въ присутствіи Митрополита и Архимандрита Фотія, гдѣ, вмѣсто признанія себя виновнымъ, укорялъ ихъ дерзкими словами въ незнаніи настоящей Вѣры, презиралъ всякія угрозы, и, напротивъ, угрожая самъ, говорилъ, что онъ радъ погибнуть; ибо знаетъ, что погибелью своею умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Видя его свирѣпымъ и непреклоннымъ, Графъ Аракчеевъ и Митрополитъ полагали запереть его навсегда въ крѣпость, но Архимандритъ Фотій просилъ, чтобъ предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. По нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ согласились на его представленіе. Онъ заперся одинъ съ нимъ въ келью. Первый разговоръ ихъ былъ такой, что Есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на кроткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій напротивъ снималъ съ него вши и, при всякомъ бранномъ отъ него словѣ, обнималъ его и цѣлуя говорилъ: «Вотъ ты сердишься, а я нѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль; изъ одного этого уже видно, что моя сторона правѣе твоей. Я не прошу тебя, чтобъ ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостію не выслушивать другъ друга?» Есаулъ нѣсколько укротился, но первое ихъ свиданіе ни чего надъ нимъ не подѣйствовало. Узнавъ о семъ, я просилъ сказать отцу Фотію, чтобъ онъ, оставаясь на единѣ съ такимъ отчаяннымъ суевѣромъ, остерегался, дабы онъ не принесъ съ собою оружія и не убилъ его. Слова мои были ему пересказаны. Что жь онъ на другой день сдѣлалъ? Велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собою ужинать Есаула и говорить ему: «Опасаются, что ты можешь меня зарѣзать; ножикъ лежитъ предъ тобою, но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, а Богъ не попуститъ тебя поднять руку на того, кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходитъ ли тебѣ на мысль убить меня?» Есаулъ, мужичинище дородный, взглянулъ съ удивленіемъ на худощаваго собесѣдника своего и твердымъ голосомъ отвѣчалъ ему: «Нѣтъ,

Между тѣмъ, что можетъ быть опаснѣе отпадшихъ отъ истинной Вѣры пустосвятовъ и фанатиковъ, которыхъ первое стараніе грабить, разрушать законы, истреблять власти и все то, что имѣетъ нѣкоторую нравственность и не хочетъ раздѣлять съ нимъ ихъ звѣрства? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ почитаю я весьма нужнымъ неукоснительно закрыть Библейскія Общества, и обратить строгое наблюденіе, чтобъ порожденное и питаемое ими зло всячески останавливать и искоренять. Если нужно закрытію ихъ придать нѣкоторую благовидность, не обнаруживая открывшейся злонамѣренной цѣли ихъ, то можно сіе сдѣлать разными образами, на примѣръ: предоставить Синоду донесть о ненадобности болѣе оныхъ, или, и безъ сего донесенія, дать Указъ, что какъ уже напечатано достаточное количе-

---

не убью.»—«Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры,» сказалъ Фотій. Такимъ образомъ искореняя въ немъ ложныя понятія о Вѣрѣ, почерпнутыя имъ изъ чтенія мистическихъ книгъ, и открывая ему перетолкованный въ нихъ настоящій смыслъ Священныхъ Писаній, напослѣдокъ довелъ онъ его до совершеннаго раскаянія, такъ что онъ потребовалъ свою книгу и своеручною подписью предалъ ее проклятію. Въ такомъ же духѣ, отрицаясь отъ всѣхъ ересей, написалъ онъ письмо къ Митрополиту, прося у него прощенія и поручая себя его молитвамъ. Достойны примѣчанія слѣдующія слова сего Есаула; онъ говорилъ Фотію: «Я мужъ и отецъ. Предавшись пагубнымъ внушеніямъ и чтенію злочестивыхъ книгъ, я заразился ими, бросилъ жену и дѣтей; не думалъ больше ни объ нихъ, ни о себѣ. Теперь ты возбудилъ во мнѣ снова жалость къ нимъ. Я отступилъ отъ Вѣры, отъ добродѣтели, и достоинъ всякаго наказанія, но они, бѣдные, невинны и за меня страдаютъ. Жаль мнѣ ихъ, жаль!»—Окончаніе съ симъ Есауломъ послѣдовало такое, что велѣно было его освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину. Въ послѣдствіи времени оказалось, что Есаулъ сей, возвратясь на родину свою, сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу, въ которой, насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ, описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному обращенію его въ Православную Вѣру и отреченію отъ своей, почерпнутой имъ изъ разныхъ, такъ называемыхъ, духовно-нравственныхъ книгъ, а особливо изъ книги: «Воззваніе.» Онъ продолжалъ распространять свою ересь, и вторично былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, имѣя сопутницею своею молодую, пригожую, какъ сказываютъ, дѣвку, которую выдавалъ онъ за дочь свою, вѣроятно, надѣясь чрезъ нее привлечь къ себѣ больше сообщниковъ. Отослали его опять въ тотъ же монастырь, но Фотій не взялся уже обращать его, а поручено сіе было одному изъ тамошнихъ монаховъ, который, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился того же ересью и объявилъ о томъ письменно.

ство Библій, то, почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ, всѣ Библейскія Общества закрыть и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ Св. Синодъ, которому впредь, по мѣрѣ надобности, издавать Библію на прежнемъ основаніи, какое было до введенія Библейскихъ Обществъ. Такимъ, или подобнымъ, образомъ можно прекратить оныя и отнять у иностранцевъ надежду возобладать надъ нами не силою оружія, чего они не могутъ, но лукавствами и хитростію, когда посѣютъ между нами секты и раздоры.

Государь! Я далъ Тебѣ слово быть откровеннымъ, и Ты священнымъ словомъ твоимъ въ томъ же меня увѣрилъ. Я держу свое слово и надѣюсь, что и Ты свое сдержишь въ томъ, что если я чистосердечными размышленіями моими наведу Тебѣ хотя малѣйшую непріятность, или скуку, то Ты безъ гнѣва повелишь мнѣ замолчать. Тройственный союзъ сдѣланъ былъ въ намѣреніи воспрепятствовать духу возстанія противъ Христіанства и власти, но между тѣмъ оный подъ иными видами (въ томъ числѣ и Библейскими Обществами) не престанетъ оказываться и расти. Карбонарство, явно себя обнаружившее, унято. Но гдѣ и кѣмъ? Въ малой землѣ великими державами. А если въ великой землѣ, наводящей огромностію и силой своей другимъ землямъ страхъ и зависть, скрытныя дѣйствія того жъ самаго духа продолжаться будутъ и, чего, Боже, сохрани, созрѣютъ и вспыхнутъ, то кто придетъ въ землѣ сей устроить порядокъ? Тѣ ли, которымъ нужно, чтобъ она сама собой, внутреннимъ своимъ несогласіемъ, ослабила свои силы, и чрезъ то подверглась ихъ надъ нею господству? Всемилостивѣйшій Государь! Ты одинъ можешь укротить сей духъ буйства, порывающійся изъ чужихъ земель вторгнуться въ Россію, никогда о немъ не знавшую. Покажи себя защитникомъ Православной Вѣры своей и покровителемъ другихъ Христіанскихъ Вѣръ, не попуская раздѣляться имъ на секты и ереси! Будь прямо Русской Царь, надѣющійся на своихъ вѣрноподданныхъ! Возвысь Дворянъ, ограду Твоего Престола! Будь отецъ народу, но не давай возмущать себя преждевременными внушеніями о вольности, вовлекающими его въ своевольство! Да посѣятся между сими двумя состояніями тишина и миръ, а не вражда и злоба! Тогда Ты одинъ посреди

своего народа сильнѣе будешь всѣхъ Царей. Одно слово Твое, одинъ взоръ разсѣетъ въ Царствѣ Твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ, учениковъ чужихъ земель. Они почувствуютъ заблужденіе свое и обратятся на правый путь. Престолъ Твой оградится вѣрнѣйшими тебѣ сердцами, и чужеземныя козни не посмѣютъ и приблизиться къ предѣламъ Твоего Царства. Ты защитилъ народъ Свой отъ вооружившейся на него Европы, Ты спасешь его отъ сильнѣйшаго врага—адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ Вѣру и всѣ добродѣтели. Твой народъ возлюбилъ Тебя, чуждыя страны прославятъ, потомство будетъ Тебѣ благодарно, и Богъ, по долговременной жизни Твоей, приметъ Тебя въ свои объятія. Государь! Всякой, кто скажетъ Тебѣ не сходное съ симъ, скажетъ ложь, не преданъ Тебѣ, не любитъ Тебя.»

Письмо къ Кіевскому Митрополиту.

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь!

Зная, что Вы на нѣкоторое время призываетесь сюда, я сердечно тому порадовался. Можетъ быть Вы и неохотно разстанетесь съ мѣстомъ Вашей паствы, но я увѣренъ, что важность предстоящаго Вамъ дѣла воспламенитъ Ваше усердіе и не остановитъ Васъ ити на подвигъ, для сана и сердца Вашего священный. Куда зоветъ насъ и Богъ, и Государь, и Отечество, туда поспѣшать должно. Я думаю, дошелъ уже до Вашего свѣдѣнія Высочайше данный мнѣ Указъ, который, однако жъ, на всякой случай здѣсь прилагаю. Изъ онаго Ваше Высокопреосвященство усмотрите, что намъ предлежитъ общій и весьма тяжелый трудъ и борьба, но Богъ поможетъ намъ. Онъ подкрѣпитъ наши силы и не допуститъ мерзости и запустѣнію стать на мѣстѣ святѣ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ Вашего прибытія, и не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія какъ въ усердіи Вашемъ къ общему благу, такъ и въ особенномъ ко мнѣ благорасположеніи. Съ сею пріятною для меня надеждою, испрашивая Архипа-

стырскаго Вашего благословенія и съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть,

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

16-го Декабря, 1824 года.

Его Высокопреосвященству, Кіевскому Митрополиту Евгенію.

Отвѣтъ, полученный мною въ исходѣ января.

«Милостивый Государь

Александръ Семеновичъ!

Почтеннѣйшее письмо Вашего Высокопревосходительства, отъ 16 Декабря, имѣлъ я честь получить 30 того же мѣсяца. Чувствительнѣйшую приношу благодарность за предувѣдомленіе меня о вызовѣ на трудный подвигъ. Указъ о семъ получилъ я уже 4 Января. Буду собираться сколько возможно скорѣе, но нужно сдѣлать распоряженіе по многимъ дѣламъ на время отсутствія моего. Чрезъ двѣ недѣли могу собраться, хотя къ трудному дѣлу труденъ и путь по нынѣшнему времени. Самая почта въ 15 только дней до насъ доходитъ. Впрочемъ, повинуясь святой волѣ Монаршей, готовъ претерпѣть все и поспѣшить явиться къ Вашему Высокопревосходительству, съ изъявленіемъ совершеннѣйшей преданности и высокопочитанія, съ коими навсегда и имѣю честь быть и проч.»

На подлинномъ подписано: «Евгеній Митрополитъ Кіевской.»

Кіевъ. 7 Января, 1825 г.

Записка, поданная отъ меня Государю Императору въ началѣ 1825 года.

«Книга, подъ названіемъ: «О должностяхъ человѣка и гражданина,» издана была въ 1783 году, и назначена, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины Второй, для чте-

нія въ Народныхъ Училищахъ Россійской Имперіи. Съ того времени издано оной было одиннадцать тисненій, послѣдне въ 1817 году, и дабы всякой могъ удобнѣе имѣть ее, положена за нее самая малая цѣна, а именно: 25 коп. Такимъ образомъ книга сія, не токмо подъ особеннымъ надзоромъ Императрицы напечатанная, но, судя по слогу и правоученію, въ ней заключающемуся, едва ли не самой Ею сочиненная, около 40 лѣтъ почиталась полезною и существовала въ Народныхъ Училищахъ. Но въ 1819 году членъ Главнаго Управленія Училищъ, Преосвященный Филаретъ, предложилъ сему Правленію, что «не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». * Въ слѣдствіе сего предложенія, по приказанію Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, всѣ экземпляры сей книги изъ Училищъ были отобраны и чрезъ бывшаго Директора Попова велѣно ихъ продать, съ заплатою по 50 коп. за пудъ, бумажному фабриканту, съ тѣмъ, чтобъ никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу. Симъ образомъ книга, содержащая въ себѣ самыя чистыя правоученія, основанныя на выписанныхъ изъ Евангелія и тутъ же приложенныхъ текстахъ, книга, наставляющая юношей въ правилахъ обуздывать свои страсти, воздерживаться отъ всякихъ пороковъ, быть добрымъ въ общежитіи человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ Государю и полезнымъ Отечеству гражданиномъ, книга, начертанная сердцемъ и рукою Великой Екатерины, предана истребленію на бумажную мельницу! Сказанное о ней, яко бы она изложена по философскимъ началамъ, есть столько же неопредѣлительное, сколько и несправедливое, изреченіе; ибо если наставленія, на правилахъ Вѣры и добродѣтельной жизни основанныя, названы обвинительно философскими, то какія же на мѣсто ихъ могутъ быть преподаваемы другія? Трудно повѣрить, чтобъ съ намѣреніемъ истреблять подобныя книги соединялось намѣреніе вводить безвѣріе и развратъ; но когда мы видимъ, что

* На мѣсто сихъ слабыхъ положены въ распущенныхъ книгахъ сильныя начала къ истребленію всего благочестиваго, добраго и нравственнаго. О времена! О нравы!

вмѣстѣ съ истребленіемъ сихъ книгъ, печатались и выпускались богохульныя, отвергающія Вѣру и нравственность, книги; когда знаешь, что сей революціонный духъ масонства и карбонарства во всѣхъ Государствахъ обнаружился и къ намъ проникъ, то что иное заключать можемъ? И не должно ли, послѣдуя прочимъ Державамъ, брать противъ него дѣятельныя мѣры?

Я прошу дозволенія выше означенную книгу, яко весьма для юношества полезную, вновь принять и ввести въ Народныя Училища.

При семъ прилагаю письмо, полученное мною отъ здѣшняго Митрополита, съ приложеніемъ сдѣланнаго двумя избранными отъ него духовными особами и подтвержденное имъ самимъ разсмотрѣніе книги подъ названіемъ: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Выписки изъ сей книги показываютъ явное возстаніе противъ Вѣры и Правительства, гласное проповѣдываніе революціи съ угрозами страшныхъ истязаній всякому, кто останется Христіаниномъ и вѣрноподданнымъ. Книга сія, равно какъ и многія другія, тѣмъ же духомъ наполненныя, не токмо въ великомъ количествѣ и многими тисненіями напечатана, но и съ похвалою, какъ изъ дѣлъ явствуетъ, повсюду разсылаема была.

Всемилостивѣйшій Государь! Сіи донесенія мои Вашему Императорскому Величеству разглашаются за нѣкія будто бы личныя недоброжелательства мои къ прежнему Министерству Народнаго Просвѣщенія. Если бы таковые толки относились единственно къ сужденію о моей нравственности, то бы не счелъ я за нужное опровергать ихъ иными доказательствами, кромѣ безпорочности долговременной моей жизни; но какъ толки сіи нападаютъ на долгъ моего званія, стараясь, подъ симъ видомъ, ослабить, или уничтожить, во мнѣ оный, то и осмѣливаюсь я заключить оправданіе мое въ нижеслѣдующемъ: 1) Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно мнѣ войти въ строгое наблюденіе, дабы, какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ, сочиненіяхъ и переводахъ ни чего колеблющаго Вѣру и благонравіе не укрывалось. Слѣдовательно, не личность, не кле-

вета, но долгъ вѣрноподданный и правда обязываютъ меня къ тому. 2) По чувству Христіанской любви, конечно, не долженъ я ни кого осуждать и еще меньше желать кому какого либо зла; но когда дѣло идетъ о революціонномъ духѣ, явно распространяемомъ и стремящемся къ ниспроверженію Вѣры, Правительства и всякаго общественнаго спокойствія, то закрывать оный, не доводить дѣяній онаго до свѣдѣнія Вашего Величества, не смѣть гласно и громко изобличать зловреднаго ихъ намѣренія, и чрезъ то давать духу сему рости, усиливаться, было бы съ моей стороны величайшее преступленіе предъ Вами, Государь, предъ Отечествомъ и, что всего болѣе, предъ самимъ Богомъ, котораго страшному и праведному суду, по моимъ лѣтамъ и болѣзнямъ, вскорѣ я предстать долженъ. Доколѣ было сіе постороннимъ для меня дѣломъ, до тѣхъ поръ за молчаніе мое не отвѣтствовалъ я ни кому; но нынѣ, Государь, когда угодно было Вамъ возложить на меня обязанность наблюдать за нравственностію и воспитаніемъ, то могу ли я, съ нарушеніемъ присяги и вопреки правды и совѣсти, для какихъ бы то ни было вооружающихся противъ меня силъ и толковъ, отступить отъ моего долга, толь для меня священнаго? Не могу, Государь, и если бы даже суждено мнѣ было отъ сего погибнуть, то погибель въ здѣшнемъ свѣтѣ была бы мнѣ утѣшительною надеждою не погибнуть въ будущей жизни. Впрочемъ, Государь, какъ ни мало полагаюсь я на мою смѣтливость и проницаніе, но, мнѣ кажется, если тайныя общества и масонскія ложи строго запрещены и почитаются опасными, то не опаснѣе ли ихъ тотъ же самый духъ, распространяющій книги? Тѣ, по крайней мѣрѣ, тайно дѣйствовали, не смѣли внѣ своихъ собраній мысли свои обнаруживать, а сіи дѣйствуютъ явно и въ слухъ всего народа. Оставить ихъ на прежнемъ основаніи, не открывать ихъ дѣяній, не смѣть обнаруживать ихъ лжеученій, изъ опасенья, чтобъ не огласить тѣхъ намѣреній, которыя сами они явно оглашаютъ, не будетъ ли казаться нѣкоторою боязнію, признающею сей духъ безвѣрія и безначалія уже такъ усилившимся, что къ обузданію его теряется надежда? Не ободритъ ли сіе преданныхъ сему духу, не умножитъ ли и число ихъ и дерзость? Не отниметъ ли, напротивъ, всякое усердіе и ревность у тѣхъ, которые хотятъ пребыть вѣрными сынами Церкви и Престолу? Въ подобномъ случаѣ, что останется дѣлать симъ послѣднимъ, какъ не удалиться и

съ безмолвіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ ожидать, какіе изъ того произрастутъ плоды? Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, мои чувства, мои мысли, мои опасенія. Я подвергаю ихъ суду Твоему; ибо сердце Твое въ руцѣ Божіей.» *

Письмо къ Графу Аракчееву.

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

На сихъ дняхъ получилъ я бумаги (съ которыхъ при семъ препровождаю къ Вашему Сіятельству копіи), одну отъ Московскаго Попечителя, содержащую въ себѣ отношеніе къ нему Углицкаго и Архангельскаго Сотоварищества Библейскихъ Обществъ о напечатаніи отчетовъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, другую отъ Комитета Правленія Императорской Академіи Наукъ о напеча-

* За нѣсколько времени прежде и послѣ сего письма началъ я примѣчать нѣкоторую холодность и молчаливость въ довольно рѣдкихъ свиданіяхъ со мною Государя Императора, по чему и я пересталъ Ему докучать моими съ Нимъ откровенными объясненіями, желая изъ того увидѣть и узнать Его къ онымъ расположенія. Три, или четыре, раза былъ я потомъ у Него съ докладами, не вопрошая ни чего о слѣдствіяхъ по моимъ письмамъ. Онъ также молчалъ и, казалось, не хотѣлъ возобновлять о томъ разговоръ. Причиною сему полагалъ я различныя внушенія противной стороны, имѣвшей весьма великія связи и тѣмъ больше усилившейся, что, не взирая на перемѣну Министерства и на всѣ мои противъ прежнихъ дѣйствій вопіянія, видѣлъ ихъ еще торжествующими, и голосъ мой, весьма многими заглушаемый и почти ни кѣмъ не поддерживаемый, отчасу болѣе исчезающимъ и тщетнымъ. Обстоятельство сіе, соединявшееся съ удрученностію лѣтъ моихъ и домашними моими прискорбностями, крайне меня озабочивало, печалило и приводило въ уныніе. Въ послѣдній докладъ мой Государь, при отъѣздѣ Своемъ въ Варшаву, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ: «Поступай, какъ ты началъ!» Слова сіи, съ одной стороны, ободряли меня, а съ другой великость противуборствующей силы не допускала меня ни радоваться, ни надѣяться.

тании списка членовъ здѣшняго (С.-Петербургскаго) Библейскаго Общества; третью отъ Митрополита Серафима. Сія послѣдняя содержитъ въ себѣ, писанное къ нему о тѣхъ же Обществахъ, письмо отъ Павла, Слободско-Украинскаго и Харьковскаго Епископа. Изъ всѣхъ оныхъ бумагъ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что, не взирая на явное зло, Библейскими Обществами распространенное, ниже на то, что дѣйствія ихъ нѣкоторымъ образомъ пріостановлены, они продолжаютъ свои работы и къ цѣли своей идутъ смѣлыми шагами, согласно со всѣми иностранными проповѣдниками и миссіонерами. Изъ одного письма Слободско-Украинскаго Епископа можно видѣть, какое колебаніе умовъ происходитъ отъ неизвѣстности, чему слѣдовать и чего держаться. Онъ спрашиваетъ разрѣшенія, какъ поступать, и дѣйствовать ли по прежнему? По видимому, зараженный самъ, не знаю, ложными ли понятіями, или инымъ какимъ побужденіемъ, выхваляя сіи Общества, признается, однако жь, что всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпѣть ихъ не могутъ, и что сборъ денегъ и продажа книгъ производится по всей Епархіи, по его распоряженію, посредствомъ одного Духовенства, и то по принужденію. Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явствуетъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приноситъ, такъ называемое ими, распространеніе Слова Божія:—благое названіе, данное злому дѣянію, а по тому и водворяющее, вмѣсто согласія и страха Господня, раздоры и суемудріе. Какое можетъ быть благочестіе тамъ, гдѣ, оставляя Церковь, собираются въ частномъ домѣ и Архіереи, и Священники, и Офицеры, и купцы, и даже иностранцы, не въ видѣ священно-служителей, какъ обыкновенно бываетъ въ храмахъ Божіихъ, но въ видѣ сотоварищества, гдѣ и стихи поютъ, и ученики читаютъ свои сочиненія, и Архіерей говоритъ рѣчь похвальную переводу Священныхъ Писаній съ высокаго церковнаго языка на простой, театральный, и пасторъ Лютеранскаго Исповѣданія провозглашаетъ свои ученія, и словомъ, всякой вмѣстѣ—и духовная и свѣтская особа, и Грекъ и Католикъ. * Можетъ ли въ такомъ смѣшеніи умовъ и страстей быть

---

* Все сіе въ упомянутыхъ бумагахъ, называемыхъ Отчетами, и присланныхъ для напечатанія, ясно было изложено и сказано, кто что дѣлалъ и что говорилъ.

какое либо благоговѣніе? Сверхъ сего насильственною продажею книгъ собираютъ деньги и, производя въ народѣ неудовольствіе и ропотъ, безстыднымъ образомъ лгутъ въ газетахъ, что всякой у нихъ съ радостію покупаетъ. Между тѣмъ миссіонеры и распущенныя во множествѣ, противныя и Вѣрѣ и всякой нравственности, книги смущаютъ простолюдиновъ и, толкуя имъ превратно Библію, вселяютъ въ нихъ мысли, что не должно уважать ни Церковь, ни Правительство. Видя это изъ многихъ и ясныхъ доказательствъ, могу ли и долженъ ли я молчать? Но, съ другой стороны, что мнѣ дѣлать? Я подъ рукою далъ знать, чтобъ касающагося до Библейскихъ Обществъ, безъ разрѣшенія на то, въ Вѣдомостяхъ не печатали; но этого мало: надобно, чтобъ пересталъ дѣйствовать и кипѣть тотъ духъ, которымъ надѣются потрясти и разрушить всякую связь обществъ и всякую власть и законы. Сей духъ оказывается не одними расколами и не въ одномъ низкомъ состояніи людей, но и повсюду. На сихъ дняхъ былъ въ Сенатѣ судъ по Госнеровскому дѣлу. Извольте прочитать рѣчь Сенатора Муравьева. * Изъ ней одной видно, какъ и что говорить смѣютъ! Не токмо законы, но и здравой разсудокъ, попираютъ ногами! Въ одной изъ приложенныхъ здѣсь бумагъ усмотрите Вы, что здѣшняя Академія Наукъ спрашиваетъ у меня разрѣшенія о напечатаніи въ Адресъ-Календарѣ на сей 1825 годъ списка членовъ С.-Петербургскаго Библейскаго Общества. Я очень знаю, что этимъ самымъ оно утверждается и всѣмъ вообще дастъ поводъ думать, что перемѣна Министерства Просвѣщенія ни чего не значила, и что всѣ вещи остаются въ прежнемъ положеніи; но отвратить этого не могу. Все, что оставалось мнѣ придумать къ лучшему, состоитъ только въ томъ, что я велѣлъ, излагая сей списокъ, припечатать къ нему прошедшій 1824, а не нынѣшній годъ, дабы сколько ни будь дать почувствовать, что есть нѣкоторое помышленіе о принятіи мѣръ къ остановленію прежняго буйственнаго духа; но подобныя, не довольно твердыя, мѣры мало его останавливаютъ. Я счелъ за нужное довесть о семъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, и сказать при томъ откровенно, что съ моею преданностію Вѣрѣ,

---

* Собственно «Мнѣніе», напечатанное въ 4-ой книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1859 года, отд. V, стр. 37—42.

Государю и Отечеству, и съ моимъ образомъ мыслей, тяжело мнѣ быть въ моемъ званіи, въ которомъ молчать и допускать рости сему глубоко укореняющемуся новомыслію запрещаютъ мнѣ долгъ и совѣсть, а противоборствовать ему нѣтъ силъ. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства,

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

16 Мая, 1825 года.

Списокъ съ отвѣта Графа Аракчеева.

«Милостивый Государь

Александръ Семеновичъ!

Истинно благодарю Ваше Высокопревосходительство за письмо Ваше, писанное 16 Мая,—и я совершенно съ Вами согласенъ. Мое мнѣніе: Оболенскому не дѣлать ни какого отвѣта, и тѣмъ самымъ отмѣнится печатаніе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объ отчетахъ Углицкомъ и Архангельскомъ. Архіерею Павлу не должно также дѣлать отвѣта на его письмо, а тѣмъ самымъ онъ долженъ будетъ понять, что ему слѣдуетъ дѣлать. О печатаніи въ Адресъ-Календарѣ списка я совершенно съ Вами согласенъ, чтобъ напечатать списокъ 1824 года. Прошу Васъ сдѣлать мнѣ, по дружбѣ Вашей, одолженіе, доставить мнѣ копію съ Рѣчи Сенатора Муравьева, которую я весьма желаю прочитать, отправя оную ко мнѣ въ собственныя руки, въ городъ Старую Русу, куда я завтра рано отправлюсь до 1 Іюня. Съ истинной дружбой и истиннымъ же почтеніемъ пребуду

Вашего Высокопревосходительства,

покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.»

С. Грузино,
20 Мая, 1825 года.

Мой на письмо его отвѣтъ.

«Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Находясь въ Царскомъ Селѣ, я имѣлъ честь получить письмо Ваше, отъ 20 Мая. Возвратясь въ Петербургъ, спѣшу исполнить приказаніе Ваше присылкою къ Вамъ Сенатской бумаги, гдѣ помѣщенъ и голосъ Сенатора Муравьева, къ которому многіе пристали, въ защиту дѣла преступнаго и по обстоятельствамъ весьма важнаго. Нѣкоторые, какъ слышу, съ чрезвычайнымъ жаромъ кричатъ о достоинствѣ голоса сего, унижая, напротивъ, голосъ Сенатора Сумарокова, * весьма благонамѣренный и справедливый. Я не могу понять сей ревности оправдывать то, что, безъ противурѣчія законамъ и явной потачкѣ худымъ замысламъ, ни коимъ образомъ оправдывать не можно. Кто не знаетъ (развѣ только тотъ, кто совсѣмъ не вѣдаетъ обстоятельствъ, или подлинно хочетъ зла), что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобъ наказать человѣка (кому нужно—наказанъ ли онъ будетъ, или, какъ заблуждающійся фанатикъ, прощенъ), но о томъ, что въ оправданіи его оправдывается самое злѣйшее покушеніе на Церковь, Престолъ и Отечество. Госнеровское дѣло связано съ обстоятельствами, изъ которыхъ покушеніе сіе доказывается не подлежащими ни какому сомнѣнію актами. Каковъ же будетъ примѣръ и ободреніе новозатѣвальщикамъ, когда самъ Правительствующій Сенатъ покажетъ себя на ихъ сторонѣ? Я смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что зло сіе, уже и такъ не малое, отъ часу больше растетъ, и пора обратить на него всевозможное вниманіе и принять рѣшительныя и дѣятельныя къ обузданію онаго мѣры. Люди, которымъ оно нравится, говорятъ о тѣхъ, кои противоборствуютъ имъ, какъ о людяхъ странныхъ и вредныхъ, заводящихъ инквизиціи; но это не новое, что они благонамѣренію даютъ худыя, а злонамѣренію хорошія, имена. Не на слова ихъ, а на дѣла, надоб-

---

* Напечатано тоже въ 4-й кн. «Чтеній» 1859 года, отд. V, стр. 43—48.

но взглянуть, и сличить ихъ съ дѣлами тѣхъ, которыхъ они, для закрытія себя, очернить стараются: тогда окажется, чья правда, чья неправда. Что значитъ слово ихъ: инквизиція? Оно собственно значитъ розыскъ, но какой? Не казни, не мученія; ибо сихъ никто не требуетъ; но просто розысканіе, или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ бы можно было увидѣть, какое въ нихъ скрывается намѣреніе — худое, или доброе. Вотъ что называютъ они инквизиціею! Но если сіе изслѣдованіе, которому даютъ они толь ненавистное имя, кажется имъ такъ страшнымъ, то, стало быть, дѣла ихъ нечисты, и, если не хотятъ, чтобъ открыты были тайныя ихъ пружины, то, стало быть, хотятъ, чтобы оныя не прежде были примѣчены, какъ тогда, когда уже всѣ предпринимаемыя противъ нихъ мѣры будутъ поздны и безуспѣшны. Я читалъ разныя о семъ донесенія и бумаги (по сіе время праздно лежащія), изъ которыхъ, соображая ихъ съ печатными книгами и дѣйствіями, изъ нихъ почерпнутыми, ясно открывается и начало, и ходъ, и успѣхи сихъ пагубныхъ покушеній, заразившихъ уже многое число людей. Тутъ не догадки, а документы, самые ясные и очевидные: нужно только на нихъ взглянуть, дабы удостовѣриться, и тогда должно будетъ рѣшиться на одно что ни будь: или съ твердостію тому воспротивиться, или необращеніемъ на то вниманія дать время духу сему созрѣть и ожидать съ трепетомъ неминуемо долженствующихъ выйти изъ того послѣдствій. Къ голосу Сенатора Муравьева прилагаю я здѣсь, для любопытства Вашего, нѣкоторыя краткія мои замѣчанія.

Если дѣло поступитъ въ Государственный Совѣтъ, то по неволѣ долженъ я буду пространнѣе о томъ объясниться: ибо я никогда не вступаюсь за себя (брани меня, кто хочетъ); но гдѣ идетъ дѣло о вредѣ общему благу, тамъ я не могу молчать. Я прилагаю при семъ и голосъ Сенатора Сумарокова, также и указъ Святѣйшаго Синода. Я отправляюсь въ Дерптъ, надѣюсь возвратиться чрезъ недѣлю и лично съ Вами переговорить. — Пріятно мнѣ видѣть благорасположеніе ко мнѣ Вашего Сіятельства, но опять повторю съ откровенностію, что трудно мнѣ слабому, при моей старости и тупѣющемъ зрѣніи, также и при многихъ другихъ обстоятельствахъ, стоять крѣпко на стражѣ и нести на плечахъ своихъ столь тяжелое бремя: чувствую, что я упаду подъ нимъ:

одно только утѣшаетъ меня—совѣсть, которая говоритъ мнѣ, что недостатокъ силъ не есть недостатокъ усердія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

27 Мая, 1825 года.

Выписка изъ Французскихъ книгъ, изданныхъ въ Парижѣ.

Изъ первой:

«Справедливое сужденіе о взаимномъ обученіи, съ разсмотрѣніемъ его природы, его начала и его дѣйствій. Книжка сія издана съ слѣдующею надписью: «Берегитесь, да не будете прельщены баснями, и да не соблазнитъ васъ суетная и обманчивая философія» (Св. Павелъ къ Колос. гл. 2).»

Изъ второй, названной «Желаніями на 1825 г.»

«Мы желаемъ Россіи, чтобъ она почувствовала, что разлитіе рѣкъ ея не есть самое большое бѣдствіе, котораго она страшиться долженствуетъ; что ученія, разрушающія всѣ общественныя связи, влекутъ за собою несравненно величайшую пагубу, и что, прежде помышленія о спасеніи себя отъ морскихъ опустошеній, нужно ей ополчиться противъ хищной руки гордой философіи, о которой Богъ сказалъ: «Ты не пойдешь далѣе!» Сперва пусть ей поставятъ оплотъ, и потомъ примемся за удержаніе въ предѣлахъ Невы.»

(Обѣ выписки сіи читаны мною Государю Императору.)

Письмо ко мнѣ Государя Императора.

«Александръ Семеновичъ! Съ живѣйшимъ прискорбіемъ узналъ я о кончинѣ супруги Вашей, и искренно раздѣляю съ Вами

горесть Вашу, желая, чтобы Вы съ покорностію къ святой волѣ Всемогущаго, перенесли оную, и обрѣли утѣшеніе въ уповании на благость Его.

Пребываю впрочемъ всегда къ Вамъ благосклоннымъ.

(На подлинномъ написано) Александръ».

Въ Таганрогѣ,
Сентября 25-го, 1825 года.

Мой отвѣтъ.

«Всемилостивѣйшій Государь!

Великодушное и милостивое о несчастіи моемъ сожалѣніе, которое угодно было Вашему Величеству изъявить мнѣ, наполнило душу мою неизреченною благодарностію. Долговременное страданіе и наконецъ смерть жены моей, съ которою провелъ я болѣе тридцати лѣтъ, не могли не изнурить и безъ того изнуренныхъ уже старостію силъ моихъ. Горесть моя велика, но утѣшеніе мое — Богъ, и отрада остатка дней моихъ—Вы, Государь! Подкрѣпляемый сими надеждами живу и дышу.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Александръ Шишковъ.»

С.-Петербургъ,
8-го Октября, 1825 года.

Нѣкоторыя нужныя для исторической связи объясненія, на помѣщенныя въ сихъ запискахъ бумаги.

1-е). На мое письмо къ Государю Императору, отъ 22 Мая, 1824 года (см. стр. 2—4).

Назначеніе меня, на мѣсто предмѣстника моего, Князя Голицына, Министромъ Народнаго Просвѣщенія произошло по слѣду-

ющимъ обстоятельствамъ: нѣкто монахъ Фотій (или Фокій), человѣкъ еще не старый, пылкій, защитникъ Православія, долгое время (т. е., около двухъ лѣтъ, или болѣе) былъ въ связи и частомъ сношеніи съ Княземъ Голицынымъ, въ намѣреніи, какъ сказываютъ, отвратить его отъ покровительства тѣмъ ересямъ и зловреднымъ книгамъ, какія, чрезъ внушенія иностранныхъ миссіонеровъ, по ходатайству его, выпускаются къ поколебанію нашей Вѣры, но, не получа въ томъ успѣха, рѣшился, не взирая на сильную его довѣренность у Государя Императора, употребить надъ нимъ духовную строгость. Съ симъ намѣреніемъ пригласилъ онъ его въ домъ Графини Орловой, гдѣ, поставя налой и положа на немъ Евангеліе и Крестъ, приготовился его встрѣтить. Когда Князь вошелъ въ комнату, и хотѣлъ по обыкновенію принять отъ него благословеніе, то онъ остановилъ его и сказалъ, что прежде не дастъ ему благословенія, покуда онъ не отречется отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ, покровительствуя иностраннымъ лжеучителямъ, возстающимъ противъ Церкви и Престола. Князь сперва отвѣчалъ ему хладнокровно, что онъ дѣйствовалъ по волѣ Государя, и что теперь, зайдя такъ далеко, поздно уже возвращаться назадъ; но когда Фотій грознымъ гласомъ возразилъ ему: «Поди къ Царю, стань предъ Нимъ на колѣни, и скажи, что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо и Его вводилъ въ заблужденіе!» тогда Князь разсердился и спросилъ у него: «Какое право имѣетъ онъ говорить ему такимъ повелительнымъ голосомъ?»—«Право служителя Алтаря Божія», отвѣчалъ ему Фотій, «могущаго, въ случаѣ упорнаго пребыванія твоего въ злочестіи, предать тебя проклятію». Князь послѣ словъ сихъ вспыхнулъ гнѣвомъ, и, сказавъ ему: «Увидимъ, кто изъ насъ кого преодолѣетъ», съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы. Фотій въ слѣдъ ему кричалъ громко: «Анаѳема! да будешь ты проклятъ!» И тотчасъ послѣ сего происшествія, въ точности описавъ, какъ свой поступокъ, такъ и отвѣты Князевы, запечаталъ письмо свое и послалъ съ надписью: «Въ собственныя Его Величества руки». Вскорѣ Государь позвалъ его къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ съ гнѣвомъ за такой его поступокъ, находя оный не токмо не приличнымъ, но даже и не сообразнымъ съ Христіанскою покорностію, однако жь, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва. Въ то же время подоспѣло Госнеровское дѣло. Сіи два обстоятельства

были главною причиною перемѣны Министерства Просвѣщенія, къ которому присоединены еще двѣ части, а именно: Управленіе Иностранныхъ Вѣроисповѣданій и Духовныя Дѣла, но сія послѣдняя часть при сей перемѣнѣ была отдѣлена; Князь же Голицынъ остался Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ.

2-е) (Объясненіе). На бумагу мою, отъ Іюня 7-го дня (1824 года), оставленную мною у Государя Императора (см. стран. 7—10), а также на письмо къ Графу Аракчееву, отъ 11-го числа того же мѣсяца (см. стр. 11 и 13). Мнѣ извѣстно было, что Графъ Аракчеевъ всегда письма мои къ нему показывалъ Его Величеству. Дѣло въ это время шло о Поповѣ, ревностномъ старателѣ промѣнять Церковь нашу на Протестантскую, Гернгутерскую, или какую либо иную, и который въ Библейскихъ Обществахъ представлялъ, послѣ Министра своего, лице первенствующее въ Синодѣ свѣтско-духовной особы. Онъ, подъ видомъ болѣзни, ѣздилъ въ Англію для совѣщанія съ тамошними Методистами, * отколѣ возвратясь изобличенъ былъ поправленіемъ своей

* Можно объ успѣхахъ сихъ совѣщаній заключить изъ слѣдующаго сихъ господъ обнародованнаго объ насъ отзыва: «Extrait de la feuille, publiée chez Fiffling et Hughes imprimeurs, Grosvenor Row, Chelsea, Mai 1817».

Le Mercredi 7 Mai 1817 s'est tenu à l'hotel des Francs-maçons à Londres le 13 anniversaire de la Societé Biblique britannique et étrangére. Aprés differentes lectures et quelques discours sur les progrés et l'utilité de la Societé Biblique, le révérend Richard Watson, Ministre de la secte methodiste, a pris la parole: «Mylord, le rapport et les adresses, que nous venons d'entendre, ont tourné notre attention sur l'Empire Russe. Ah! combien sont consolantes et les vues, qui nous sont presentées, et les esperances, qu'elles permettent de concevoir; desormais nous pouvons être assuré, que bientôt dans ce vaste pays la réligion sera rétablie dans toute sa pureté et cela par le seul effet de la circulation de saintes écritures, traduites dans les différents idiomes, qui se parlent dans cet immense Empire.

«Chez les payens nous sommes encore obligés d'envoyer des missionaires, comme explicateurs de la Bible, mais partout, où le Christianisme existe, fut-il même denaturé, la simple lecture des livres saints peut et doit suffir pour redresser la foi. La circulation de la Bible peut seule rétablir l'Église Grecque et la relever de la decadence actuelle. Les voûtes du temple subsistent, la Bible saura bientôt rallumer le feu des autels.

рукою перевода Госнеровой книги, и хотя по толь явному обнаруженію злочестивыхъ намѣреній своихъ не могъ не отданъ быть подъ судъ, однако жь переведенъ изъ Министерства Просвѣщенія въ Почтовый Департаментъ, со всѣми прежними выгодами и даже съ тайными нѣкоторымъ лицамъ внушеніями, чтобъ на судѣ старались его оправдать. Толь явное покровительство человѣку, участвовавшему въ дѣлѣ, оглашенномъ и признанномъ отъ самаго Правительства злонамѣреннымъ, давало несомнѣнный видъ, что хотя Министерство Просвѣщенія и перемѣнено, однако жь прежнія дѣйствія и духъ его защищаются. Сей видъ разрушалъ всѣ мои мѣры дѣйствовать противъ вольнодумства и введенія къ намъ новой, пагубной философіи. Я долженъ былъ при старости лѣтъ моихъ, или, заглушая въ себѣ совѣсть, уступать сей заразѣ, или почти одному, съ весьма не многимъ числомъ сотоварищей, безполезно бороться съ нею; но на первое попуститься ни какимъ образомъ я не могъ и не хотѣлъ, а второму воспротивиться не имѣлъ, по расположенію обстоятельствъ, ни силъ, ни возможности.

«Il éxiste dans ce pays plus qu'on ne le pense, des Ministres saints, qui quoique moits en apparence aujourd'hui semblables aux temoins de l'apocalypse se tiendront sur leurs pieds et prophétiseront aussitôt, que l'ésprit de verité entrera en eux.

«La circulation des ecritures dans l'Église Latine a produit notre glorieuse réformation et nous a donné le Protestanisme avec le bonheur et les bénédictions dont il est la source. Nous pouvons espérer aujourd'hui, que bientôt nous verrons l'Église Grecque jouir des mêmes avantages; avec cette différence cependant que l'opposition, faite par l'Église Latine contre la circulation des écritures saintes a produit des schismes terribles des malheurs sans nombre, et que cette circulation étant au contraire encouragée, comme le sont dans l'Empire de Russie toutes les Sociétés Bibliques, nous pouvons nous flatter, que la libre diffusion de la verit en eclairant l'Église Grecque sur ses erreurs, ranimera la foi et maintiendra l'union des fidéles. Cette espérance est bien douce et bien consolante pour les amis de l'humanité. Notre réformation dans son origine eut mille obstacles à surmonter et à vaincre, toutes nos églises protestantes prirent naissance au milieu des troubles et des discussions politiques, et leur berceau fut souvent ebranlé par la tempête. Ce grand et nécessaire changement au contraire va s'opérer en Russie sans aucune convulsion; cet heureux pays a l'espérance du bien et n'a ni inquiétude, ni danger à redouter. La reformation pour cet Empire predéstiné sera semblable au beau soleil levant, qui éclaire d'une lumiére égale et les chaumié-

3-е) (Объясненіе). На бумаги мои, читанныя при докладѣ въ 9-й день Ноября.

Видя, что Государь уклоняется изъявить волю Свою даннымъ мнѣ Указомъ, по которому бы могъ я дѣйствовать противу тѣхъ вредныхъ началъ, кои, доселѣ утвержденныя и ободряемыя Верховною Властію, введены были и остаются еще въ той же силѣ своей, принужденъ я былъ выжидать на то случая. Бумага моя (см. стр. 13—16), поданная 28 Іюля въ видѣ проекта Указа о запрещеніи выпускать безъ Синодскаго разсмотрѣнія, такъ называемыя, духовно-нравственныя книги, осталась безъ всякаго вниманія и употребленія. Наконецъ, послѣ всѣхъ выше прописанныхъ донесеній о книгѣ «Бесѣда на гробѣ младенца» (см. стр. 18 и 55) и другихъ моихъ бумагъ, данъ на имя мое испрашиваемый мною Указъ (см. на стр. 55 проектъ рескрипта), въ силу котораго сообщилъ я въ Св. Синодъ обо всѣхъ, доселѣ изданныхъ, противныхъ Вѣрѣ нашей, книгахъ, съ тѣмъ, чтобъ отъ него приняты были мѣры къ уменьшенію разливаемаго ими безвѣрія, ихъ воспрепятствованію какъ по нашему, такъ и по другимъ Вѣроисповѣданіямъ, размножающихся отчасу болѣе расколовъ и ересей. Я думалъ, что, съ перемѣною Министерства, должна возникнуть и перемѣна въ попущеніи вредными сочиненіями заражать незрѣлые умы, и что при толь гласномъ (въ данномъ мнѣ Указѣ) изъявленіи воли Монаршей, какъ Св. Синодъ, такъ и другія Правительственныя Мѣста, сильными и убѣдительными представленіями своими Государю Императору, преклонятъ его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, изъ которыхъ бы несомнѣнно явствовало, что продолжавшееся доселѣ по Министерству Просвѣщенія, худое направленіе нравственности обратило на себя вниманіе, и

---

res de Siberie et les palais de Czar, ou le plus sage, comme le plus puissant des souverains de la terre, médite aujourd'hui cette grande et sainte réforme.»

Вотъ до какой степени доведены были дѣла, что люди, отпадшіе отъ всякой Христіанской Вѣры, почитали уже Грекороссійскую Церковь нашу навѣрное разрушающеюся, и сія рѣчь ихъ, толь увѣрительно о семъ возвѣщающая, не была вымыслъ и клевета, но надежное заключеніе, основанное на успѣхѣ дѣйствій ихъ и ересей, между нами распространенныхъ.

что ни наши расколы, ни иностранныя секты, ни миссіонеры ихъ, ни книги, ими издаваемыя, ни превратные о вольности народной толки, ни люди, старающіеся къ возмущенію всеобщаго спокойствія, разсѣвать пагубныя свои ученія не ободряются и не покровительствуются болѣе; но, къ крайней печали и сожалѣнію моему, увидѣлъ, что, вмѣсто сильной и необходимо нужной въ томъ себѣ подпоры, вездѣ и повсюду встрѣчалъ я или холодность и равнодушіе, или непреодолимыя преграды и препятствія, чему теперь же покажемъ достаточный образчикъ.

4-е) (Объясненіе). По дѣлу о Госнерѣ и Поповѣ, изъ которыхъ, какъ мы уже видѣли, одинъ былъ высланъ изъ Россіи, а другой отданъ подъ судъ.

Дѣло сіе поступило въ Общее Собраніе Сената, гдѣ два Сенатора, Сумароковъ и Муравьевъ-Апостолъ, подали свои мнѣнія. Первый, входя съ подробностію во всѣ дѣйствія и намѣренія, клонившіяся къ потрясенію Вѣры и Правительства, обвинялъ Попова, какъ облеченнаго довѣренностію Чиновника, * оказавшагося явнымъ въ томъ соучастникомъ; второй старался его оправдать. О мнѣніи перваго многіе говорили съ нѣкоторымъ кощунствомъ, тогда какъ мнѣніе втораго превозносили похвалами, и въ Общемъ Собраніи большая половина Сенаторовъ къ нему пристали. Изъ сего можно даже нѣсколько усмотрѣть, до чего простиралось, такъ сказать, новомысліе и духъ угожденія сильнѣйшей партіи; но изъ послѣдующаго мы еще яснѣе то увидимъ. Изъ Сената дѣло сіе поступаетъ въ Государственный Совѣтъ. При семъ случаѣ остаться мнѣ въ молчаніи было бы отъ прежнихъ мнѣній моихъ и донесеній отказаться и признать голосъ Сенатора

---

* Чиновникъ сей находился подъ особымъ покровительствомъ предмѣстника моего и всѣхъ державшихся новаго ученія о Вѣрѣ и новыхъ мыслей. При первыхъ докладахъ моихъ Государь Императоръ говорилъ мнѣ о немъ съ похвалою и, казалось, бралъ въ немъ не малое участіе. Самъ Госнеръ многими при Дворѣ защищаемъ былъ, и обличеніе мое книги его поставлялось мнѣ въ нѣкое злорѣчіе и фанатизмъ. При таковомъ расположеніи умовъ, не удивительно, что всѣ лица, дѣйствовавшія въ прежнемъ Министерствѣ Просвѣщенія, имѣли за себя великую заступу.

Муравьева справедливымъ. За таковой поступокъ совѣсть моя не перестала бы никогда меня укорять. И такъ, по выслушаніи въ Государственномъ Совѣтѣ разногласнаго Сенатскаго рѣшенія, просилъ я Председателя и Господъ Членовъ отложить заключеніе свое до будущаго засѣданія, въ которое подамъ я мнѣніе мое письменно. Совѣтъ согласился, и бумага моя, вмѣщавшая въ себѣ весь безъ изъятія голосъ Муравьева, съ моими на каждую статью онаго объясненіями, была слѣдующаго содержанія:

«Книга Госнерова и согласныя съ нею проповѣдыванія его найдены Комитетомъ Господъ Министровъ зловредными для Вѣры и Правительства, по чему, съ утвержденія Его Императорскаго Величества, книга сія сожжена, а самъ Госнеръ, сочинитель ея, высланъ за границу. Послѣ сего не можетъ быть вопроса: виноватъ ли тотъ, кто переводилъ сію книгу на Русской языкъ, и тотъ, кто поправлялъ ее; ибо всѣ трое имѣли они одинакое намѣреніе издать ее въ свѣтъ. По здравому разсудку, переводчикъ и поправлятель еще болѣе виноваты, нежели самъ сочинитель, поелику сей былъ иностранецъ и написалъ книгу на Нѣмецкомъ, чуждомъ намъ, языкѣ, а они, будучи Россійскіе подданные, хотѣли то жь самое зло сдѣлать вреднѣйшимъ чрезъ напечатаніе и распространеніе онаго на собственномъ нашемъ языкѣ. Изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше виноватаго осуждать, а больше виноватаго оправдывать, не сходно ни съ какимъ понятіемъ о законахъ и правосудіи. Переводчикъ умеръ, а поправитель живъ и отданъ подъ судъ. При подобныхъ обстоятельствахъ судъ не можетъ состоять въ иномъ, какъ токмо въ изслѣдованіи, точно ли подсудимый поправлялъ книгу. Если это достовѣрно, то уже непремѣнно достовѣрно и то, что онъ въ намѣреніяхъ сочинителя и переводчика участвовалъ. Изъ сего непреложнаго заключенія ни коимъ образомъ изъять его не можно, а по тому и оправдывать нѣтъ возможности, кромѣ, развѣ, когда позволено будетъ говорить не сообразное ни съ обстоятельствами сего дѣла, ни съ законами, ниже съ здравымъ разсудкомъ. Тогда ни какія доказательства не нужны; ибо если изъ нихъ ложныя съ истинными равно принимаются, то на что они? Довольно спросить у каждаго о словѣ: да, или нѣтъ. *

* Вступленіе сіе, казалось, долженствовало бы обратить на себя вниманіе и воз-

Излагая мнѣніе мое, по неволѣ долженъ я обратиться къ несогласному съ онымъ голосу Господина Сенатора Муравьева, читанному въ Правительствующемъ Сенатѣ. Я нахожусь въ необходимости сдѣлать сіе, поелику въ немъ опровергается все то, что отъ насъ (т. е., Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и меня) представлено было Комитету Господъ Министровъ. Господинъ Сенаторъ въ оправданіе подсудимому приводитъ слѣдующія разсужденія: см. въ другой тетради (см. ниже, послѣ 2-го письма къ Государю, букву А.), только тамъ опущено слѣдующее примѣчаніе: «Читатель! Вотъ до какого злоупотребленія доведено, не скажу, хитрость, но безумная свобода, говорить противъ всѣхъ законовъ и здраваго разсудка—своевольное, очевидно, нелѣпое умствованіе—и гдѣ же? Въ Общемъ Собраніи Сената! Кто слыхалъ, чтобъ, для извиненія содѣланнаго живымъ человѣкомъ преступленія, позволительно было превращать его въ машину, въ мертваго истукана, читающаго и пишущаго механически! Можетъ ли быть что страннѣе сего предположенія, и совсѣмъ тѣмъ оно многими премлется и одобряется! Но взглянемъ еще на мнимо-хитрыя увертки: оправдатель, сказавъ о подсудимомъ, что онъ смысла и подлинника нигдѣ не измѣнилъ, по видимому, почувствовалъ самъ, что неизмѣненіе смысла въ переводѣ книги, признанной вредною, не есть оправданіе, и для того, избѣгая отъ одной странности, впадаетъ еще въ худшую, говоря, что какъ онъ поправлялъ механически, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ съ толкователемъ. Поставлять въ оправданіе Попова сходство смысла, и потомъ сходство сіе называть принужденнымъ (слѣдовательно, не такимъ, которое оправдываетъ), происшедшимъ отъ того, что поправитель былъ не человѣкъ, а машина, есть нѣчто необыкновенное, неслыханное не только отъ Судьи, ниже отъ Стряпчаго, которому бы было поручено защищать подсудимаго; думаю, что и тотъ не осмѣлился бы такими несообразными ни съ чѣмъ представленіями обижать своихъ слушателей; ибо за кого въ такомъ случаѣ онъ принимаетъ ихъ?»

родить хотя нѣкоторое въ совѣсти затрудненіе, не смотря ни на какія доказательства, безмолвно послѣдовать и соглашаться съ несправедливыми и явно пристрастными сужденіями; но мы послѣ увидимъ, что сердце преодолѣвало разумъ, и что, по несчастію, ложь могла торжествовать надъ правдой.

Сопровождавшія дѣло сіе обстоятельства:

Когда въ Государственномъ Совѣтѣ прочтенъ былъ сей, поступившій изъ Правительствующаго Сената, судъ о Поповѣ, тогда просилъ я остановить заключеніе по оному до будущаго засѣданія, въ которомъ намѣренъ я представить мнѣніе мое письменно. Совѣтъ согласился. Я подалъ оное и хотѣлъ самъ прочитать, ибо опасался, чтобъ не прочитали худо и не ясно. Находили въ томъ нѣкоторыя затрудненія, но когда я сказалъ, что въ такомъ случаѣ возьму назадъ мою бумагу, то мнѣ позволено было. Предъ самымъ началомъ чтенія обратился я къ Предсѣдателю и сказалъ ему: «Я возражаю на каждую статью голоса Г. Сенатора Муравьева особенно, и буду при каждой останавливаться. Если кому изъ Господъ Членовъ угодно будетъ при какой либо статьѣ остановить меня и возразить противъ моихъ доказательствъ, я охотно его выслушаю и отвѣчать буду.» Съ симъ условіемъ началъ я читать. При каждой статьѣ останавливался и ожидалъ возраженій, но ни кто ни малѣйшаго не сдѣлалъ мнѣ противорѣчія. Казалось, всѣ согласны были со мною; но когда послѣ чтенія начали отбирать голоса, тогда оказалось, что многіе Члены Совѣта, равно какъ и въ Сенатѣ, были на сторонѣ Сенатора Муравьева. Сіе показываетъ, что противъ правды говорить трудно, и что, зная напередъ силу неправды, хотя и пристаютъ къ ней, но въ тихомолку, стыдясь гласнымъ образомъ защищать ее. Къ голосу Муравьева пристали: Голицынъ, Нессельродъ, Карцовъ, Татищевъ, Болотниковъ, Салтыковъ, Тутолминъ, Сперанскій и (кто бы подумалъ?) Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ!

Письмо мое по сему поводу къ Государю Императору.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта читана Сенатская бумага, содержащая въ себѣ судъ надъ бывшимъ Директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія Поповымъ. Въ бумагѣ сей большая половина Сенаторовъ, по голосу Сенатора Муравьева-Апостола, его оправдываютъ, и съ сею половиною согласился и Департаментъ Государственнаго Совѣта съ нѣкоторы-

ми другими, приставленными къ нему, Членами. Увѣренный въ противозаконныхъ и вредныхъ послѣдствіяхъ сего оправданія, нашелся я принужденнымъ, по важности сего дѣла и по долгу моему, подать возразительное противъ того мнѣніе мое, которое при семъ прилагаю (см. выше). Государь! Я не имѣю ни какой личности противъ подсудимаго Попова и совсѣмъ его не знаю; но здѣсь дѣло идетъ не о немъ, не о частномъ человѣкѣ, а о томъ возникшемъ и отъ часу больше возрастающемъ духѣ, который угрожаетъ потрясти спокойствіе и благоденствіе народное, а съ ними, Государь, и Твою собственную безопасность. Гдѣ не щадится Сынъ Божій, тамъ и Царь не пощадится; мы видѣли тому примѣры. Признаки сего буйнаго духа становятся день отъ дня явнѣе. Долговременно употребляемыя къ тому средства, таковыя, какъ разныя по домамъ сборища и чтенія подобныхъ Госнеровой книгъ, въ великомъ количествѣ выпущенныхъ, породили наконецъ и размножили сіи опасные расколы, сіи дышащія ненавистію къ Церкви и Престолу писанія, какія читаемъ въ бумагахъ Есаулова (см. примѣчаніе выше), и бѣгающихъ изъ полковъ солдатъ, составляющихъ увѣщательныя къ соговарищамъ своимъ посланія, наполненныя фанатическими мечтаніями, но въ которыхъ, однако жь, видна одинакая цѣль, одинакое намѣреніе, ясно показывающее, что это не собственное ихъ заблужденіе, но внушаемое имъ тѣми, кому надобно дѣлать ихъ. Главный обманъ ихъ состоитъ въ проповѣдываніи какой-то иной Вѣры, не той, которая въ Россіи со временъ Владиміра исповѣдуется, но другой, выдуманной злонамѣренными людьми, дабы чрезъ то ослѣпить народъ и, воспламеня въ немъ, подъ именами сей мечтательной Вѣры и вольности, безвѣріе и своевольство, ополчить его противъ Бога, Царей и всякаго порядка. Бѣдственныя отъ сего слѣдствія оказывались во многихъ странахъ Европы, и не иначе потухали, какъ погибелью безчисленныхъ жертвъ. Богъ доселѣ хранилъ Россію, но нынѣ, кажется, рука Его тяготѣетъ на насъ. Съ нѣкотораго времени зараза сія водворилась и между нами. Она становится столь явною и смѣлою, что, кажется, не боится уже обнаруживать себя. Плоды распущенныхъ во множествѣ книгъ, въ которыхъ приводимые изъ Библіи тексты толкуются превратно, вездѣ оказываются въ Есаульскихъ и солдатскихъ посланіяхъ. Чрезвычайное въ краткое время умноженіе самыхъ

опаснѣйшихъ расколовъ есть несомнѣнное отъ сего послѣдствіе. Сему нечестію начинаютъ соотвѣтствовать подобныя же и дѣянія, таковыя, какъ частыя воровства и грабежи, даже не рѣдки смертоубійства, также слухи, распускаемые къ уничиженію Священства, о Попахъ съ козлиными рогами, подающіе сверхъ того, поводъ народу по ночамъ скопляться. * Вѣроятно, есть и другія подобныя происшествія, о которыхъ Полиція больше меня свѣдуща. Судъ надъ Профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же мысли въ Университетахъ и Училищахъ, часто свидѣтельствовали тѣ же самые замыслы. ** Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковые же порывы. Сколь ни трудно для меня имѣть особое и неусыпное за симъ наблюденіе, однако жъ я велѣлъ Цензорамъ при малѣйшемъ сомнѣніи относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ. Напослѣдокъ, пришедшій разъ Цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи и спрашивалъ, велю ли я ихъ пропустить? Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Посланіе къ артельнымъ друзьямъ.» Годъ поставленъ 1817. Имя сочинителя означено Мещевскій. Слово: «артельные друзья,» само собою показываетъ, что посланіе сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то артели, т. е., неизвѣстному, или тайному, обществу. Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ

---

* Извѣстно, что въ это время происходили въ Петербургѣ многія по домамъ покражи и, сверхъ того, учинены нѣкоторыя смертоубійства, изъ коихъ иныя по обстоятельствамъ казались такими, что не корысть побудила на оныя, но, вѣроятно, опасеніе, чтобъ человѣкъ сей не открылъ ввѣренной ему тайны. Также распущенъ былъ слухъ, будто бы какой-то Попъ, для содѣланія нѣкоего неистовства, нарядился въ козью съ рогами кожу, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто бы въ семъ видѣ повезутъ его ночью на казнь. Нелѣпая сказка сія такъ распространилась, что дни три сряду народъ скоплялся во множествѣ смотрѣть на сего чудеснаго преступника и, что всего страннѣе, сказка сія не въ одномъ здѣшнемъ, но и въ другихъ городахъ разглашена была.

** См. «Дѣло о С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1821 году, въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1866 г.», кн. 3. отд. V, стр. 61—161.

возмутительныя противъ Вѣры и Правительства. Въ стихахъ сихъ, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Друзья! Вотъ стонъ души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая раннихъ дней
Еще отъ насъ далеко!
Еще въ туманѣ скрыта цѣль
Возлюбленныхъ желаній.
Кто жь благотворную артель,
Источникъ всѣхъ мечтаній,
Высокихъ чувствъ и сновъ златыхъ,
Для счастія отчизны,
Кто, въ шумѣ радостей пустыхъ,
Мнѣ замѣнитъ въ сей жизни?
Я съ вами—и въ душѣ горитъ
Добра огонь священный;
Безъ васъ иной все кажетъ видъ,
Столь низкій, столь презрѣнный!
Но часъ пробьетъ! Услышимъ мы
Отечества призванье,—
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье:
Сплетенные рука съ рукой
На путь мы ступимъ жизни,
И пылкой полетимъ душой
Ко счастію отчизны.—
И кто возможетъ положить
Преграды намъ въ полетѣ?
Кто для отчизны алчетъ жить,
Тотъ выше бѣдствій въ свѣтѣ.»

Не явно ли, стихи сіи заключаютъ въ себѣ воззваніе къ возмущенію? Ибо что можетъ быть яснѣе сихъ словъ: «друзья артельщики!» (Можетъ быть, нарочно не сказано: товарищи, дабы подъ словомъ: «артельщики» разумѣть вмѣстѣ и солдатъ). «Цѣль желаній нашихъ скрыта еще въ туманѣ.» Какая цѣль? Для чего скрыта? О какомъ «счастіи отчизны» старается какая-то неизвѣстная, тайная, «высокихъ чувствъ артель, источникъ всѣхъ мечтаній и сновъ златыхъ?» — И что еще? Безъ сей артели все прочее «кажетъ низкій, презрѣнный видъ!» А что, между тѣмъ, затѣваетъ артель сія? Взглянемъ только на без-

нравственныя сочиненія, на безстыдныя и наглыя умствованія, разсѣваемыя сими артельщиками, почитающими всѣхъ, кромѣ себя, «низкими и презрѣнными,» и тогда мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ по злобѣ, а другіе, путеводимые хитрѣйшими себя, по слѣпотѣ и безумію, стремятся разрушить всякое общество, истребить всякую Вѣру и Правительство. Тѣхъ они ненавидятъ, которые сего не хотятъ. Надежда ихъ на единомышленниковъ своихъ такъ велика, что они не только защищаютъ Госперовъ и ему подобныхъ, не только въ слухъ о томъ твердятъ, но и посылаютъ въ печать стихи, въ которыхъ смѣло пророчествуютъ: «но часъ пробьетъ! услышимъ мы Отечества призванье; тогда изъ тьмы появится душъ пламенныхъ желанье!» Какое призванье Отечества? Не Отечество, противъ котораго они возстаютъ, призываетъ ихъ, но развратъ, внушенный имъ врагами человѣчества: не вѣдятъ бо, что творятъ, и въ семъ незнаніи исполняютъ волю общихъ и своихъ злодѣевъ, и, повинуясь имъ слѣпо и рабски, съ гордостію хвастаютъ пламеннымъ желаніемъ душъ своихъ и угрозами, что въ то время, когда сіе желаніе ихъ появится изъ тьмы, никто не возможетъ положить имъ преграды въ полетѣ, и что они выше всѣхъ бѣдствій. Вотъ какіе стихи не боятся присылать для напечатанія! Я призвалъ къ себѣ журналиста (Воейкова) и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять, съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ, но когда увидѣлъ, что сего не возможно, то, въ извиненіе свое, отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда у него спросилъ, кто такой Мещевскій, подписавшійся подъ сими стихами, гдѣ онъ живетъ и откуда прислалъ ихъ? то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій, года три, или четыре, тому назадъ, умеръ и оставилъ у него свои сочиненія. И такъ, по словамъ его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ его на поединокъ! Цензоръ тоже боится, что если не пропуститъ, то его разругаютъ, или прибьютъ. Вотъ до чего простирается дерзость таковыхъ писаній и требованій! Въ оправданіе сему только и слышалось, что твердятъ: «да это господствующій духъ времени!»

Всемилостивѣйшій Государь! Вездѣ, въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ, въ Комитетѣ Гг. Министровъ, въ публикѣ и при самомъ Дворѣ, духъ сей находитъ защиту и покровительство. Я очень вѣрю, что не всѣ дѣйствуютъ по злонамѣренію; но когда отъ всеобщаго покровительства произойдетъ всеобщее зло, то меньше ли зло сіе будетъ пагубно отъ того, что иной способствовалъ ему созрѣвать отъ незнанія, иной изъ угожденія, иной отъ равнодушія, иной по какой либо пріязни, или связямъ? Чего не дѣлаютъ на свѣтѣ страсти и обманы? Вдаваясь имъ, можно, прикрытыхъ личиною, враговъ своихъ почитать друзьями. Ухищренія ихъ въ свое время окажутся, но тогда уже будетъ поздно. Истина обнаружится, но торжество обмана чрезъ то не отвратится. Государь! Не вѣрь мнѣ, если сомнѣваешься въ искренности моихъ словъ, или почитаешь меня излишне предающимся своимъ мечтаніямъ, но не вѣрь и другимъ! Смотри не на слова людей, но на дѣла ихъ.

А. Ш.»

Примѣчаніе.

Къ чему служило мнѣ рвеніе мое остановить усилившуюся заразу? Съ одной стороны Богъ, совѣсть и Отечество, требовали отъ меня, чтобъ я, по долгу званія моего, сопротивлялся, сколько могу, безнравственному и пагубному вольнодумству или, такъ называемому, духу времени; но съ другой часъ отъ часу болѣе усматривалъ я, что не могу имѣть ни средствъ, ни возможности поставить преграду сему, широко развившемуся и безпрепятственно текущему, злу. * Надлежало мнѣ или уступить обстоятельствамъ,

* Зло сіе, отъ временъ Православія не извѣстное въ благословенномъ Русскомъ Царствѣ (ибо хотя, такъ называемые, расколы и прежде существовали у насъ, но они были малочисленны и гораздо менѣе зловредны), пришло къ намъ изъ чужихъ земель. Начало онаго было слѣдующее: Въ Царствованіе Великой Екатерины, нѣкто Новиковъ, съ товарищами, Тургеневымъ, Лопухинымъ и нѣкоторыми другими, задумали украдкою сочинять развратныя книги, и проповѣдывать, заимствованныя ими у чужеземныхъ лжеучителей, злочестивыя правила. Для расширенія связей своихъ и пріобрѣтенія нѣкоторыхъ свѣдѣній, послали они въ чужіе края молодаго, тогда еще мало извѣстнаго, писателя, Карамзина. Злонамѣреніе ихъ скоро было открыто и разрушено. Глава и Предводитель ихъ,

или безуспѣшно и со вредомъ себѣ противоборствовать онымъ. Я избралъ послѣднее. Сначала казалось мнѣ, что обстоятельства благопріятствуютъ тому, чтобъ гласъ истины, долгое время не дерзавшій вопіять противъ гласа лжи, напослѣдокъ возгремѣлъ противъ ней и злыя поученія ея изобличилъ и опровергъ; ибо возмущенія, происходившія въ Испаніи, въ Неаполѣ, и пребываніе Государя Императора въ Австріи, перемѣнили во многомъ образъ мыслей Его. Онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ разрушавшей всѣ связи обществъ, и другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ. Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ. Онъ съ такою ревностію. Благосклонное вниманіе Его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе всѣхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и книгъ, Имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что, поддерживаемый силою гласа и твердостію воли Его, могу я благоуспѣшно дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и препятствуя возрастать имъ. По вскорѣ увидѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность, или какъ бы нѣкая страсть, Его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться,

---

Новиковъ, посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тургеневу Екатерина повелѣла жить въ деревнѣ безъ выѣзда, подъ присмотромъ Губернатора, къ которому написала: «Наблюдайте за нимъ. Хотя онъ и раскаялся въ своемъ заблужденіи, но возьмите съ него честное Дворянское слово, что онъ впредь ни въ какія связи съ подобными людьми не войдетъ.» Такимъ образомъ первое покушеніе сіе было уничтожено. Павелъ I, по восшествіи своемъ на Престолъ, освободилъ Новикова. Въ Царствованіе Александра I чужеземныя внушенія сіи возникли снова и, подъ благовиднымъ именемъ Наукъ и Просвѣщенія, усилились и распространились. Въ знаменитѣйшую войну 1812 года Россія, низложившая исполинскія силы Наполеона, вознеслась на высокую степень славы, но, между тѣмъ, какъ она, окровавленная и побѣдоносная, пошла великодушно освобождать воевавшую противъ ней Европу отъ ига Французовъ, Англійскіе Методисты заводили въ ней Библейскія Общества, долженствовавшія нѣкогда, подъ видомъ распространенія Христіянства, поколебать Православную ея Вѣру, и внутренними раздорами сокрушить ея могущество.

такъ что, казалось, Онъ, самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали Его соглашаться на предпріемлемыя мною мѣры, но Онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. По дѣлу Пастора Госнера, отдавъ Попова подъ судъ, уговаривалъ Милорадовича, чтобъ онъ старался оправдать его. Но еще лучше можно посудить о семъ изъ слѣдующаго обстоятельства: по вступленіи моемъ въ Министерство Просвѣщенія, представилъ я Ему объ опредѣленіи въ Попечители Московскаго Университета, Сенатора Муравьева-Апостола. «Какъ! сказалъ Онъ мнѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: ты представляешь въ Попечители Муравьева Ивана Матвѣевича?»—«Да, Государь,» отвѣчалъ я. «Но коротко ли ты его знаешь?» спросилъ Онъ.—«Коротко—не могу сказать, отвѣчалъ я, но сужу о немъ по тому, что онъ, кажется, человѣкъ съ познаніями и говоритъ на многихъ языкахъ.»—«Ну такъ Я скажу тебѣ о немъ: Я коротко его знаю, продолжалъ Онъ: это человѣкъ самой вредной и худой, какой только есть на свѣтѣ.» Тутъ разсказалъ Онъ мнѣ о его дѣлахъ и поступкахъ въ бытность его Посланникомъ въ Испаніи и недоброжелательствѣ къ Нему лично, къ Отечественнымъ пользамъ и, словомъ, описалъ его самыми черными красками.—«Если такъ, сказалъ я, выслушавъ сіе, то простите мнѣ, что я, не знавъ о томъ, осмѣлился его представить; но позвольте мнѣ, Государь, спросить: какимъ же образомъ недавно изволили Вы сдѣлать его Сенаторомъ?»—«Я не хотѣлъ мстить и помнить прежняго, отвѣчалъ Онъ.— «Не угодно ли будетъ Вамъ, продолжалъ я, опредѣлить его Членомъ въ Правленіе Училищъ? Тутъ онъ ни чего худаго сдѣлать не можетъ, а, можетъ быть, подастъ иногда такое мнѣніе, котораго полезность общимъ согласіемъ примется и утвердится мною.»— Государь нѣсколько поморщился, однако жь, напослѣдокъ, какъ бы не хотя, сказалъ: «Хорошо!» Спустя нѣкоторое время послѣ сего когда сей Господинъ Муравьевъ-Апостолъ подалъ въ Сенатѣ голосъ свой, и когда принужденъ я былъ написать противъ того мое возраженіе (см. выше), былъ я съ докладами у Государя. Онъ, по выслушаніи бумагъ моихъ, спросилъ у меня: «Доволенъ ли я всѣми тѣми Членами, которые, по представленію моему, опредѣлены въ Правленіе Училищъ?» На неожиданный вопросъ сей, не успѣвши въ скорости сообразиться, отвѣчалъ я: «Дово-

ленъ.» — «Какъ? продолжалъ Онъ: всѣми безъ изъятія?» — Тутъ вспомнилъ я о Муравьевѣ и сказалъ Ему: «Виноватъ, Государь, не всѣми: есть одинъ, которымъ я, узнавъ его короче, весьма недоволенъ.» —«Кто жь, кто жь такой это?» перервалъ Онъ съ торопливостію.—«Муравьевъ-Апостолъ,» сказалъ я.—«А! подхватилъ Онъ; не говорилъ ли Я тебѣ? Теперь ты повѣришь, что я не солгалъ.»—«Государь! Я даже и малѣйшаго сомнѣнія никогда въ томъ не имѣлъ», отвѣчалъ я. Таковъ былъ разговоръ нашъ тогда, когда Ему письменная моя съ симъ Сенаторомъ распря была уже извѣстна. Кто жь послѣ сего повѣритъ, что Онъ тихимъ образомъ призывалъ къ Себѣ Муравьева и благодарилъ за поданный имъ въ Сенатѣ голосъ! Я бы охотно въ томъ усомнился, но слышалъ это отъ людей достовѣрныхъ, и при томъ какъ изъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдовавшихъ, обстоятельствъ видны были явные тому признаки. Одинъ изъ Сенаторовъ сказывалъ мнѣ, что предъ тѣмъ временемъ, какъ дѣло о Госнерѣ и Поповѣ долженствовало быть судимо въ Общемъ Собраніи Сената, Тургеневъ (сынъ выше упомянутаго Тургенева) и нѣкоторые другіе, защитники сего, пріѣзжали нарочно къ нему уговаривать его, чтобъ онъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые будутъ оправдывать Попова, и даже, въ противномъ случаѣ, грозили ему худыми послѣдствіями. Когда дѣло сіе потомъ поступило въ Государственный Совѣтъ, то многіе изъ Членовъ онаго, иные по собственному своему въ томъ участію, а другіе по расчисленію, что выгоднѣе держаться сильнѣйшей стороны, приставали къ ней.

И такъ хотя смѣна Министра Народнаго Просвѣщенія, изгнаніе Госнера, данный на имя мое Рескриптъ, позволеніе вновь напечатать книгу Станевича, закрытіе Библейскихъ Обществъ и проч., съ одной стороны, гласно обвиняли дѣйствія прежняго Министерства Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, однако жь, съ другой, не только защита, но и награды тѣмъ, кои были въ немъ дѣйствующими лицами, столь же гласно показывали одну токмо наружность сихъ мѣръ, безъ всякаго намѣренія и желанія приводить ихъ въ дѣятельное исполненіе. Отселѣ прежняя сторона, видя себя покровительствуемою, не переставала усиливаться и противоборствовать разрушенію положенныхъ ею оснований. Мудрено ли, что, при такомъ расположеніи умовъ, многіе смотрѣ-

ли на меня, какъ на человѣка страннаго, хотящаго ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока.

Продолженіе историческое.

Государь Императоръ, съ супругою Своею, по причинѣ болѣзни ея, отправился въ Таганрогъ; Онъ простился со мною милостиво, обнялъ меня и поцѣловалъ. Могъ ли я тогда подумать, что это было мое послѣднее съ Нимъ свиданіе? Неожидаемая ни кѣмъ о смерти Его вѣсть, приходитъ и повергаетъ всѣхъ въ смятеніе. Собираютъ Государственный Совѣтъ. Графъ Милорадовичъ, Военный Губернаторъ и Членъ Совѣта, объявляетъ новаго Императора, Великаго Князя Константина Павловича (находившагося тогда въ Варшавѣ), и приглашаетъ итти къ присягѣ, сказывая, что Великій Князь Николай Павловичъ, старшій по немъ братъ, уже присягнулъ. Всѣ мы готовы были итти въ церковь, но Князь Лопухинъ и Князь Голицынъ предложили, что надобно напередъ прочитать хранящуюся за печатью бумагу, въ которой изображена воля покойнаго Императора. Я возразилъ противъ сего, предлагая, что бумагу можно открыть послѣ; ибо, если, паче чаянія, въ ней заключается что ни будь такое, которое можетъ общее мнѣніе привесть въ разногласіе, весьма въ подобныхъ обстоятельствахъ опасное, то лучше прочитать ее по совершеніи присяги и тогда рѣшить, нужно ли содержащее въ ней обнародовать, или не нужно. На сіе Князь Голицынъ отвѣчалъ мнѣ, что бумага эта ему извѣстна, писана его рукою, и что она не произведетъ ни какого разногласія. Послѣ сего я замолчалъ. Принесли запечатанный ящикъ, бумагу вынули, распечатали и прочитали. Она, къ общему всѣхъ удивленію, содержала въ себѣ отреченіе Великаго Князя Константина Павловича отъ Престола, съ уступленіемъ права своего младшему брату его, Николаю Павловичу. По прочтеніи сего, общее мнѣніе раздѣлилось: одни хотѣли присягать одному, другіе—другому. Графъ Милорадовичь представлялъ, что Великій Князь Николай Павловичъ самъ присягнулъ уже брату своему, и что должно ему въ томъ послѣдовать; однако жь нѣкоторые тому противорѣчили. Видя несогласіе, Милорадовичъ сказалъ, что онъ пойдетъ доложить о семъ Великому Князю, который, конечно, не умедлитъ самъ сюда прійти. Тогда всѣ согласились лучше для

объясненія пойти къ нему, нежели его призывать въ Совѣтъ. Тотчасъ всѣ мы отправились въ его покои. Онъ вышелъ къ намъ, и всѣхъ, со слезами въ очахъ, убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривалъ, чтобы мы шли присягнуть Константину Павловичу. Мы всѣ молчали. Одинъ Князь Голицынъ, держа въ рукахъ вышеупомянутую бумагу, неотступно просилъ его прочитать оную. Великій Князь не хотѣлъ читать, говоря, что онъ о содержаніи ея извѣстенъ; но Голицынъ приступалъ къ нему неотвязно, такъ что онъ напослѣдокъ взялъ ее, прочиталъ поспѣшно въ слухъ и, поцѣловавъ Голицына съ жаромъ въ голову, сказалъ: «Знаю, Александръ Николаевичъ, знаю все; но прошу всѣхъ васъ со слезами, успокойте меня и Матушку, подите къ Ней и скажите, что вы присягаете Константину Павловичу!» При сихъ словахъ онъ почти каждаго изъ насъ бралъ за руку и упрашивалъ сдѣлать сіе непремѣнно. Мы пошли къ Императрицѣ. Она въ глубокой печали сидѣла въ черномъ одѣяніи. Всѣ мы со слезами подошли къ Ней. Она прерывнымъ голосомъ сказала намъ, что, хотя, по волѣ покойнаго Императора и Ея собственной, сдѣлано завѣщаніе, въ которомъ Константинъ Павловичъ отрицается отъ принятія Престола, однако жь по праву должно Ему вступить на оный. По изреченіи сего отпустила насъ, и мы присягнули новому Императору. Ожидали скораго прибытія его изъ Варшавы, но оно, безъ всякаго объясненія о причинахъ, продлилось нѣсколько недѣль, такъ что наконецъ стали носиться о семъ разные толки и слухи. Великій Князь Михаилъ Павловичъ поѣхалъ самъ къ нему, и нѣсколько времени былъ отсутственъ. Всѣ почитали его въ Варшавѣ, но начали приходить извѣстія, что онъ остановился и живетъ на дорогѣ. Между тѣмъ въ Вѣдомостяхъ возвѣщено было, что Императоръ скоро будетъ. Обстоятельства сіи приводили всѣхъ въ нѣкоторую неизвѣстность и недоумѣніе. Напослѣдокъ, Декабря въ 13 день, сзываютъ Государственный Совѣтъ, назнача время въ 6 часовъ по полудни. Мы собираемся, не вѣдая тому причины, выключая, можетъ быть, одного Князя Голицына, который, по особой довѣренности, присутствовалъ въ комнатныхъ у Императрицы совѣщаніяхъ, при коихъ, какъ сказываютъ, находились также Карамзинъ (исторіографъ), Шторхъ (академикъ), Жуковскій (стихотворецъ) и нѣкоторые другіе. Когда мы собрались, то возвѣстили намъ, что оба

Великіе Князья, Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, будутъ въ Совѣтѣ (послѣдній не возвратился еще изъ своего путешествія, но сказано было, что онъ уже близко и сего же вечера пріѣдетъ). Всѣ мы сидимъ въ глубокомъ молчаніи часъ, два, три и болѣе. Наступаетъ полночь; позвали насъ ужинать. Отужинавъ, садимся мы опять по своимъ мѣстамъ. Тутъ вскорѣ приходитъ Великій Князь Николай Павловичъ, садится между нами, и начинаетъ самъ читать письма Константина Павловича къ нему и къ матери своей, Императрицѣ, въ которыхъ онъ отрицается навсегда отъ принятія Престола и говоритъ, что онъ уже присягнулъ брату своему, Николаю Павловичу. Въ слѣдствіе сего новый Императоръ, Николай I, подозвалъ къ Себѣ Министра Юстиціи, Князя Лобанова-Ростовскаго, и сказалъ намъ, между прочимъ: «Сегодня Я васъ прошу, а завтра буду приказывать»; поручилъ ему бумаги сіи тотчасъ напечатать и обнародовать и поутру привесть всѣхъ къ присягѣ. По окончаніи сего откланялся намъ, ушелъ—и мы всѣ разъѣхались.

На другой день, чувствуя себя не очень здоровымъ, поѣхалъ я, однако жъ, во дворецъ, присягнулъ, возвратился домой и хотѣлъ опять ѣхать туда же, но голова у меня такъ разболѣлась, что я принужденъ былъ лечь въ постель. Едва успѣлъ я раздѣться, какъ вдругъ прибѣжали мнѣ сказать, что войска, собравшись на Исакіевской площади, бунтуютъ, не хотятъ присягать, и что нѣкоторые изъ Генераловъ, хотѣвшихъ ихъ унять, изрублены. Встревоженный сею вѣстію, я рѣшился было, не смотря на головную боль мою, чрезъ силу ѣхать во дворецъ, но мнѣ сказали, что, по причинѣ великаго стеченія людей, проѣхать будетъ трудно. Чрезъ полчаса потомъ услышалъ я, что Графъ Милорадовичъ проскакалъ верхомъ мимо нашего дома, шатающійся, блѣдный и безъ шляпы. Я послалъ провѣдать о немъ и, къ крайнему сожалѣнію моему, услышалъ, что онъ раненъ. Одинъ изъ бунтующихъ Офицеровъ, нѣкто Каховскій, выстрѣлилъ въ него, когда онъ подъѣхалъ уговаривать солдатъ, чтобъ они оставили дерзновенное свое намѣреніе, и рана была такъ смертельна, что онъ на третій день умеръ. Такимъ образомъ храбрый военачальникъ сей, мимо котораго, въ разныя многократныя сраженія, столько непріятельскихъ пуль и ядеръ пролетѣло, погибъ, посреди столицы, отъ рукъ своего соотечественника.

Между тѣмъ другія, не участвовавшія въ возмущеніи, войска, конныя и пѣшія, собрались, привезли пушки и, послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ покушеній привести возмутившихся въ послушаніе, по отверженіи ими увѣщаній Митрополита, подходившаго къ нимъ съ крестомъ въ рукахъ и въ полномъ облаченіи, Государь, видя непокорность ихъ, приказалъ палить въ нихъ картечью. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, при наступившихъ уже сумеркахъ, всѣ они, бросивъ ружья, побѣжали и разсѣялись. Пальба прекратилась, но страхъ и безпокойство еще господствовали. Часть изъ войска преслѣдовали бѣгущихъ, другая же главная часть расположилась на площади, противъ дворца, и ночевала тутъ съ раскладенными огнями. Съ наставшимъ утромъ открылось ужасное зрѣлище: Исакіевская площадь обагрена была кровію, множество тѣлъ лежало на ней; оторванныя руки и ноги валялись по мостовой. Скопившаяся толпа народа пострадала вмѣстѣ съ бунтовщиками. День сей, сколь ни былъ злополученъ и для многихъ бѣдственъ, однако жь, онъ послужилъ къ нѣкоторому добру; ибо чрезъ него открылся между многими военнослужащими и гражданскими чиновниками заговоръ, состоявшій въ умыслѣ на жизнь покойнаго Императора, на весь Царскій Домъ и на перемѣну Правительства: плоды тѣхъ зловредныхъ дѣйствій и книгъ, противъ которыхъ я, въ выше означенныхъ письмахъ моихъ, безполезно вооружался.

Впрочемъ, въ сіи смутные сутки, къ чести Русскаго народа, можно замѣтить то, что нигдѣ, ниже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ частяхъ города, не произошло ни какихъ буйствъ и грабежей.

По водвореніи устройства и тишины, Императоръ приступилъ къ исправленію дѣлъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при покойномъ Государѣ. Мнѣ, для докладовъ по моему Министерству, назначенъ былъ тоже одинъ день въ недѣлю. Когда я первый разъ пришелъ съ бумагами, Его Величество, хотя и никогда не имѣлъ я прежде случая бывать у Него, или съ Нимъ бесѣдовать, принялъ меня весьма милостиво. Ободренный симъ, сказалъ я Ему: «Государь! Позвольте мнѣ напередъ доложить Вамъ о себѣ самомъ: ни я, ни служба моя, ни образъ мыслей моихъ, ни сношенія мои съ покойнымъ Императоромъ по дѣламъ весьма

немаловажнымъ, Вамъ не извѣстны, а по тому и почитаю я за должное, Вашему Величеству, при вступленіи Вашемъ на Престолъ, обо всемъ ономъ донести, дабы имѣли Вы полное о томъ свѣдѣніе.» Онъ позволилъ, — и тогда я, разсказавъ Ему, какимъ образомъ и въ какія времена взятъ я былъ, сперва въ Государственные Секретари, а потомъ въ Министры Просвѣщенія, спросилъ у Него: «Извѣстна ли Ему причина, по какой, въ 1812 году, покойный Государь, оставя въ окрестностяхъ Дриссы предводительство Свое надъ войсками, отправился въ Москву? И когда Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, тогда подалъ я Ему небольшое описаніе о семъ, * которое Онъ въ то же время прочиталъ и согласился со мною, что безъ сего событія могли бы произойти совсѣмъ иныя слѣдствія. На многіе еще вопросы мои о приключеніяхъ, происходившихъ отъ опасныхъ и вредныхъ толкованій о Вѣрѣ и Правительствѣ, отзывался Онъ, что не имѣлъ ни какихъ о томъ свѣдѣній. Тогда отдалъ я Ему всѣ мои замѣчанія и письма, писанныя мною къ покойному Государю Императору и къ Графу Аракчееву, сказавъ при томъ, что я счелъ за долгъ со всею подробностію увѣдомить Его о томъ, что до восшествія Его на Престолъ по симъ дѣламъ происходило. Онъ обѣщалъ это прочитать и, казалось, былъ доволенъ моею съ Нимъ откровенностію, приказалъ мнѣ написать новый Цензурный Уставъ, и отпустилъ меня еще милостивѣе, нежели принялъ.

Письма мои къ Государю Императору Николаю Павловичу.

Первое.

(Января 15 дня, 1826 года.)

«Всемилостивѣйшій Государь!

Скоро представлено будетъ Вашему Величеству дѣло о бывшемъ Директорѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія, División Поповѣ. Дѣло сіе, само по себѣ маловажное, весьма важно по раз-

* Оно находится въ домашнихъ моихъ запискахъ. См. книжка 6.

дѣленію о немъ голосовъ и по гласности онаго, обращающей на него отъ всѣхъ великое вниманіе; а по тому и почитаю я долгомъ предварить Васъ, Государь, сообщеніемъ полнаго о немъ свѣдѣнія.

Вызванный сюда (равно какъ и многіе другіе, подобные ему) иностранецъ Госнеръ долгое время, получая хорошее жалованье, проповѣдывалъ здѣсь, въ особо нанятомъ для него домѣ, тѣ самыя поученія, которыя нынѣшніе Якобинцы и сектаторы вездѣ распространить стараются и въ которыхъ, подъ видомъ толкованія Священныхъ Писаній, преподаются наставленія, противныя всякой Христіанской Вѣрѣ и всякому благоустроенному Правительству. Къ нему собиралось множество слушателей. Напослѣдокъ сочиненную имъ въ семъ духѣ книгу, для большаго еще распространенія сихъ зарazительныхъ ученій, перевели на Русскій языкъ и уже почти всю напечатали, но не знаю, какимъ образомъ доведено о семъ было до свѣдѣнія блаженной памяти Государя Императора.

Книгу сію, присланную отъ него въ Комитетъ Господъ Министровъ, приказано было Министру Внутреннихъ Дѣлъ и мнѣ разсмотрѣть. Мы сдѣлали изъ ней выписки, съ объясненіемъ содержащагося въ нихъ смысла и представили въ Комитетъ. Члены Комитета всѣ безъ изъятія утвердили наше мнѣніе; въ слѣдствіе сего покойный Императоръ повелѣлъ сочинителя ея, Госнера, выслать за границу, книгу его сжечь, и тѣхъ, которые хотѣли выдать ее на Русскомъ языкѣ, отдать подъ судъ. Но какъ переводчикъ ея, Брискорнъ, умеръ, то и преданъ суду выше упомянутый Директоръ Поповъ, изобличенный въ поправленіи ея собственною своею рукою (Поповъ передъ тѣмъ ѣздилъ въ Англію, подъ предлогомъ болѣзни, но всѣ знаютъ, что для сношенія съ тамошними Методистами). На вопросъ, сдѣланный Попову, съ какимъ намѣреніемъ поправлялъ столь вредную книгу, отвѣчалъ онъ, что почиталъ Госнера человѣкомъ благочестивымъ и книгу его таковою же. Когда дѣло сіе поступило въ Общее Собраніе Сената, тогда Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ подалъ письменный голосъ, въ которомъ, оправдывая Попова, говоритъ, однако жъ, что онъ прежняго мѣста своего заступить неспособенъ. Къ сему

голосу многіе Сенаторы пристали. Изъ Сената дѣло сіе поступило въ Государственный Совѣтъ. Обязанный, какъ по участію моему въ разсматриваніи Госнеровой книги, такъ и по долгу справедливости, принужденъ я былъ написать мнѣніе мое противъ голоса Муравьева, тѣмъ паче, что въ немъ, съ нарушеніемъ истины и всѣхъ законовъ, дѣлалось соблазнительное потворство явному злонамѣренію издать ядовитую книгу. Опровергнувъ всякой пунктъ голоса Муравьева, я прочиталъ въ Совѣтѣ доказательства мои, останавливаясь при каждомъ изъ оныхъ и прося Господъ Членовъ, не угодно ли кому сдѣлать мнѣ возраженіе, которое я охотно выслушаю и буду на него отвѣчать. Ни кто не сказалъ мнѣ ни чего вопреки, а по тому и думалъ я, что всѣ согласны со мною; но когда, по прочтеніи, начали отбирать голоса, то многіе оказались на сторонѣ Муравьева. Такимъ образомъ и по Совѣту мнѣнія раздѣлились, половина на половину. Въ семъ видѣ дойдетъ дѣло сіе до Вашего Величества, и какъ отъ рѣшенія онаго произойти могутъ послѣдствія, ободрительныя для той или другой стороны, то и укорилъ бы я себя неусердіемъ къ Престолу и Отечеству, если бы не довелъ до свѣдѣнія Вашего всѣхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣло сіе и которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

Госнеръ проповѣдываніями своими и книгою, а еще больше оказываемымъ ему покровительствомъ, привлекъ на свою сторону многихъ, защищающихъ его и по нынѣ, подъ видомъ будто бы, по Лютеранскому Вѣроисповѣданію своему, онъ могъ тому учить, чему училъ. Но такая заступа за него происходитъ или отъ людей, вдавшихся въ его ученія, или отъ не проникшихъ цѣли его, или по одной наслышкѣ о немъ отъ его послѣдователей, или изъ угожденія, видя его въ сильномъ покровительствѣ. Наставленія его, напротивъ, не взирая на всю хитрость прикрыванія ихъ текстами Священнаго Писанія, противны всякой Вѣрѣ, всякой нравственности и всякому Правительству. Изъ многихъ мѣстъ книги его, согласно съ подобными же другими книгами, около того же времени во множествѣ выпущенными, очевидно это явствуетъ. Госнеръ, сверхъ сего, по изгнаніи его, прислалъ тайнымъ образомъ сюда нѣсколько экземпляровъ пѣсни съ нотами, въ которой вообще всякую Христіанскую Церковь и всѣхъ вѣрующихъ въ

нее именуетъ служителями антихриста, а послѣдователей своихъ называетъ малымъ, осиротѣвшимъ безъ него, стадомъ, увѣщеваетъ ихъ не унывать, быть вѣрными ему, обѣщаетъ скоро возвратиться къ нимъ, и увѣряетъ ихъ, что уже тогда ни какая дьявольская сила не посмѣетъ его выгнать. Пѣсни сей болѣе сорока экземпляровъ перехвачены были Оберъ-Полиціймейстеромъ и представлены покойному Государю. По изгнаніи Госнера, сектаторы его остались здѣсь и производили тайныя по домамъ сходбища, которыя открыты, и въ послѣдствіи сего наряжена была Коммисія, состоявшая изъ Графа Милорадовича, меня, Барона Ребиндера и Епископа Сигнеуса. При всѣхъ кроткихъ увѣщаніяхъ, человѣкъ до семидесяти остались упорными въ намѣреніяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что, по причинѣ сего, ни чѣмъ непреодолимаго, упорства, принуждены мы были осудить ихъ къ разосланію и заточенію по разнымъ крѣпостямъ. Снося сіе происшествіе съ тетрадями Есаула, съ посланіями бѣжавшихъ солдатъ, съ распущенными злочестивыми книгами, съ умножившимися расколами и со всѣми другими обстоятельствами, не ясно ли открывается, что Госнеръ зналъ объ успѣхахъ у насъ безвѣрія и долженствующихъ вскорѣ послѣдовать изъ того возмущеніяхъ? Могъ ли онъ безъ полнаго свѣдѣнія о силѣ расплодившихся здѣсь всякаго рода сектъ (ибо всѣ онѣ къ одной цѣли, т. е., къ низверженію Вѣры и Престоловъ стремятся), могъ ли увѣрять о скоромъ своемъ возвращеніи сюда, по тому что Правительство, которое чтитъ онъ дьявольскою силою, не въ состояніи будетъ его выгнать? Вотъ что Госнеръ! Вотъ какимъ намѣреніямъ и поученіямъ его оказываемо было покровительство и ободреніе! Самъ Директоръ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ поправлялъ своею рукою сочиненія его и хотѣлъ, чтобъ оныя изданы были на Русскомъ языкѣ; чего же добраго отъ таковыхъ стараній самаго Правительства можно было ожидать? Два бывшія возмущенія и открытіе стольких, больше или меньше участвовавшихъ въ томъ, молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ, до какой степени, распространеніемъ подобныхъ сочиненій, потрясена была Вѣра! Ибо всѣ сіи лжеумствованія о, такъ называемой, внутренней Церкви (т. е., ни какой), о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи Царей, о пролитіи рѣками

крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага, — всѣ сіи адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, порождаемые безвѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога. Когда и нынѣ, послѣ всѣхъ обнаруженныхъ злонамѣреній, содержащихся въ издаваемыхъ съ давняго времени отъ самаго Правительства книгахъ, ополчавшихся противъ Вѣры и Верховной Власти, и даже послѣ пагубныхъ изъ того послѣдствій, оказавшихся въ наглыхъ и буйственныхъ возмущеніяхъ, когда говорю, и нынѣ таковые Госнеры и соучастники его Поповы находятъ защитниковъ и оправдателей, то видно, что любимое ихъ слово: «духъ времени» крѣпко распространился. Я весьма далекъ отъ того, чтобъ всѣхъ подозрѣвать въ какомъ либо злонамѣренномъ участіи, но, между тѣмъ, нельзя не полагать причиною сему или недостаточное ихъ о семъ свѣдѣніе, или наклонность къ угожденію сторонѣ, по мнѣнію ихъ, многочисленной и могущественной. Немного таковыхъ, которые бы, не увлекаясь разсчетами честолюбивыхъ видовъ, хотѣли лучше терпѣть за истину, нежели безъ нея блаженствовать.

Равнымъ образомъ я весьма далекъ и отъ того, чтобъ желать Попову, или кому бы то ни было, причинить какой либо вредъ, но еще несравненно далѣе отъ того, чтобъ для какого ни будь лица, ниже для самаго себя, пожертвовать пользами Церкви, Престола и Отечества.

Всемилостивѣйшій Государь! Долгъ вѣрноподданнаго не позволилъ мнѣ умолчать о семъ, предстоящемъ рѣшенію Вашего Величества, дѣлѣ. Оно важно по тому, что оправданіе Попова умножитъ силу и такъ уже весьма усилившейся стороны, отнимаетъ смѣлость и уменьшитъ число тѣхъ, которые по чистой совѣсти стоятъ за правду, и подаетъ поводъ къ подаванію и впредь такихъ отступающихъ отъ всякихъ законовъ и здраваго разсудка голосовъ, каковъ есть голосъ Сенатора Муравьева-Апостола. Ища собственныхъ моихъ выгодъ, я умѣлъ бы промолчать о семъ, или не прекословить многимъ другимъ, дабы не вооружить ихъ противъ себя; но, Государь, мнѣ уже поздно въ старости помышлять о томъ, о чемъ я и въ молодости никогда не помышлялъ. При томъ же, когда блаженной памяти Императору дерзалъ я говорить правду, хотя и зналъ, что ему трудно было рѣшиться гласно

и громко пойти противъ того, что самъ онъ прежде вводилъ и одобрялъ, то не обязанъ ли я буду, по долгу и усердію, Тебѣ, Государь, не участвовавшему въ сихъ попущеніяхъ, чистому дѣлами и душею, говорить то же? Богъ да направитъ всѣ Твои дѣянія къ собственному Твоему и Царства Твоего благоденствію!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

А. Ш.»

NB. Письмо сіе не имѣло успѣха: Поповъ былъ оправданъ и награжденъ, а Муравьевъ-Апостолъ, по желанію его, отпущенъ милостиво въ чужіе края.

Судъ послѣ бывшаго возмущенія.

Четырнадцатый день Декабря (1825 г.) открылъ между многими воинскими и гражданскими Чиновниками преступный противъ Правительства заговоръ, по которому многіе разнаго званія люди, иные здѣсь были взяты, другіе изъ разныхъ мѣстъ привезены и заключены въ крѣпость. По сему случаю наряжена была особая Коммисія для личныхъ допросовъ и точныхъ изслѣдованій всѣхъ дѣлъ сего обстоятельства. По окончаніи сего изслѣдованія, продолжавшагося около четырехъ мѣсяцевъ, составленъ былъ изъ четырехъ сословій, т. е., изъ Комитета Министровъ, Государственнаго Совѣта, Правительствующихъ Сената и Синода, тако же и другихъ нѣкоторыхъ воинскихъ чиновъ, Верховный Судъ, который, по разсмотрѣніи дѣйствій и намѣреній каждаго преступника, долженствовалъ, по большинству голосовъ, опредѣлить ему мѣру наказанія. Изъ числа оныхъ 5 человѣкъ осуждены были на смертную казнь, прочіе же всѣ приговорены къ лишенію чиновъ, дворянства и отсланію въ Сибирь на срочныя времена, въ каторжную работу, или на поселеніе. Я не присутствовалъ при началѣ отбиранія сихъ голосовъ, по тому что сдѣлался боленъ и не прежде, какъ чрезъ два дни, могъ явиться опять въ собраніе. Тутъ по усмотрѣніи, что исчисленіе большинства голосовъ произ-

водилось не такимъ образомъ, какимъ, по моему мнѣнію, было бы оно гораздо справедливѣе, и какъ по симъ двумъ счетамъ выходила не малая разность во времени, на какое осуждались виновные, то и подалъ я противъ сего, сдѣланнаго безъ меня, счета мое возраженіе, заключавшееся въ ниже слѣдующихъ словахъ.

Исчисленіе большинства голосовъ сдѣлано было слѣдующимъ образомъ:

Полагая, на примѣръ, что изъ 70 человѣкъ присутствующихъ членовъ 4 члена осуждаютъ на смерть,
24 » » на политическую смерть, т. е., на вѣчное заточеніе,
10 » » на временное 20-тилѣтнее заточеніе,
15 » » на 12-тилѣтнее заточеніе,
11 » » на 10-тилѣтнее заточеніе,
6 » » на 8-милѣтнее заточеніе.

По симъ голосамъ сочтено за большинство оныхъ число 24, яко превосходнѣйшее противу всѣхъ прочихъ, взятыхъ порознь, и по тому рѣшено, что подсудимый приговоренъ къ вѣчному заточенію.

Но сей счетъ не вѣренъ и ошибоченъ. Надлежитъ расчислять слѣдующимъ образомъ:
4 члена осуждаютъ на отнятіе жизни,
66 член. присуждаютъ сохранить жизнь.

Слѣдовательно, большинство голосовъ состоитъ изъ шестидесяти шести противъ четырехъ. И такъ первый вопросъ рѣшенъ: 4 голоса отвергаются, остаются 66, по коимъ подсудимый приговоренъ къ сохраненію жизни.

Изъ сихъ шестидесяти шести голосовъ остающихся судьями
24 осуждаютъ на вѣчное заточеніе,
42 на временное.

Слѣдовательно, большинство голосовъ состоитъ изъ 42 противъ 24. И такъ второй вопросъ рѣшенъ: 24 голоса отвергаются,

остается 42, по коимъ подсудимый приговаривается къ заточенію временному.

Изъ сихъ сорока двухъ голосовъ:

10 осуждаютъ на 20-лѣтнее заточеніе,
15 » на 12-лѣтнее,
11 » на 10-лѣтнее,
6 » на 8-лѣтнее.

Здѣсь изъ сихъ членовъ, оставшихся по отверженіи прочихъ, единственными судьями, всѣ они въ главномъ приговорѣ (т. е., въ осужденіи на временное заточеніе) согласны, но разнятся только въ опредѣленіи числа лѣтъ. И такъ ежели и здѣсь изъ сихъ четырехъ раздѣленій взять за большинство голосовъ число 15, яко превосходнѣйшее, то и въ этомъ не будетъ точной справедливости; ибо, хотя оно превышаетъ всѣ другія числа, но также превышаетъ только каждаго изъ нихъ порознь, а не всѣхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ всѣ они совокупно составляютъ число 27 и всѣ вообще говорятъ не то, что утверждаютъ 15 членовъ, а по тому большинство голосовъ долженствовало бы быть на ихъ сторонѣ; но какъ и они, т. е., всѣ три раздѣленія, не согласны между собою и каждое изъ нихъ опредѣляетъ разное число лѣтъ, то и оные не могутъ составлять большинства голосовъ. Въ такомъ случаѣ, для соблюденія точнаго вывода, надлежитъ взять въ разсужденіе голосъ каждаго члена.

Сей выводъ достовѣрнѣйшимъ образомъ извлечется слѣдующимъ расчисленіемъ:

Каждый	изъ	10	членовъ	осуждаетъ на	20	лѣтъ,	выходитъ	200.
»	»	15	»	»	12	»	»	180.
»	»	11	»	»	10	»	»	110.
»	»	6	»	»	8	»	»	48.

Такимъ образомъ, слагая сіи числа, будутъ 42 и 538, изъ коихъ, раздѣляя второе на первое,

$$\frac{538}{42}=12\frac{17}{21},$$

выйдетъ, что, по среднему числу, каждый изъ 42 членовъ приговариваетъ подсудимаго къ заточенію на $12\frac{17}{21}$, т. е., почти на 13 лѣтъ, а не на вѣчное, какъ выходило по прежнему расчисленію. Столь не малая разность въ приговорахъ, опредѣляющихъ участь человѣческую, не можетъ быть оставлена безъ обращенія на то правосуднаго вниманія.

Примѣчаніе. Справедливость и надобность изложеннаго здѣсь послѣдняго расчисленія еще яснѣе усмотрѣть можно изъ слѣдующаго соображенія: здѣсь число членовъ пришлось въ каждомъ раздѣленіи не равное, и по тому превосходнѣйшее изъ сихъ чиселъ, то есть, 15, могло, хотя и неправильно, быть принято за большинство голосовъ. Но ежели бы въ четырехъ раздѣленіяхъ число членовъ случилось равное, на примѣръ:

10 членовъ осуждали бы на 20 лѣтъ
10 » » » » 12 »
10 » » » » 10 »
10 » » » » 8 »

то какое бы изъ нихъ принять за большинство голосовъ? Ни какое; по тому что ни одно изъ нихъ не превышаетъ другого: и тогда, чтобъ узнать, къ чему приговаривается подсудимый, непремѣнно надлежало бы прибѣгнуть къ выше показанному способу, то есть, вывесть, уравнивающее голоса ихъ, среднее число, а именно:

$$\left.\begin{array}{l}10 \times 20 = 200\\ 10 \times 12 = 120\\ 10 \times 10 = 100\\ 10 \times 8 = 80\end{array}\right\}\frac{500}{40} = 12\frac{1}{2} \text{ лѣтъ.}$$

Подано Іюля 5-го дня, 1828 года.

А. Ш.

Записка сія прочтена была въ Общемъ Собраніи Верховнаго Суда и хотя многіе изъ членовъ признавали ее справедливою, но

предсѣдательствующій въ семъ Собраніи, Князь Куракинъ, объявилъ, что какъ дѣло уже кончено, то не можетъ онъ допустить къ возобновленію онаго по новому расчисленію. Не удовольствовавшись, однако жь, симъ, я, при письмѣ моемъ, препроводилъ сію Записку къ Государю Императору, но на оную не воспослѣдовало ни какого отвѣта.

Второе письмо къ Государю Императору.

(Декабря отъ 12 дня, 1826 года.) *

«Всемилостивѣйшій Государь!

Всѣмъ извѣстно, и ни какому сомнѣнію не подвержено, что, возникшая въ концѣ прошедшаго вѣка, Французская революція приготовлена была и произошла отъ слабаго смотрѣнія Прави-

* Письмо сіе написано по поводу оклеветаній Цензурнаго Устава и внушеній Государю Императору, яко бы Уставъ сей содержалъ въ себѣ многія неприличныя нынѣшнимъ временамъ строгости, стѣсняющія свободу писателей, и препятствующія распространенію и успѣхамъ просвѣщенія. Между тѣмъ какъ вольнодумство и самолюбіе старались сими толками благонамѣренность Устава представить въ превратномъ видѣ, учрежденъ былъ изъ довѣренныхъ лицъ особый Комитетъ, которому поручено было составить Цензурный Уставъ для иностранныхъ книгъ; но Комитетъ сей, оставя порученное ему дѣло, — принялся разсматривать и опорочивать изданный уже для Россійскихъ книгъ Цензурный Уставъ. Опороченіе сіе сочиняли два человѣка, изъ коихъ одинъ написалъ и напечаталъ нѣкогда рѣчь, наполненную такими противными Правительству и всякому благоустройству умствованіями, за которыя надлежало бы его подвергнуть отвѣтственности; а другой также нѣкогда написалъ на одно изъ сочиненій моихъ критику, которой нелѣпость обнаружена была мною (См. въ сочиненіяхъ моихъ часть IV, стр. 91, присовокупленіе къ тремъ статьямъ подъ заглавіемъ: Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія). Сей послѣдній, съ помощію перваго, сочинилъ отъ лица Комитета критику на поднесенный мною и утвержденный Государемъ Императоромъ Цензурный Уставъ. Критика сія весьма скудоумная, сочиненная по видимому сколько по вольнодумству, столько же по недостаточному о вещахъ свѣдѣнію, а, можетъ быть, и по злобѣ на меня опровержена возраженіями Предсѣдателя Цензурнаго Комитета, Генералъ-Маіора,

тельства за свободою книгопечатанія. Самые ученѣйшіе, но неблагочестивые люди, какъ-то: Волтеры, Даламберты, Дидероты и множество другихъ, были главною и первоначальною тому виною. Острый умъ ихъ и краснорѣчивое перо, повинуясь внушеніямъ гордости и самолюбія, посѣяли тѣ сѣмена, которыя, созрѣвъ и расплодя вольномысліе и безнравственность, поколебали Вѣру и Престолъ. По претерпѣніи ужаснѣйшихъ бѣдствій, изнемогшая Франція познала заблужденіе свое и возвратилась опять къ прежнему своему Вѣроисповѣданію и Правительству. Но нѣкто, едва ли не справедливо, сказалъ, что Французская революція хотя и погасла во Франціи, однако не истребится прежде, покуда не обойдетъ всѣхъ другихъ Державъ. Событіе сего пророчества мы уже видѣли въ Испаніи, въ Неаполѣ и въ другихъ странахъ. Россія была далеко отъ сего, но и въ ней мы начинаемъ видѣть ту же вкрапшуюся заразу. Небывалые никогда прежде, произвольные толки о Вѣрѣ, о свободѣ, о Правительствѣ, умножили у насъ секты и расколы, возмутили простой народъ, поселили въ неопытные умы и сердца молодыхъ людей надменность по собственнымъ ихъ мечтаніямъ учреждать образъ Правительства. Все сіе не догадками одними, но самыми происшествіями, подтвер-

---

Карбонье, и моими, въ особой тетради написанными. Я имѣлъ повелѣніе присутствовать въ семъ Комитетѣ, но, видя въ немъ явное противъ меня возстаніе, или лучше сказать противъ правилъ моихъ, отвергающихъ революціонное Французское правило свободнаго книгопечатанія, я отказался отъ того, считая, что въ письмѣ моемъ къ Государю Императору все то сказано, что сказать надлежало, и что послѣ сего тщетно буду я убѣждать людей, раздраженныхъ моими словами, различнаго со мною образа мыслей, и столько же надѣющихся на свое уполномочепіе, сколько не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на представляемыя имъ доказательства. По сей причинѣ просилъ я Государя Императора позволить присутствовать въ Комитетѣ вмѣсто меня Г. Карбонье, донося при томъ, что я готовъ на всякую статью сочиняемаго ими новаго Цензурнаго Устава отвѣтствовать, дѣльно ли выкинута старая и полезна ли, или нѣтъ, вводимая ими новая статья. По нѣкоторыхъ о томъ прѣніяхъ прошло болѣе полугода въ совершенномъ молчаніи; Комитетъ даже не собирался и ни чего не дѣлалъ. Казалось, это отложено и предано забвенію; но вдругъ вышелъ Указъ, по которому, на мѣсто стараго Цензурнаго Устава, утвержденъ новый. Скоро послѣ сего и я, по желанію моему, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія уволенъ.

ждается. Изъ многихъ дѣлъ и донесеній видимъ мы умноженіе вольнодумства и безвѣрія не только въ свѣтскихъ, но даже и въ духовныхъ лицахъ, до такой степени развратившихся, что нѣкоторые изъ нихъ, при чтеніи въ церквахъ Указа, подтвердившаго о крѣпостной зависимости, ободряли прихожанъ своихъ не повиноваться законной власти, и многія подобныя тому неистовства проповѣдывали. Видимъ, чего прежде не было, частыя возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ, съ упорнымъ требованіемъ вольности, которая, по ихъ понятію, состоитъ въ тунеядствѣ и необузданности. Видѣли съ ужасомъ прошлогоднее Декабря 14 число, въ которое открылось уже не въ простомъ народѣ, но въ чиновныхъ—Князьяхъ и Дворянахъ, и писателяхъ, называвшихъ себя просвѣщенными и образованными людьми, одаренными остротою ума и свѣтскими пріятностями,—открылось, говорю, такое, основанное на заблужденіяхъ и безвѣріи, преступное злоумышленіе, какому доселѣ въ семъ классѣ людей не было никогда примѣра; ибо какимъ простымъ невѣждамъ, кромѣ обезумѣвшихъ отъ ложныхъ мечтаній ума, могло прійти въ голову истребить весь Царскій Домъ и самимъ сѣсть на Престолъ? Все сіе какъ во Франціи, такъ и у насъ, породилось отъ распространенія и чтенія мистическихъ, безнравственныхъ книгъ и журналовъ, безъ должнаго разсмотрѣнія проходившихъ чрезъ слабую Цензуру. Для отвращенія сего угодно было блаженной памяти Государю Императору сдѣлать меня Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобъ я сему, вкоренившемуся и постепенно отъ часу болѣе усиливающемуся, злу, подъ именемъ духа времени распространяемому, старался поставить преграду. Онъ обязалъ меня къ тому сильнѣйшими словами. Въ Указѣ Его, данномъ мнѣ, между прочимъ, сказано: «Повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ, сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по Училищамъ наукъ, ни чего, колеблющаго Вѣру и благонравіе, не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и по тому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить неусыпный за симъ надзоръ, истребляя и обличая всякія, разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія, и не допуская ни въ какомъ видѣ существовать и вновь появляться онымъ.» Хотя наименованіе меня Министромъ Просвѣщенія сдѣ-

лано было поздно, когда уже воспитаніе въ безнравственныхъ правилахъ укоренилось, и хотя Указъ обо мнѣ подписанъ былъ безъ вѣдома и вопреки волѣ моей; ибо я не могъ того желать, зная невозможность, безъ крайняго противъ меня вопіянія и даже клеветъ, дѣйствовать и воспротивиться тому, что столько времени было позволяемо и ободряемо; однако жь, чувствуя всю важность изреченія: «народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ», и даннаго мнѣ строгого повелѣнія, подвергавшаго меня отвѣтственности предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ, я, не смотря ни на старость мою, ниже на опасеніе вооружить противъ себя многихъ и сильныхъ противуборниковъ, принялся, со всею способностію умственныхъ и душевныхъ силъ моихъ, за исполненіе возложеннаго на меня толь священнаго долга, представляя покойному Государю Императору, съ откровенностію и чистосердечіемъ обо всемъ томъ, что къ поправленію прежнихъ весьма вредныхъ попущеній необходимо нужно было сдѣлать, и могу смѣло и по справедливости сказать, что въ краткое время моего Министерства остановлены многія злоупотребленія, и дано не только ученію въ Университетахъ, но и въ самомъ Духовенствѣ нашего и другихъ Вѣроисповѣданій иное, съ лучшими правилами и нравственностію согласное, направленіе. Это могутъ засвидѣтельствовать и доказать всѣ мои бумаги и предписанія, данныя мною подвѣдомственнымъ мнѣ мѣстамъ. Въ сіе время Ваше Императорское Величество взошли на прародительскій Престолъ. Я счелъ обязанностію поднести Вашему Величеству всѣ мои представленія блаженной памяти Государю Императору. Принявъ ихъ милостиво Вы, Государь, удостоили меня тою же довѣренностію, поруча мнѣ составить, яко нужнѣйшее и важнѣйшее по выше означеннымъ обстоятельствамъ дѣло, Уставъ и учрежденіе Цензуры. Я, не могши по слабости моего зрѣнія и здоровья, заняться самъ великимъ симъ трудомъ, употребилъ на то Директора Канцеляріи моей, Князя Шихматова, человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ Престола и Отечества, приказавъ ему сообразиться со всѣми, бывшими доселѣ нашими и другихъ Державъ, Уставами и сочиненіями, извлечь изъ того нужнѣйшія, лучшія, принаровленныя къ обстоятельствамъ времени, правила, въ которыхъ бы, не стѣсняя ни малѣйше талантовъ писателей, заграждались пути къ покушеніямъ вводить хитрыя и

часто, распещренныя цвѣтами, злонамѣренныя сочиненія. Князь Шихматовъ совершилъ сей трудъ въ краткое время съ неутомимою ревностію, прочитывая мнѣ каждую, написанную имъ, статью (о ходѣ и производствѣ сего дѣла прилагается особо здѣсь нужное для свѣдѣнія изложеніе). Составленный такимъ образомъ проектъ Устава о Цензурѣ имѣлъ я счастіе представить Вашему Императорскому Величеству на благоусмотрѣніе и чрезъ нѣсколько времени получить оный обратно съ Высочайшимъ Вашего Величества утвержденіемъ. Нынѣ, по поводу повелѣнія Министру Внутреннихъ Дѣлъ о сочиненіи таковаго же Устава для иностранныхъ книгъ, учрежденъ особый Комитетъ, которому, чрезъ Статсъ-Секретаря Муравьева, объявлена слѣдующая Вашего Императорскаго Величества воля: «Комитету сему имѣть сужденіе, не стѣсняясь Цензурнымъ Уставомъ 10 Іюня, сего 1826 года, и въ то же время изложить свои замѣчанія, если нужны будутъ, на сей Цензурный Уставъ 10 Іюня.» Таковое предписаніе Вашего Величества основано на совершенной пользѣ и справедливости сего дѣла; ибо дѣйствительно между сими двумя Уставами должна быть та разность, что нѣкоторыя статьи, нужныя для цензуры Русскихъ книгъ, могутъ быть не нужны для иностранныхъ; а дабы видѣть яснѣе, по какимъ причинамъ сіи статьи не надобны для чужеязычныхъ книгъ, то слѣдовало сдѣлать на то нѣкоторыя замѣчанія, если оныя (какъ сказано въ предписаніи Вашего Величества) будутъ нужны. Но учрежденный Комитетъ принялъ сіе совсѣмъ въ иномъ смыслѣ: онъ, вмѣсто, чтобъ заняться составленіемъ Цензурнаго Устава для иностранныхъ книгъ, приступилъ къ пересмотру и критическому разбору утвержденнаго уже Вашимъ Величествомъ Устава о Русскихъ книгахъ, положа прочитывать оный статья за статьею отъ начала до конца. Не извѣстно мнѣ, по какой волѣ Вашего Императорскаго Величества (ибо изъ выше приведеннаго предписанія оная не явствуетъ), также по какой надобности, по какому приличію и съ какимъ намѣреніемъ, приступлено къ сему пересмотру. Но иннаго въ семъ намѣреніи быть не можетъ, какъ предположеніе, что поднесенный мною Вашему Величеству Уставъ преисполненъ погрѣшностей, а что Вы, Всемилостивѣйшій Государь, по излишней ко мнѣ довѣренности, съ сими самыми погрѣшностями утвердить его благо-

волили; а по тому яко бы настоитъ нужда пересмотрѣть оный и поднести вновь къ утвержденію. Въ такомъ видѣ представляется пересмотръ сей, иной цѣли имѣть не могущій, и таковымъ по всему городу разглашается. Въ сихъ обстоятельствахъ, при всемъ уваженіи моемъ къ Господамъ Членамъ сего Комитета, могъ бы я сказать, что ни долговременная служба, ни опытность, ни усердіе къ пользамъ Государя и Отечества, ни свѣдѣнія мои, конечно, ни кому изъ нихъ не уступающія, не заслуживаютъ столь оскорбительнаго для меня предположенія, по которому неизбѣжно почитаюсь я или не разумѣющимъ ни чего, или, по нерадѣнію о моей должности, дерзнувшимъ поднести Вашему Величеству недостойный утвержденія Вашего Уставъ. Я бы могъ со всею справедливостію сказать сіе, но о моемъ ничтожномъ имени я не забочусь, а если бы толь скорая перемѣна Устава не подвергала священнаго имени Вашего Величества нѣкоей неблаговидности, то бы я на обвиненіе меня въ томъ не отвѣтствовалъ ни слова. Сіе одно жестоко и несправедливо взводимое на меня подозрѣніе, будто бы я необдуманнымъ моимъ представленіемъ осмѣлился не поберечь имени Монаршаго, сіе одно принуждаетъ меня принесть мое оправданіе, состоящее въ слѣдующемъ: 1-е. При составленіи сего Устава (какъ изъ приложенной при семъ о ходѣ сего дѣла Записки усмотрѣть можно) приняты были въ разсужденіе всѣ, относящіяся къ сему, какъ наши, такъ и чужестранныя, сочиненія, съ разборомъ надобности, или ненадобности, заимствованія изъ оныхъ. 2-е. Никто изъ Господъ Членовъ учрежденнаго Комитета не соучаствовалъ въ семъ трудѣ, а по тому и не можетъ съ должнымъ вниманіемъ и подробностію судить о причинахъ, побуждавшихъ ко внесенію въ Уставъ нѣкоторыхъ статей, нужныхъ для удержанія неблагонамѣренныхъ писателей отъ покушеній проходить чрезъ Цензуру хитрымъ прикрываніемъ вредныхъ своихъ мыслей. 3-е. Въ то же время приняты были также къ соображенію и тѣ выше приведенныя обстоятельства, а именно, что пришедшая къ намъ изъ Франціи книжная зараза стала и у насъ оказывать свои успѣхи, которыя побудили блаженной памяти Императора прибѣгнуть къ отдѣленію Духовныхъ Дѣлъ отъ Министерства Просвѣщенія, съ строгимъ сему послѣднему предписаніемъ, обратить неусыпное вниманіе на издаваемыя книги и стараться отвращать всякое внушаемое ими лже-

ученіе и вольнодумство. На руководствѣ сихъ правилъ составленъ изданный о Цензурѣ Уставъ, находимый нынѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, строгимъ и яко бы стѣсняющимъ таланты. 4-е. Изъ обстоятельствъ выше описанныхъ несомнѣнно явствуетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во многихъ изданныхъ книгахъ разсѣяно было множество противныхъ Вѣрѣ и Правительству умствованій, свободно пропускаемыхъ Цензурою (о чемъ легко можно удостовѣриться, когда сдѣлать изъ нихъ хотя нѣсколько выписокъ), и что сіи умствованія произвели уже пагубные плоды, въ умноженіи расколовъ, въ разныхъ возмущеніяхъ оказавшіеся. При таковыхъ временахъ и обстоятельствахъ не знаю, полезна ли слабая Цензура, попускающая быть продолженію того же, что прежде было, и можно ли Цензуру, не препятствующую упражняться въ благоправной словесности, а только поставляющую преграды ухищреніямъ зломыслія, называть строгою и необдуманно поднесенною отъ меня къ Высочайшему утвержденію. Въ прежнемъ Цензурномъ Уставѣ была статья, предписывавшая, въ случаѣ двумыслія, толковать оную въ пользу автора, то есть, позволявшая всякому злонамѣренному писателю, употребляя только нѣкоторую хитрость, сѣять сколько ему угодно нечестія и разврата. Если и нынѣ въ предполагаемой переправкѣ Устава введены въ него будутъ подобныя статьи, или исключены нужныя предосторожности, то сомнительно, чтобъ волненіе умовъ, и такъ уже довольно взволнованныхъ, не поколебало нѣкогда народнаго спокойствія. Почитая долгомъ вѣрноподданнаго донести о семъ Вашему Императорскому Величеству, я осмѣливаюсь испрашивать одной только слѣдующей милости: когда отъ кого изъ Господъ Членовъ Комитета представлено будетъ какое либо мнѣніе, или замѣчаніе, на утвержденный Уставъ, то да позволено мнѣ будетъ разсмотрѣть оное, дабы могъ я знать, въ чемъ оное состоитъ, какими доказательствами обвиняюсь я, справедливы ли они, или нѣтъ. Я готовъ признать мою ошибку, ежели она точно не мечтательными мыслями, но здравымъ разсудкомъ, доказана будетъ. Въ противномъ же случаѣ не моя, но общая, польза и справедливость требуетъ, чтобъ разсматривающій меня разсмотрѣнъ былъ мною. Одностороннее мнѣніе можетъ затмѣвать истину, но обоюдное откроетъ ее лучше и яснѣе. Тогда буду я имѣть счастіе предать то и другое на благоусмотрѣніе Вашего Вели-

чества, и тогда всякое рѣшеніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, приму я съ подобающимъ благоговѣніемъ и молчаніемъ.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный А. Ш.»

А. Книга Госнерова и согласныя съ нею проповѣдыванія его найдены Комитетомъ Господъ Министровъ зловредными для Вѣры и Правительства, по чему, съ утвержденія Его Императорскаго Величества, книга сія сожжена, а самъ Госнеръ, сочинитель ея, высланъ за границу. Послѣ сего не можетъ быть вопроса: виноватъ ли тотъ, кто переводилъ сію книгу на Русскій языкъ, и тотъ, кто поправлялъ ее; ибо всѣ трое имѣли они одинакое намѣреніе издать ее въ свѣтъ. По здравому разсудку переводчикъ и поправлятель еще болѣе виноваты, нежели самъ сочинитель, поелику сей былъ иностранецъ и написалъ книгу на Нѣмецкомъ, чуждомъ намъ, языкѣ, а они, будучи Россійскими подданными, хотѣли то же самое зло сдѣлать вреднѣйшимъ, чрезъ напечатаніе и распространеніе онаго на собственномъ нашемъ языкѣ. Изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше виноватаго осуждать, а больше виноватаго оправдать, не сходно ни съ какимъ понятіемъ о законахъ и правосудіи. Переводчикъ умеръ, а поправлятель живъ и отданъ подъ судъ. При подобныхъ обстоятельствахъ судъ не можетъ состоять въ иномъ, какъ только въ изслѣдованіи, точно ли подсудимый поправлялъ книгу. Если это достовѣрно, то уже непремѣнно достовѣрно и то, что въ намѣреніяхъ сочинителя и переводчикъ соучаствовалъ. Изъ сего непреложнаго заключенія ни какимъ образомъ изъять его нельзя, а по тому и оправдывать нѣтъ возможности, кромѣ развѣ, когда позволено будетъ говорить, не соображаясь ни съ обстоятельствами сего дѣла, ни съ законами, ниже съ здравымъ разсудкомъ. Тогда ни какія доказательства не нужны; ибо, если изъ нихъ ложныя съ истинными равно принимаются, то на что онѣ? Довольно спросить у каждаго о словѣ да, или нѣтъ.

Излагая мнѣніе мое, по неволѣ долженъ я обратиться къ несогласному съ онымъ голосу Г. Сенатора Муравьева, читанному въ Правительствующемъ Сенатѣ. Я нахожусь въ необходимости сдѣлать сіе, поелику въ немъ опровергается все то, что отъ насъ (то есть, отъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и меня) представлено было Комитету Господъ Министровъ. Г. Сенаторъ, въ оправданіе подсудимому, приводитъ слѣдующія разсужденія:

1-е (говоритъ) «что онъ (Г. Сенаторъ) рачительно сличалъ исправленный переводъ съ подлинникомъ и нашелъ: 1-е, что Г. Поповъ въ переводѣ собственно поправлялъ одинъ только слогъ; 2-е, что онъ смысла подлинника нигдѣ не измѣнилъ; 3-е, что своихъ собственныхъ мыслей, вмѣсто авторскихъ, нигдѣ не помѣстилъ; 4-е, что если онъ и цѣлыя страницы на полѣ перевода написалъ своею рукою, такъ это не отъ того, чтобы онъ хотѣлъ составлять цѣлыя страницы (онъ своего ни чего не составлялъ), но единственно по тому, что иначе возможности не было исправить дурной, исполненный Германизмами, слогъ переводчика.»

Г. Сенаторъ представляетъ здѣсь подсудимаго въ такомъ видѣ, какъ будто бы ему велѣно было поправлять переводъ; говоритъ, что иначе не было возможности исправить его. Но кто принуждалъ его къ тому? Какая нужда была исправить злочестивой Нѣмецкой книги худой Русской переводъ? Впрочемъ, сіи слова Г. Сенатора служатъ больше къ обвиненію подсудимаго, нежели къ оправданію; ибо когда Госнерова книга найдена зловредною, то сохранять смыслъ ея и поправлять въ слогѣ переводъ худой, есть хотѣть, для вящшаго вреда, украсить его краснорѣчіемъ и ясностію. Скорѣе могло бы служить извиненіемъ подсудимому, когда бы онъ смыслъ ея измѣнилъ и, вмѣсто худыхъ авторскихъ мыслей, поставилъ свои хорошія.

2-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «что какъ занятіе его (Попова) въ поправленіи перевода было, такъ сказать, механическое, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ съ толкователемъ.»

Сіи слова Г. Сенатора, конечно, могутъ служить нѣкоторымъ извиненіемъ подсудимому, но трудно себѣ представить, чтобы Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія могъ читать и поправлять книгу механически, т. е., безъ всякаго содѣйствія ума и воли. Если и принять такое оправданіе, то развѣ исключительно на одинъ сей случай; ибо распространять оное на другіе случаи весьма опасно, поелику такимъ образомъ всякое, даже уголовное, преступленіе оправдать можно. На примѣръ, двое изобличаются въ томъ, что они убили человѣка, тогда, въ оправданіе обоихъ, или одного изъ нихъ, позволительно будетъ доказывать, что онъ не виноватъ; ибо, смотря на товарища, билъ съ нимъ и, такъ сказать, механически направляя руку свою принужденно за его рукою.

3-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «а не такъ, какъ заключаетъ о немъ Г. Оберъ-Полиціймейстеръ, сказавшій, въ изслѣдованіи своемъ, что образъ мыслей его (Попова) не сходствуетъ съ толкователемъ. Напротивъ того, исправленный имъ переводъ можно назвать буквальнымъ, сколько то позволяетъ свойство нашего языка.»

Здѣсь, по видимому, Г. Сенаторъ увлекся ошибкою переписчика, поставившаго въ рѣчи Г. Оберъ-Полиціймейстера, вмѣсто глагола сходствуетъ, глаголъ не сходствуетъ. Но таковая ошибка, если бъ она и находилась въ бумагѣ, читанной Г. Сенаторомъ, могла по смыслу легко быть примѣчена; ибо, признавая сочиненіе Пастора Госнера исполненнымъ злочестія, сказать о томъ, кто книгу его поправлялъ, что онъ образомъ мыслей своихъ не сходствуетъ съ нимъ, было бы совершенно его оправдывать, поелику не сходное съ худымъ не можетъ иначе быть, какъ доброе. Настояніе Г. Сенатора, что поправки точно сходствуютъ съ подлинникомъ, гораздо больше служитъ къ обвиненію подсудимаго, нежели когда бы оныя почитались не сходствующими, какъ уже о томъ и выше упоминаемо было.

4-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Я долженъ еще замѣтить, въ отношеніи къ исправленной рукою Г. Попова тетради: 1-е, что она не была еще въ рукахъ Цензора; 2-е, что часть оной,

т. е., исправленная рукою Г. Попова, состоитъ изъ девятнадцати полулистовъ, писанныхъ въ половину, и что, слѣдственно, часть сія не составила бы и одного полнаго печатнаго листа въ осьмушку; 3-е, что исправленное Поповымъ мѣсто едва ли равняется съ одною 57-ю долею всѣхъ отпечатанныхъ листовъ.»

Сіе ариѳметическое исчисленіе долей не можетъ, кажется, служить ни къ какому оправданію Г. Попова; ибо не о томъ спрашивается, какую часть книги онъ поправлялъ, но о томъ, за чѣмъ, съ какимъ намѣреніемъ, самопроизвольно поправлялъ книгу, наполненную противными нашей Вѣрѣ и Правительству толкованіями? Вотъ о чемъ идетъ дѣло, а не о томъ, сотая, или пятидесятая, часть ея, и одинъ или два листа въ осьмушку поправлены его рукою. Это не подлежитъ сужденію; ибо часто и одна строка можетъ быть преступнѣе, нежели цѣлая громада листовъ.

5-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «На второй пунктъ, что Г. Поповъ дерзнулъ упорствовать въ мнѣніи своемъ на счетъ книги и автора, какъ будто въ охужденіе заключенія о нихъ Правительства, обвиняемый, въ оправданіе свое, ссылается на подлинный отвѣтъ свой къ Оберъ-Полиціймейстеру. И дѣйствительно, въ отвѣтѣ семъ, предъ нами лежащемъ, ни чего нѣтъ тайнаго, что бы могло вмѣниться въ дерзость, и того еще меньше въ охужденіе. Его спрашиваютъ: «По какому случаю онъ поправлялъ переводъ?» Онъ отвѣчаетъ: «По тому, что Пасторъ Госнеръ былъ извѣстенъ ему за человѣка (сколько онъ могъ видѣть) истинно Христіанскихъ правилъ; а по сему онъ не сомнѣвался, чтобы и книга его не была писана въ духѣ благочестія.»

Г. Сенаторъ находитъ сей отвѣтъ Попова достаточнымъ къ его оправданію; но какимъ образомъ читать, поправлять книгу, и до такой степени быть не свѣдущу, что не знать, худое ли въ ней, или доброе, написано? Возможно ли съ подобнымъ отсутствіемъ разсудка приступать къ поправленію слога въ книгѣ? Впрочемъ, если принять это за оправданіе, то всякій писатель можетъ переводить и печатать всякую развратную и возмутительную книгу, и всякій учитель преподавать по ней уроки, оправдываясь тѣмъ, что онъ сочинителя ея зналъ за благонравнаго человѣка, а

по тому думалъ, что книга его благоправна. Кажется, Г. Сенаторъ самъ почувствовалъ необычайность сего извиненія; ибо

6-е. Въ поправленіе себя присовокупляетъ: «по такимъ образомъ онъ (Поповъ) выражается на счетъ мнѣнія своего о книгѣ и авторѣ ея не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ, времени. Другаго отвѣта нельзя было и ожидать отъ него.»

Если бы подсудимый совсѣмъ не читалъ книги и не зналъ ея содержанія, а только бы оная найдена была у него, то отвѣтъ его, приводимый Г. Сенаторомъ, могъ бы имѣть нѣкоторую вѣроятность; но уличаемый своеручнымъ поправленіемъ такой книги, которую Комитетъ Господъ Министровъ единогласно призналъ, и Государь Императоръ утвердилъ, что она содержитъ разсужденія, не согласныя не только съ нашею, но и со всякою Христіанскою Вѣрою, и что заключаетъ въ себѣ умствованія противъ Правительства и всякой гражданской власти,—уличаемый, говорю, поправленіемъ слога такой книги, могъ ли подсудимый, безъ дерзкаго прекословія Правительству, и даже безъ отрицанія въ самомъ себѣ всякаго разсудка, отвѣтствовать, что Пасторъ Госнеръ былъ извѣстенъ ему за человѣка истинно Христіанскихъ правилъ, и что по тому онъ не сомнѣвался, чтобъ и книга его не была писана въ духѣ благочестія? Да развѣ онъ не поправлялъ слогъ этой книги? Развѣ можно поправлять не читая? А когда читалъ, поправлялъ, и когда уже надъ нею и надъ авторомъ ея произнесенъ былъ судъ Правительства, то какимъ образомъ такой отвѣтъ его принять за оправданіе? По этому какую бы кто ни принесъ ко мнѣ преступную и возмутительную бумагу, я слогъ въ ней поправлю своей рукою, и когда спросятъ меня, за чѣмъ я это дѣлалъ, то я могу отвѣчать: «Тотъ, кто принесъ ее, казался мнѣ человѣкомъ честнымъ, а по тому хотя я и поправлялъ бумагу, но, судя по немъ, думалъ, что она хороша;» и это примутъ отъ меня за оправданіе, или въ извиненіе мое скажутъ: «Да это говоритъ онъ не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ времени!» Не знаю, въ какомъ Правительствѣ покажутъ мнѣ таковыя правила суда.

7-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «А чтобы изъ даннаго имъ (Поповымъ) отвѣта выводить послѣдствіе, какъ заключаетъ Г. Оберъ-Полиціймейстеръ: что таковымъ изъясненіемъ онъ (Поповъ) рѣшился какъ бы охуждать рѣшеніе Правительства,—то я, по совѣсти моей, долженъ сказать, что и тѣни похожаго на это не вижу; примѣръ: я былъ знакомъ съ человѣкомъ, который впалъ въ тяжкое уголовное преступленіе, въ слѣдствіе коего онъ осуждается на позорную казнь. Меня спрашиваютъ: «Какъ могъ я имѣть сношеніе съ такимъ человѣкомъ?»—«Потому (отвѣчаю я), что онъ казался мнѣ хорошимъ, и я почиталъ его таковымъ. Не уже ли такой отвѣтъ мой вмѣнился бы мнѣ въ порицаніе судейскаго надъ преступникомъ приговора? Конечно, нѣтъ; ибо я такъ думалъ о немъ тогда, когда не я одинъ, а все общество, въ коемъ онъ обращался, находило въ немъ хорошаго человѣка; это не значитъ, что я и теперь то же о немъ заключаю. Такъ точно и Г. Поповъ, говоря о Госнерѣ и книгѣ его, въ секретномъ донесеніи своемъ къ Оберъ-Полиціймейстеру, открываетъ мнѣніе свое объ авторѣ и сочиненіи, бывшее до заключенія, а не настоящее, по заключеніи о нихъ Правительства.»

Здѣсь надлежитъ замѣтить, что хотя Г. Сенаторъ увѣряетъ по совѣсти своей, что онъ не видитъ въ заключеніи Г. Оберъ-Полиціймейстера и тѣни похожаго на сказанное имъ, но, не касаясь совѣсти его, можно и должно сказать о совершенной несправедливости его доказательствъ. Онъ приводитъ въ примѣръ знакомство свое съ человѣкомъ, впадшимъ въ уголовное преступленіе, и доказываетъ невинность свою тѣмъ, что онъ о впаденіи его въ сіе преступленіе не могъ напередъ знать. Но тотъ ли здѣсь случай? Поповъ обвиняется въ поправленіи книги, а о томъ, былъ ли знакомъ съ Госнеромъ, или нѣтъ, ни кто у него не спрашиваетъ. Примѣръ Г. Сенатора совсѣмъ не тотъ. Подходящій къ нему примѣръ есть слѣдующій: я зналъ о намѣреніи того, кто впалъ въ уголовное преступленіе, и, вмѣстѣ съ нимъ, придумывалъ, какъ бы произвесть оное въ дѣйствіе; иначе, какимъ образомъ, поправляя листки печатающейся книги, не участвовать въ ней и не быть согласну съ намѣреніемъ автора издать ее въ свѣтъ? Таковое чуждое всякаго правдоподобія увѣреніе для слушателя не убѣдительно, и даже самому Попову слу-

житъ болѣе въ оскорбленіе, нежели въ защиту; ибо онъ, читая книгу, представляется не понимающимъ того, что въ ней написано, и словно какъ бы онъ при поправленіи ея двигалъ руку свою механически, безъ всякаго размышленія. Когда же не полагать его въ семъ машинальномъ состояніи, то какое средство изобрѣсти къ изъятію его отъ участвованія въ ней? Г. Сенаторъ говоритъ, что онъ открываетъ мнѣніе свое объ авторѣ и сочиненіи, бывшее до заключенія, а не настоящее по заключеніи о нихъ Правительства По 1) если не выставлять его (какъ Г. Сенаторъ выставляетъ) дѣйствующимъ механически, то могъ онъ и прежде заключенія Правительства, изъ содержанія читаемой и поправляемой имъ книги, знать и о ней и о сочинителѣ ея. 2) Г. Поповъ писалъ отвѣты свои по высылкѣ уже Госнера и послѣ осужденія книги его: слѣдовательно, вопреки сему осужденію. По какому праву и основанію Г. Сенаторъ не видитъ и тѣни похожаго на то, что заключается въ мнѣніи Г. Оберъ-Полиціймейстера? Впрочемъ, предположеніе Г. Сенатора, что Поповъ могъ Госнера и книгу его почитать благочестивыми, по тому что не одинъ онъ, но и все общество, въ коемъ Госнеръ обращался, находило его хорошимъ человѣкомъ, есть весьма несовмѣстное предположеніе; ибо отзываться съ похвалою о Госнерѣ изгнанномъ, и о книгѣ его, преданной истребленію, оправдывая себя въ томъ какимъ-то мнимымъ къ нему уваженіемъ какого-то неизвѣстнаго общества, есть нѣчто весьма необычайное.

8-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Въ третьемъ пунктѣ поставляется въ вину Г. Попову, что ему не слѣдовало поправлять ни какихъ сочиненій, и что участіе его и покровительство автору ввело въ заблужденіе Цензоровъ, кои, вѣроятно, по сему вліянію одобрили книгу къ напечатанію. Здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, гадательно ни чего принимать не должно, а прежде всего потребно опредѣлить съ ясностію, въ чемъ состоитъ покровительство Попова Госнеру, или то, что собственно принадлежитъ къ предмету, могло ли вліяніе его дѣйствовать на Цензоровъ? Скорѣе всего это окажется чрезъ внимательное соображеніе обстоятельствъ времени и мѣста.»

Г. Сенаторъ весьма справедливо разсуждаетъ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, не должно гадательно ничего принимать; но да позволитъ онъ сдѣлать себѣ слѣдующіе вопросы: 1) Когда книга признана Правительствомъ зловредною, и когда подсудимый въ поправленіи слога ея изобличается собственною своею рукою, и самъ отъ того не отрицается, то что же тутъ гадательное? 2) Ежели должно помышлять о томъ, чтобы не отяготить судьбу человѣка, то не уже ли менѣе должно пещися о защитѣ Вѣры и Отечества отъ наводненія противныхъ благу ихъ сочиненій?

9-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Первое представляется мнѣ то, что Г. Поповъ, уволенный въ чужіе края, для поправленія разстроеннаго здоровья своего, выѣхалъ изъ С.-Петербурга 7-го Марта, 1823 года, больной, и еще за полгода до того ни какими дѣлами, по болѣзни своей, не занимавшійся. Рукопись перевода Госнеровой книги, о которой Г. Поповъ тогда еще и не слыхалъ, поступила въ Цензуру только въ началѣ того года, а пропущена къ печатанію уже въ Маѣ мѣсяцѣ, т. е., во время пребыванія Г. Попова внѣ Россіи. Когда же онъ, того же самаго года, Сентября 13-го, возвратился въ Отечество свое, то книги той отпечатано было уже 50 листовъ, или еще и болѣе. Если бы Г. Поповъ поправлялъ первые листы сочиненія, то это могло бы еще послужить нѣкоторымъ безмолвнымъ одобреніемъ, подавшимъ Цензорамъ поводъ къ пропущенію книги въ печать: но онъ въ началѣ и не зналъ о книгѣ сей; а если въ томъ и не давать ему вѣры, то, по крайней мѣрѣ, можно уже утвердительно сказать, что онъ первыхъ листовъ не поправлялъ; что печатаніе первыхъ 50 листовъ произведено было въ отсутствіе его; что поправленная имъ тетрадь и не проходила еще чрезъ руки Цензора. Какое же вліяніе со стороны его остается возможнымъ? Или письменное извнѣ, и словесное еще въ Россіи, до отъѣзда его въ чужіе края. Если есть такое письмо, коимъ можно уличить его, пускай представится; ежели есть такой человѣкъ, которому Поповъ внушалъ одобреніе книги, пускай онъ станетъ противъ него свидѣтелемъ: безъ того я не могу признать вліянія его на печатаніе книги * (1),

* См. въ концѣ примѣчанія: 1, 2, 3 и 4.

и тѣмъ еще болѣе, что самъ Цензоръ, Г. Бирюковъ, который бы могъ однимъ двусмысленнымъ словомъ облегчить лежащую на себѣ отвѣтственность, предпочелъ, однако жъ, святую истину собственной своей безопасности, объявивъ съ благороднымъ чистосердечіемъ, что со стороны Г. Попова никогда не было ни какого внушенія ни въ пользу, ни во вредъ, разсмотрѣнной имъ помянутой книги.»

Здѣсь: 1) Г. Сенаторъ, устраняясь отъ существенныхъ въ дѣлѣ обстоятельствъ, затмѣваетъ ихъ посторонними, не принадлежащими къ дѣлу, разсказами, увѣряя, что Поповъ былъ болѣнъ, что съ полгода не занимался дѣлами, что поѣхалъ изъ Россіи 7-го Марта, 1823 года, и что будто по тому о рукописи, поступившей въ Цензуру въ началѣ того же года, не могъ слышать. Но по чему не могъ слышать? По чему и прежде отъѣзда своего и болѣзни не могъ о сей рукописи имѣть свѣдѣнія? По чему, не занимаясь дѣлами, не могъ заниматься чтеніемъ ея? Да если бы это и можно было доказать, то къ чему бы послужило такое доказательство, коимъ поправка книги рукою Г. Попова, существенное и главнѣйшее въ семъ дѣлѣ обстоятельство, ни мало чрезъ то не опровергается? 2) Г. Сенаторъ требуетъ письма, или свидѣтельства, словно какъ бы собственная рука Попова въ поправленіи книги не свидѣтельствовала, что онъ печатаніе не только одобрялъ, но и желалъ споспѣшествовать тому. 3) Г. Сенаторъ доказываетъ еще, что Поповъ поправлялъ послѣдніе, а не первые, листы книги. Но что до этого, когда книга и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ злочестива и вредоносна? Да если бы въ концѣ своемъ она и не была такою, а только въ началѣ, или срединѣ, то и тогда поправленіе ея не могло почесться невиннымъ, поелику нельзя поправлять, не читавши начала и не знавъ содержанія книги. 4) Г. Сенаторъ доказываетъ невинность Попова тѣмъ, что Цензоръ не говоритъ, чтобы онъ побуждалъ къ пропуску книги; но это не служитъ ни къ малѣйшему оправданію Г. Попова, поелику желаніе его, чтобъ оная была напечатана, неоспоримымъ образомъ явствуетъ изъ его поправленія.

10-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Относительно же къ первой части того же 3 пункта обвиненія, въ коей сказано, что ему

не слѣдовало поправлять ни какого сочиненія, то я не знаю закона, или предписанія, возбраняющаго Директорамъ Народнаго Просвѣщенія такое занятіе. Если бы такой законъ существовалъ, то, конечно, поправленіе книги было бы нарушеніемъ онаго; но какъ онъ не существуетъ, то нельзя вмѣнить поступокъ Г. Попова въ преступленіе; ибо во всѣхъ начальныхъ основаніяхъ уголовнаго правовѣдѣнія принимается за аксіому: нѣтъ преступленія безъ закона (Nullum crimen sine lege), иначе: что не возбраняется, то не осуждается.»

Сомнительно, чтобы безъ какой ни будь недосмотрѣнной, при напечатаніи сей статьи, ошибки, Г. Сенаторъ, имѣя предъ собою въ той же самой Сенатской бумагѣ выписанные и приложенные на сей случай законы, могъ отвергать существованіе оныхъ. Не возможно, чтобы, толкуя предъ лицемъ Сената Латинскими словами начальныя основанія уголовнаго правовѣдѣнія, могъ онъ не знать, что поправлять обыкновенныя сочиненія ни кому не запрещается, но участвовать въ поправленіи сочиненій противъ Вѣры и Правительства, сочиненій, клонящихся къ возмущенію народнаго спокойствія, всегда и вездѣ было и есть преступленіе, осуждаемое и наказуемое Божескими и человѣческими законами. Таковое смѣшеніе и принятіе за одно сочиненій о наукахъ, или краснорѣчіи, съ развратными и возмутительными сочиненіями, конечно, не могло иначе произойти, какъ отъ ошибочнаго выраженія мыслей подлинника (2).

11-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Таково сужденіе мое о Г. Поповѣ. Оно основано на одной истинѣ; по крайней мѣрѣ, на внутреннемъ въ оной убѣжденіи, которое я здѣсь открываю со всею смѣлостію, внушенною мнѣ сознаніемъ исполненія священнаго долга, возложеннаго на меня званіемъ моимъ.»

Можно весьма согласиться на внутреннее убѣжденіе Г. Сенатора; но что касается до истины, внушенной ему смѣлостію исполненія священнаго долга, то да позволитъ онъ себѣ сказать, что остается еще сію истину его и священный долгъ положить на вѣсы правосудія и здраваго разсудка съ истиною и священнымъ долгомъ тѣхъ, кои противно ему разсуждаютъ:

тогда только окажется, чья истина вѣрнѣе, чей долгъ священнѣе, и чья смѣлость благонамѣреннѣе.

12-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Впрочемъ, мнѣ кажется, если я не ошибаюсь, что и сами Гг. Министры, просвѣщенные изслѣдователи Госнеровой книги, указываютъ намъ на ту точку зрѣнія, съ которой мы должны разсматривать поступокъ Г. Попова. Въ заключеніи своемъ о Цензорѣ они сказали: во первыхъ Цензоръ можетъ не имѣть достаточнаго проницанія; вмѣсто Цензора поставимъ Директора и скажемъ ихъ же словами: во первыхъ Директоръ могъ не имѣть достаточнаго проницанія во вредъ, прикрытый въ книгѣ мнимою пользою наставленія въ Вѣрѣ и просвѣщеніи; во вторыхъ, публичное проповѣдываніе и печатаніе книгъ сихъ въ здѣшней столицѣ могли отвлечь Директора отъ сомнѣнія, и если бы онъ увидѣлъ что либо сомнительное, то опасался бы изъявить свое сомнѣніе при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ (3). То, что служитъ къ оправданію Цензора, можетъ, безъ сомнѣнія, служитъ къ тому же и въ отношеніи къ Директору, въ настоящемъ же случаѣ еще и болѣе въ пользу сего послѣдняго; ибо Цензоръ, имѣвъ почти всю книгу въ рукахъ своихъ, могъ судить о духѣ, въ коемъ она писана, основательнѣе, нежели Директоръ, видѣвшій изъ нея только одну какую ни будь 57. долю.»

Г. Сенаторъ несправедливо и превратно толкуетъ здѣсь мнѣніе Гг. Министровъ, обращая слова ихъ совсѣмъ не къ тому, къ чему оныя сказаны. Обстоятельство сіе состоитъ въ слѣдующемъ: Комитетъ Гг. Министровъ поручилъ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и мнѣ разсмотрѣть Госнерову книгу. Исполняя сіе, мы представили наше мнѣніе, основанное на доказательствахъ, сдѣланныхъ противъ выписокъ изъ сей книги. Находя ее противною Вѣрѣ и нравственности, и присовокупляя къ тому, что многія и другія подобныя книги выпущены, въ противность всѣмъ Указамъ, безъ всякаго Синодскаго разсмотрѣнія, мы полагали, что, для отвращенія вредныхъ отъ того послѣдствій, надлежитъ на будущее время взять мѣры учрежденіемъ гражданской Цензуры на лучшемъ основаніи. Здѣсь, не касаясь болѣе

до Госнерова дѣла, но единственно говоря о новой предполагаемой Цензурѣ, излагали мы мнѣніе наше объ учрежденіи оной.

Прочитавъ всю статью о семъ, выписанную на страницѣ 12-й, въ Сенатской бумагѣ, можно видѣть, о чемъ и къ какому предмету разсужденія наши относились. Г. Сенаторъ взялъ изъ сей статьи отрывокъ, и произвольно обратилъ оный не на общее сужденіе о Цензорахъ, но именно на Цензора Бирюкова, выводя изъ того несправедливое заключеніе, что будто бы Министры указываютъ на ту точку зрѣнія (4), съ которой долженъ онъ разсматривать поступокъ Г. Попова. Я, какъ дѣйствующее въ семъ дѣлѣ лице, отнюдь не могу согласиться принять на себя, будто я указывалъ ему на сію точку зрѣнія. Сужденіе мое объ этомъ есть слѣдующее: оба въ дѣлѣ толь важномъ виноваты—Директоръ и Цензоръ, но ни какъ нельзя ихъ поставить наравнѣ одного съ другимъ: первое по тому, что Цензоръ обязанъ читать всѣ приходящія къ нему книги, которыхъ нынѣ выходитъ не соразмѣрное съ силами одного или двухъ человѣкъ, множество, и требуютъ скораго прочитыванія и разрѣшенія, то и легко всякій Цензоръ можетъ неумышленно индѣ не досмотрѣть, индѣ не проникнуть настоящаго смысла, а особливо прикрытаго благовидностію. Директоръ, напротивъ, не по обязанности, но по собственной волѣ своей, избралъ одну сію книгу, избралъ для своеручнаго поправленія ея въ слогѣ: слѣдовательно, съ намѣреніемъ въ лучшемъ видѣ издать ее въ свѣтъ. Цензоръ могъ почитать ее за равную со всѣми другими, приходящими къ нему, книгами; но Директоръ, чрезъ избраніе и поправленіе ея своей рукою, необходимо долженъ былъ обратить на нее особенное вниманіе. Сверхъ сего, второе, Цензоръ Бирюковъ, находясь вмѣстѣ и Начальникомъ Отдѣленія, состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Директора, и по тому, видя поправленную рукою его книгу, могъ легко быть увлеченъ его примѣромъ. Изъ сего явствуетъ, что я смотрю на сіе дѣло отнюдь не съ той точки зрѣнія, какую мнѣ приписываютъ. Впрочемъ, Г. Сенаторъ, поставя Директора на мѣсто Цензора, и превознося сего послѣдняго похвалами, въ то же время обвиняетъ его болѣе, нежели Директора, по ариѳметическому расчисленію, что Цензоръ пропустилъ всю книгу, а Директоръ поправлялъ одну только 57 долю ея; но мнѣ кажется,

здѣсь исчисленіе долей, вмѣсто разсмотрѣнія существа дѣла, ни чего не доказываетъ.

13-е. Напослѣдокъ Г. Сенаторъ оканчиваетъ: «Такимъ образомъ, въ заключеніе всего, я, мнѣніемъ моимъ, полагаю: что поелику ни что не доказываетъ ни отступленія отъ подлинника, въ поправленномъ переводѣ, ни порицанія заключенія Высшаго Правительства о Госнеровой книгѣ, ни вліянія на Цензора въ разсужденіи печатанія оной, то законъ воспрещаетъ признать въ Г.931Поповѣ умышленнаго преступника. Что же касается до поступка его, т. е., собственно до поправленія имъ перевода Госнеровой книги, то, не пріемля въ уваженіе господствовавшаго тогда духа въ нашей литературѣ, я долженъ признаться, что Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, занимавшійся поправленіемъ такого рода книги, чрезъ то одно уже обличаетъ себя человѣкомъ совершенно неспособнымъ къ тому мѣсту, которое онъ занималъ.»

Изъ всего выше приведеннаго нами явствуетъ, что мнѣніе Г. Сенатора во всѣхъ частяхъ не содержитъ въ себѣ должнаго, основаннаго на правдѣ и законахъ, суда, но есть токмо нѣкая произвольная защита, силящаяся, отступленіемъ отъ существа дѣла, показать оное въ видѣ, противномъ сужденію о немъ Комитета Гг. Министровъ. Изъ сего мнѣнія своего выводитъ онъ подобныя, произвольныя и собственнымъ его словамъ противорѣчущія, заключенія, какъ то: 1) оправдавъ Попова, наказываетъ, приговаривая его, какъ неспособнаго, къ лишенію того мѣста, котораго онъ уже давно лишенъ; 2) находя выше сего, что законы не возбраняли ему поправлять книгу, здѣсь находитъ его виновнымъ въ поправленіи такого рода книги; 3) обвиняетъ, не пріемля въ уваженіе господствовавшаго тогда въ нашей литературѣ духа. При сихъ словахъ я долженъ остановиться и сказать, что выраженіе: господствующій духъ въ литературѣ не должно бы употребляться въ Государственныхъ бумагахъ; ибо когда въ нихъ будетъ признаваться господство духа, тогда власть и законы потеряютъ свое господство; ибо два Господина вмѣстѣ быть не могутъ.

Я согласенъ въ Г. Поповѣ признать человѣка, бывшаго въ заблужденіи, не видавшаго въ Госнерѣ злоумышленнаго сектатора, и не могшаго въ книгѣ проникнуть скрытаго злочестія, а по тому и оправдавшаго оную въ томъ же самомъ заблужденіи.

Вотъ все, что къ извиненію его сколько ни будь принято быть можетъ! Но оправдывать поступокъ его, выказывать оный не противнымъ законамъ, и не къ лицу, по уваженію къ слабостямъ и недостаткамъ человѣческимъ, снисходить, но преступному и злонамѣренному дѣйствію давать видъ невинности, сего я дѣлать не умѣю, не хочу и не могу.

Примѣчанія.

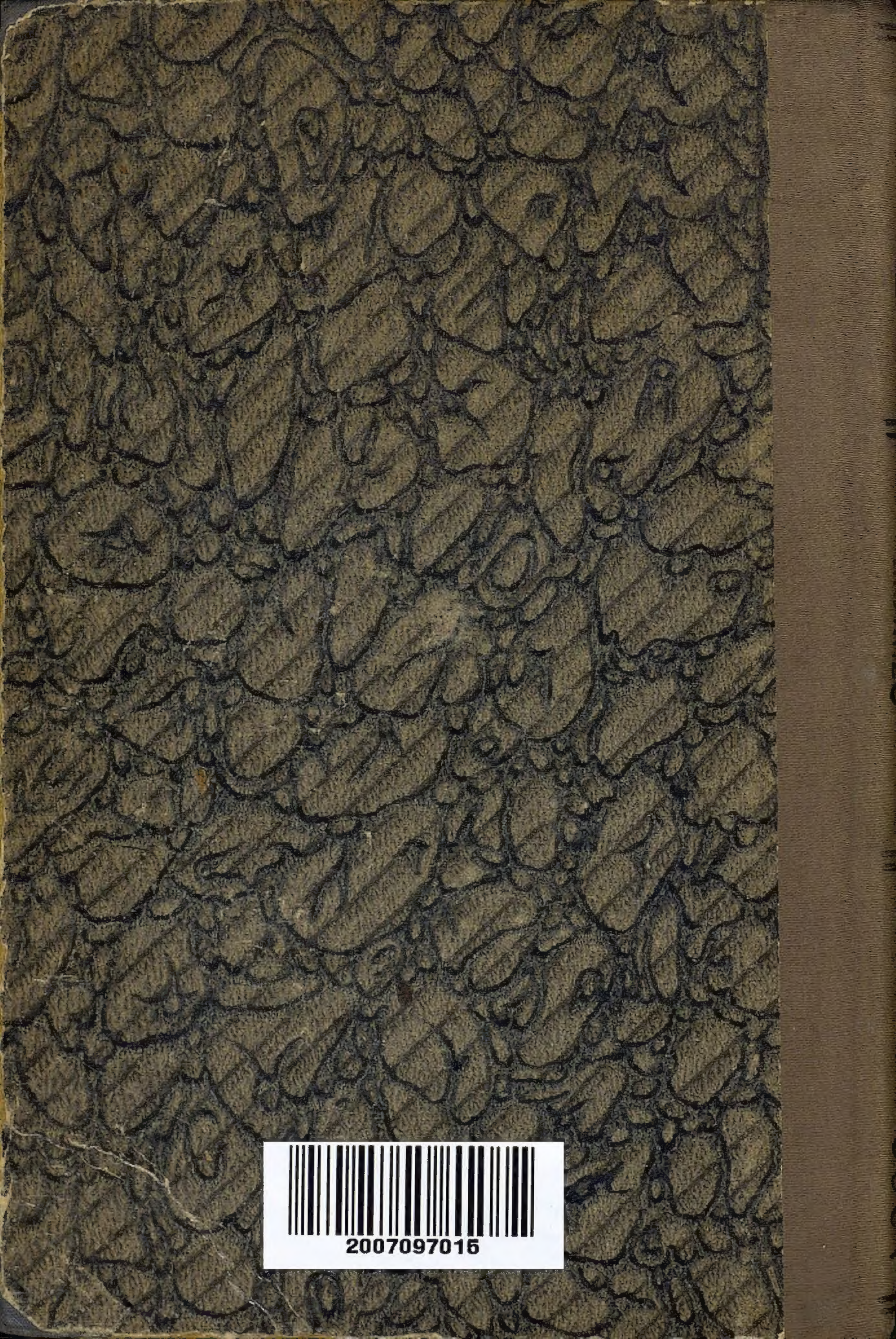
1) Вліяніе на Цензоровъ, вліяніе письменное, вліяніе на печатаніе книгъ.—Бѣдный Русскій языкъ! И съ тобою не лучше поступаютъ, какъ съ законами и правосудіемъ. О времена! О нравы! Читатель! прости мнѣ сіи подъ звѣздочками прибавки, присовокупленныя въ Запискахъ моихъ уже послѣ, по прочтеніи въ Совѣтѣ бумаги моей. Нѣтъ возможности не скорбѣть, видя языкъ искаженнымъ и правду попираемую ногами.

2) Дѣйствительно, трудно повѣрить, чтобы, въ присутствіи полнаго собранія Русскаго Сената, можно было (не говоря уже о неприличіи ни мало не относящагося къ сему Латинскаго текста) нѣчто подобное утверждать; ибо, допуская сіе, останется только допустить, что хотя разбойникъ и зарѣзалъ человѣка, но какъ нѣтъ закона, воспрещающаго употребленіе ножа, то онъ не виноватъ—довольно сказать: «Nullum crimen sine lege.»

3) Благоразумный читатель! обращаюсь къ тебѣ. При какой нравственности можно Сенатору говорить сіе предъ лицомъ Общаго Собранія первенствующихъ судей и предъ цѣлымъ свѣтомъ? Онъ, первое, поставляетъ Директора Народнаго Просвѣщенія, засѣдавшаго въ Библейскихъ Обществахъ, сносившагося съ Англійскими Методистами, Госнерами и проч., и проч., не разумѣвающимъ того, о чемъ въ сихъ книгахъ, отъ Министерства Просвѣщенія издаваемыхъ и его собственною рукою поправляемыхъ,

толь прямо и ясно говорится. Второе, Сенаторъ въ оправданіе ему ставитъ то, что онъ, при явномъ къ сочинителямъ и переводчикамъ сихъ книгъ покровительствѣ и благорасположеніи (въ коихъ, слѣдственно, и самъ участвовалъ, поелику былъ Директоръ и поправлялъ ихъ своею рукою), опасался изъявить свое сомнѣніе.... Опасаться не участвовать и не опасаться участвовать въ издаваніи книгъ возмутительныхъ, возстающихъ противъ Вѣры, Правительства и спокойствія народнаго,—прекрасное оправданіе, достойное просвѣщенныхъ нашихъ временъ!

4) И какъ здѣсь выставлены собственныя мои слова, то имѣю право изъявить мои чувства, что желаю лучше ослѣпнуть, нежели когда ни будь смотрѣть на сіе дѣло съ одинаковой съ Г. Сенаторомъ точки зрѣнія (слова сіи, впрочемъ, справедливыя, выпустилъ я изъ читанной мною въ Совѣтѣ бумаги).

2007097015